

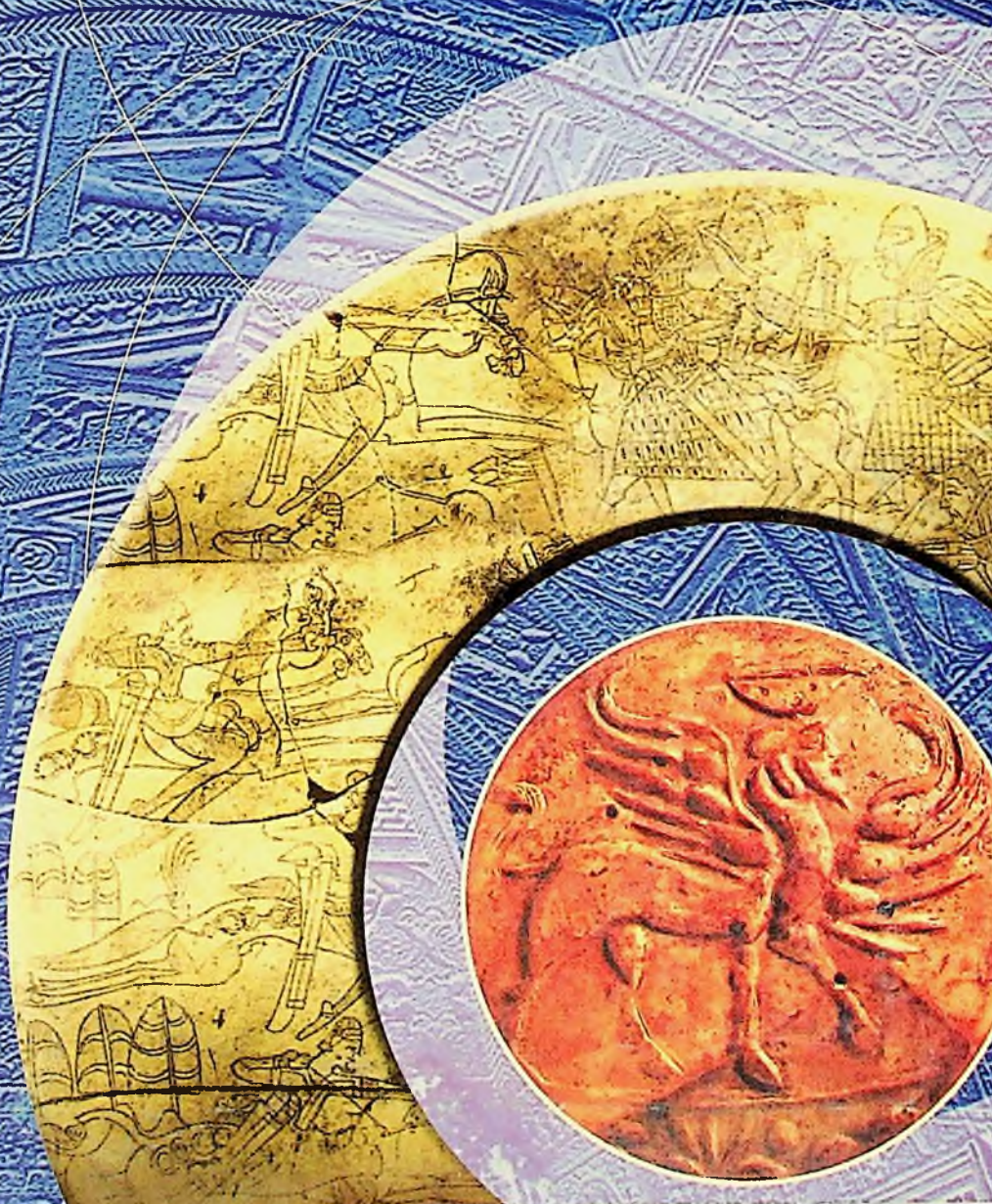
HE-877
2007:4

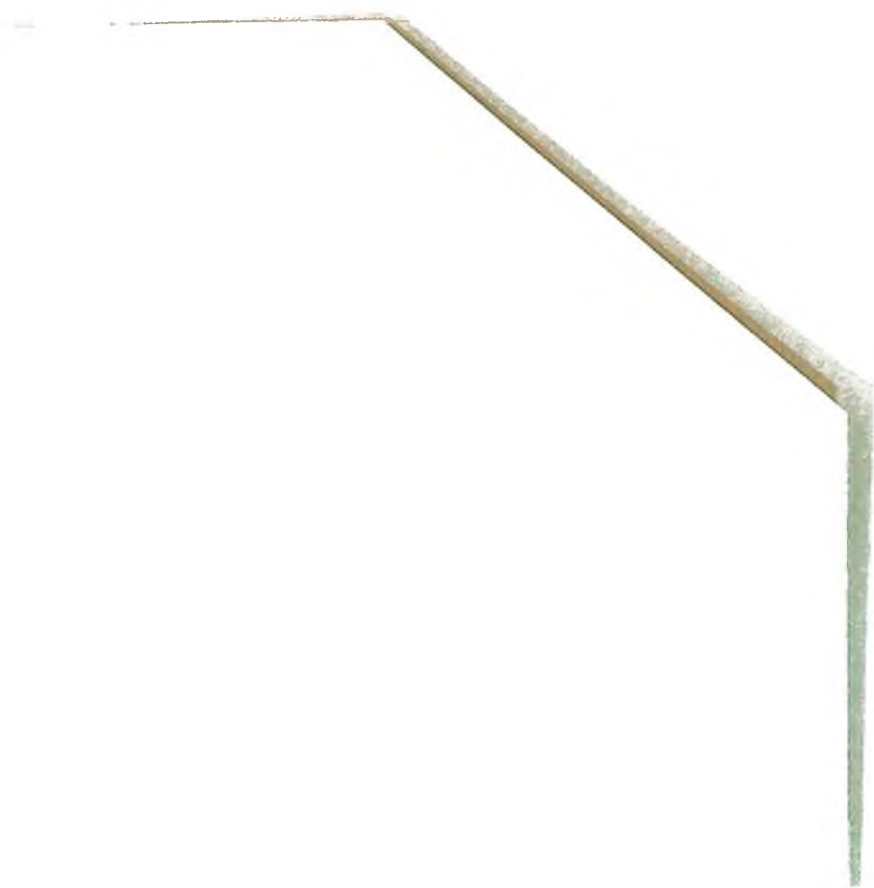
O'ZBEKISTON

TARIXI

4/2007

HISTORY OF UZBEKISTAN

O'zbekiston Respublikasi Fanlar akademiyasi

O'ZBEKISTON TARIXI

Илмий журнал

4
2007

Мундарижа

С. П. Толстовнинг 100 йиллиги

Тахририятдан	3
А. Сагдуллаев, Ў. Абдуллаев. С. П. Толстов тадқиқотларида Хоразм тарихи (сўнгги бронза ва илк темир даври)	4
А. Асқаров. Қадимги Хоразм тарихини ўрганишга янгича ёндашувлар	11
С. Баратов. Хоразм қадимги маданиятига оид археологик тадқиқотларнинг баъзи муаммолари	22

Мақолалар

Б. Матбобоев, З. Машрабов. Андижон-шаҳар маданиятининг пайдо бўлиши ва ривожланиш босқичлари (тарихий-археологик тадқиқотлар)	35
Р. Абдуллаев. 1917 йил октябрь воқеалари арафасида Самарқанддаги ижтимоий-сиёсий жараёнлар	48
Н. Маҳкамова. Совет ҳокимияти ўрнатилган илк йиллардаги ижтимоий қагагон сиёсати	56
Н. Норжигитова. XX аср 20-30-йилларида ўзбек сиёсий элитасининг шаклланиши ва унинг хусусиятлари	68

Тарихшунослик, манба ва талқин

Д. Жўрақулова. Зарафшон водийсининг тош ва бронза даври археологик ёдгорликларини ўрганиш тарихидан ...	78
С. Шодмонова. Туркистоннинг илк расмий матбуоти тарихидан («Туркестанские ведомости» газетаси мисолида)	88

Этиология масаллари

Г. Зулпунова. Ўзбекларнинг диний-мифологик дунёкарашида символик тасаввурларнинг акс этиши (Тошкент шаҳри маҳаллалари материаллари асосида)	99
---	----

Тарихчи кутубхонасига

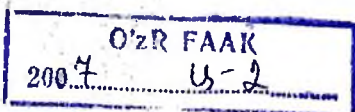
А. Дониёров, О. Бўриев. Ўзбек халқи қадимий эътиқод ва маросимларининг таҳлили	108
Н. Абдурахимова. С. Аъзамхўжаевнинг «История Туркестанской Автономии» монографиясига тақриз	111
А. Ҳакимов. В. Лунсванинг «Ювелирное искусство Северной Бактрии» монографиясига тақриз (мил. ав. I – мил. IV)	114

Илмий ҳаёт

С. Тиллабоев. Тарих фанлари бўйича илмий тадқиқотларни Мувофиқлаштирувчи Республика кенгашининг фаолияти тўғрисида	116
--	-----

Jurnalga 1998 yil
iyulda asos solindi
Bir yilda to'rt
marta chiqadi

Toshkent
O'zbekiston
Respublikasi Fanlar
akademiyasi
«Fan» nashriyoti

2

Содержание

К 100-летию С. П. Толстова

От редакции	3
А. Сагдуллаев, У. Абдуллаев. История Хорезма в свете исследований С. П. Толстова (эпоха поздней бронзы и раннего железа)	4
А. Аскарлов. Новые подходы к изучению истории Древнего Хорезма	11
С. Баратов. Некоторые проблемы археологических исследований древних культур Хорезма	22

Статьи

Б. Магбабаев, З. Машрабов. Анджиган: городская культура и этапы ее развития (историко-археологическое исследование)	35
Р. Абдуллаев. Общественно-политические процессы в Самарканде накануне октябрьских событий 1917 г.	48
Н. Махкамова. Репрессивная социальная политика советской власти в первые годы после ее установления	56
Н. Норжингова. Формирование узбекской политической элиты и ее особенности в 20-30-е годы XX века	68

Историко-география, источники и комментарии

Д. Джуракулова. Из истории археологического изучения памятников эпохи камня и бронзы Зарафшанской долины ..	78
С. Шодмонова. Из истории официальной печати Туркестана (на примере газеты «Туркестанские ведомости»)	88

Вопросы этнологии

Г. Зунунова. Отражение символических представлений в религиозно-мифологическом сознании узбеков (на материалах махалля Ташкента)	99
--	----

В библиотеку историка

А. Дониёров, О. Буриев. Анализ древних верований и обрядов узбекского народа	108
Н. Абдуралимова. Рецензия на монографию С. Агзамходжасва «История Туркестанской Автономии»	111
А. Хакимов. Рецензия на монографию В. Луневой «Ювелирное искусство Северной Бактрии» (I в. до н. э. – IV в. н. э.)	114

Научная жизнь

С. Тиллабоев. Об очередном заседании Республиканского координационного совета по историческим наукам	116
--	-----

Тахрир хайъати:

Дилором Алимова
(бош мухаррир)
Мируэрт Абулсентова
(Козогистон)
Омонулла Бўрнев
Алишер Дониёров
Доно Зияева
Ўткир Исломов
Мирсодиқ Исоқов
Элёр Каримов
Зоя Орифхонова
Эдвард Ргвеладзе
Ильза Сиртаутас (АҚШ)
Рустам Сулаймонов
Маргарита Филанович
(бош мухаррир уринбосари)
Темур Ширинов
Нозим Ҳабибуллаев
Шонра Асадова (масъул котиб)
М. Саидова
А. Михерёва
(мухаррирлар)
Т. Гез (мукова дизайнери)

Манзилимиз:

100170, Тошкент,
И. Мўминов кўчаси, 9-уй.
Телефон: 262-38-73.

Журнал Ўзбекистон Республикаси
Давлат матбуот кўмитаси томонидан
руйхатга олинган.
Гувоҳнома № 0051

Теришга берилди 6.02.2008.
Босишга рухсат этилди 25.03.2008.
Қоғоз бичими 70×100^{1/16}.
Таймс гарнитура.
Офсет босма. Офсет қоғози.
Шартли босма 7,75 т.
Ҳисоб-нашриёти 7,2 т.
350 нусха. 61-буйуртма.

С. П. Толстовнинг 100 йиллигига

ОТ РЕДАКЦИИ

В предыдущем номере журнала была помещена статья Ю. Ф. Бурякова и М. И. Филанович, посвященная 100-летию выдающегося ученого С. П. Толстова и международной конференции, приуроченной к этой дате. В данном номере редакция публикует статьи ведущих ученых республики с оценкой его деятельности, научных открытий и взглядов на Хорезмскую цивилизацию в свете новейших достижений в области археологии Хорезмского региона. Они чрезвычайно высоко оценивают вклад С. П. Толстова, признанный мировой научной общественностью, в разработку древнейшей истории Хорезма, однако вместе с тем в настоящее время одни исследователи поддерживают и продолжают идеи С. П. Толстова, а другие же высказывают совершенно иную точку зрения.

В включенных в номер статьях также подняты вопросы периодизации городской культуры Древнего Хорезма, ее происхождения, истоков и времени появления в свете новейших данных археологии и письменных источников. Ряд проблем исторического и социально-экономического плана, которые рассматривались С. П. Толстовым, до настоящего времени остаются дискуссионными, что читатель сразу заметит при ознакомлении с тем или иным материалом.

Редакция, сочтя нужным ознакомить с ним компетентного читателя и позволить ему самому сделать соответствующие выводы, приглашает поделиться ими на страницах нашего журнала.

А. Сагдуллаев, У. Абдуллаев

ИСТОРИЯ ХОРЕЗМА В СВЕТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ С. П. ТОЛСТОВА (эпоха поздней бронзы и раннего железа)

С. П. Толстов был первым ученым, который ввел в научный оборот понятие «цивилизация Древнего Хорезма» или «Древнехорезмийская цивилизация»¹. Ещё в 1929 г., будучи студентом, он начал изучение этнографии Хорезма, а через восемь лет возглавил Хорезмскую археолого-этнографическую экспедицию (ХАЭЭ)².

Многолетние исследования ХАЭЭ – гигантская, кропотливая работа, результаты которой ещё предстоит всесторонне оценить в историографическом плане. Исследования экспедиции охватывали широкий круг научных проблем – археологическую картографию и топографию, историю земледелия, историческую гидрографию и ирригацию, изучение стоянок, жилищ и поселений, строительства и архитектуры, истории материальной культуры и др. В результате раскопок древних памятников, относящихся к разным периодам истории, получен огромный археологический материал, обобщенный в многочисленных трудах сотрудников экспедиции³. Что касается древнейшего периода истории Хорезма, то это стоянки Кельтеминарской культуры эпохи неолита, Тазабагьябской – бронзового века, Амирабадской культуры эпохи поздней бронзы и переходного периода к эпохе железа, городища и дома – усадьбы так называемой архаической культуры, а также курганные могильники эпохи поздней бронзы и раннего железа.

С. П. Толстов одним из первых в среднеазиатской археологии широко использовал археологические материалы с целью изучения структуры древнего общества, социально-экономических отношений и истории ранней государственности. Его гипотезы и обобщения получали

¹ Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948; Е го же . Древний Хорезм. М., 1948; Е го же . По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.

² Ж а б б о р о в И. Фанга бағишланган умр (С. П. Толстовнинг 80 йиллик таваллудига). Тошкент, 1987.

³ В и н о г р а д о в А. В. Неолитические памятники Хорезма // МХЭ. Вып. 8. М., 1968; А н д р и а н о в Б. В. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969; И т и н а М. А. История степных племен Южного Приаралья // Труды ХАЭЭ. Т.Х.М., 1977; В о р о б ь е в а М. Г. Дингильдже. Усадьба середины I тысячелетия до н. э. в Древнем Хорезме // МХЭ. Вып. 9. М., 1973; В и ш н е в с к а я О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII – V вв. до н. э. // Труды ХАЭЭ. Т. VIII. М., 1973 и др.

распространение в исторической литературе, вызывали дискуссии. У него были оппоненты, как и в любой научной среде.

Начиная с конца 1930-х годов в советской историографии стала преобладать точка зрения, согласно которой первые государства в Средней Азии формировались как рабовладельческие. С. П. Толстов предполагал наличие в Хорезме в VIII – VII вв. до н. э. широкой ирригационной сети⁴. Теория о создании крупной ирригационной сети по аналогии с историей развития ирригационного хозяйства на Древнем Востоке обосновывала тезис о том, что при строительстве магистральных каналов в Хорезме использовался рабский труд⁵. Ещё в 50-х годах прошлого века А. М. Беленицкий, А. М. Мандельштам, С. С. Черников отмечали, что ничто не противоречит и возможности сооружения древних оросительных систем Средней Азии силами земледельческих общин или союзов общин, хотя и делали специальную оговорку: «Но в обществе этого времени несомненно уже зарождались классовые отношения и складывались примитивные формы государственности»⁶.

С. П. Толстов считал, что в Хорезме первоначально возникла военная конфедерация племен, постепенно переросшая в государственное объединение⁷. Против такой постановки вопроса выступил В. М. Массон, который писал, что в первой трети I тысячелетия до н. э. в Хорезме продолжалось развитие сравнительно примитивной земледельческо-скотоводческой культуры, что археологические материалы не могут подтвердить существование в Хорезме в доахеменидское время централизованного государства⁸. Вместе с тем В. М. Массон считал, что в IX – VII вв. до н. э. крупная оросительная система была создана в Маргиане⁹. Судя по опубликованным В. М. Массоном схемам расположения памятников эпохи бронзы и раннего железа в низовьях Мургаба, выявленные здесь древние каналы напоминают боковые протоки мургабской дельты¹⁰.

Не исключено, что эти каналы являлись продолжением русловых протоков Мургаба, которые были переуглублены и использованы древ-

⁴ Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. С. 103.

⁵ Толстов С. П. Периодизация древней истории Средней Азии // КСИИМК. 1949. Вып. XXVIII. С. 24-25.

⁶ См.: Очерки истории СССР. Первобытнообщинный строй и древнейшие государства на территории СССР. М., 1956. С. 244.

⁷ Толстов С. П. Древний Хорезм. С. 341.

⁸ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы // МИА. 1959. № 73. С. 126-127.

⁹ Там же. С. 129.

¹⁰ Там же. С. 64, 68, рис. 15, 18, 19.

ними земледельцами как каналы, от которых отводились арыки. Аналогичная ситуация отмечена и для Хорезма IX – VIII вв. до н. э. Здесь в качестве искусственных каналов также использовались дельтовые протоки¹¹. Создание густой арычной сети осуществлялось силами отдельных общин.

Масштабы орошения и особенности землепользования в разных областях региона определялись не только социально-экономическими, но и экологическими факторами. В отличие от равнинных, дельтовых условий Хорезма и Маргианы, в предгорных районах Бактрии и Согда водопользование базировалось на небольших реках-саях и орошаемые земли часто располагались в узких речных долинах, ограниченных естественными возвышенностями. Необходимость сооружения в таких районах крупных магистральных каналов отпадала, поэтому русла каналов эпохи раннего железа, изученных в Миршадинском оазисе в долине Сурхана, достигали в длину не более 2 км¹². Такие небольшие каналы сооружались силами земледельческих общин.

«Классовая теория» происхождения государственности, обусловленная марксистским подходом к изучению исторических процессов, преувеличивала экономический фактор в происхождении государства и роль классов в его создании. В XX в. исследователи, обращавшиеся к теме истории ранней государственности Средней Азии, так или иначе связывали формирование ранних государств в Маргиане, Бактрии и Хорезме с развитием классового общества. По поводу «рабовладельческой формации» вспыхивали дискуссии и далеко не все исследователи признавали изначально рабовладельческую сущность государственности в Средней Азии¹³.

Теория С. П. Толстова о зарождении государства в Хорезме в доахеменидское время не потеряла своего значения. С накоплением археологических данных она разрабатывалась на новой основе. В частности, М. Г. Воробьева поставила вопрос о том, что южные границы этого государства проходили по среднему течению Амударьи¹⁴, т. е. выходили далеко за пределы Хорезмского оазиса. Вместе с тем, некоторые исследова-

¹¹ И т и н а М. А. История степных племен. С. 188.

¹² С а г д у л л а е в А. С. Усадьбы Древней Бактрии. Ташкент, 1987. С. 63.

¹³ Б е л е н и ц к и й А. М. О «рабовладельческой формации» в истории Средней Азии // КСИА, 1970. Вып. 122. С. 71-76.

¹⁴ В о р о б ь е в а М. Г. Проблема «Большого Хорезма» и археология // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 38-42; См. также: Я г о д и н В. Н. Древнейшая государственность и проблема «Большого Хорезма» (1 цикл) // Вестник Каракалпакского отделения АН РУз. 2007. Вып. 1.

дователи отрицают существование в Хорезме государства в пределах VII – VI вв. до н. э.¹⁵ На наш взгляд, С. П. Толстов был прав в том, что государственность в Хорезме возникла на основе военно-политического союза оседлого населения и кочевых сако-массагетских племен. С реальными военными возможностями и потенциалом этой конфедерации столкнулся древнеперсидский царь Кир II.

Гипотезы С. П. Толстова для своего времени были неожиданными, в том числе и его мнение о возможности проникновения на территорию Хорезма в эпоху бронзы населения Передней Азии и не все высказанные им гипотезы безоговорочно разделялись исследователями. Вместе с тем следует отметить, что новейшие исследования свидетельствуют о том, что в Средней Азии задолго до Ахеменидов проявлялось смешанное расселение населения, что было обусловлено наличием внешних миграций¹⁶.

Основные причины древнейших миграций вызваны экологическими, экономическими и политическими факторами. Можно допустить, что во II тысячелетии до н. э. в результате участвовавших в Передней Азии войн и набегов отдельные общины, видимо, вынужденно покидали родные места и расселялись в отдаленных, более спокойных районах Востока. Обращает внимание и гипотеза о переднеазиатском очаге расселения индоиранских племен, в том числе и в Средней Азии. Специально отметим, что некоторые среднеазиатские топонимы и этнонимы повторяют вавилонские и мидийские понятия. Это область Паретакена в Бактрии. Согласно Геродоту, «паретакены» – самоназвание одного из шести мидийских племен¹⁷. О паретаках писал и Арриан: «Александр, покончив с Согдианой и овладев Скалой, пошёл на паретаков»¹⁸. Далее это провинция и город Ниса в Парфии, дублирующая топоним Нисайя-долины в Мидии¹⁹. Нисайя упоминается и в «Авесте». То же самое можно сказать о городе Газа в Уструшане и городе Газа в Палестине²⁰ (последний намного древнее первого). И наконец, топоним Киш (Кеш) в Южном Согде перекликается с названием месопотамского города Киш, известного еще в III – II тыс. до н. э. Отметим также, что в новых пись-

¹⁵ Пьянков И. В. Древнейшие государственные образования // История таджикского народа. Душанбе, 1998. Т. 1. С. 241.

¹⁶ Ртвеладзе Э. В. Цивилизации, государства, культуры Центральной Азии. Ташкент, 2005. С. 32-49.

¹⁷ Геродот. I, 101.

¹⁸ Арриан. IV, 1; См.: Ртвеладзе Э. Александр Македонский в Бактрии и Согдиане. Ташкент, 2002. С. 120-137.

¹⁹ Геродот. VII, 40.

²⁰ Арриан. IV, 2,1.

менных документах, найденных в Южной Бактрии, упоминается бактрийский храм, посвященный вавилонскому богу Белу²¹.

Не свидетельствует ли все это о том, что уже в эпоху бронзы отдельные группы населения Передней Азии, а затем ассирийцы и мидяне проникали в Среднюю Азию и оставались здесь для постоянного проживания? В литературе также обращалось внимание на присутствие в топонимике Узбекистана слова «митан», напоминающего название переднеазиатского государства Митанни²². Эти совпадения, видимо, далеко не случайны. И хотя данный вопрос остается открытым, сама проблема может служить темой специальных исследований.

Неожиданной также была теория С. П. Толстова о наличии в Хорезме «городищ с жилыми стенами», выдвинутая им на основании изучения городища Кюзелигыр. Согласно этой теории, центральная часть этого городища была незастроенной и предназначалась для загона скота, а древнее население использовало в качестве жилищ коридоры, идущие вдоль оборонительных стен городища²³. Эту гипотезу поддержали другие исследователи и приняли в ряде публикаций 1950-х годов. Однако дальнейшие исследования показали, что данная гипотеза нуждается в пересмотре и значительном уточнении. К этому выводу пришел сам С. П. Толстов и его правомерность показали дальнейшие раскопки на городище Кюзелигыр²⁴. Такой подход свидетельствует о том, что С. П. Толстов критически оценивал свои теории и публично мог признавать ошибочность тех или иных личных научных взглядов.

Вместе с тем выделение С. П. Толстовым крупных городищ, территория которых использовалась как загон для скота, в качестве типа древних поселений, показательных для всей Средней Азии, нашло подтверждение в процессе новых исследований памятников эпохи раннего железа в Маргиане, Бактрии и Согде. Здесь изучены такие крупные укрепленные центры, как Кызылтапа, Эрк-Кала, Одойтепа, Алтындилляр, Узункыр и Коктепа, территория которых использовалась как убежище для населения округа в случае военной угрозы и как укрытие-загон для скота, служившего мериллом общественного богатства.

²¹ Кошелев Г. А. Новые письменные документы по истории Центральноазиатского региона в древности // Роль города Самарканда в истории мирового культурного развития. Самарканд, 2007. С. 54.

²² Толстова Л. С. Исторические предания Южного Приаралья: К истории ранних этнокультурных связей народов Арало-Каспийского региона. М., 1984.

²³ Толстов С. П. Городища с жилыми стенами // КСИИМК. 1947. Вып. XVII. С. 3-8.

²⁴ Вишневецкая О. А. Раскопки на городище Кюзели-Гыр // АО 1971 г. М., 1972. С. 533-534.

Вопрос о древнейшей государственности и проблема «Большого Хорезма» рассмотрены в публикации В. Н. Ягодина²⁵. Исследователь соглашается с ранее высказанным в историографии мнением о миграции в первой трети I тыс. до н. э. населения Бактрии на земли среднего течения Амударьи и в Южный Хорезм²⁶. Что касается западной части Хорезма (Присарыкамышская дельта), то, согласно предположению Б. И. Вайнберг, сюда мигрировали племена из района Туркмено-Хорасанских гор. С этими племенами связывается этноним «хорасмии»²⁷. Таким образом, мнение С. П. Толстова о возможных внешних миграциях в Хорезм может найти подтверждение и на материалах эпохи раннего железа.

В. Н. Ягодин считает, что древнейшая государственность в Хорезме сформировалась на территории Присарыкамышской дельты и первоначально это государственное образование было небольшим, его центром являлось городище Кюзелигыр²⁸.

Новые раскопки, проведенные на Кюзелигыре под руководством О. А. Вишневской и Ю. А. Рапопорта, выявили здесь архитектурный комплекс, который исследователи считают дворцом. Кюзелигыр является единственным ранним городским центром в Присарыкамышской дельте Амударьи²⁹. И следует отметить, что его фортификация практически полностью повторяет конструкцию оборонительных стен бактрийских крепостей (внутристенная стрелковая галерея, бойницы во внешней стене, расположенные в шахматном порядке, овальные башни с бойницами для стрельбы из лука).

Исследования С. П. Толстова сохраняют важное научное значение. И нет ничего особенного в том, что некоторые выводы ученого не нашли подтверждения либо были пересмотрены и развиты на новой основе его же учениками и другими исследователями. С. П. Толстов без эмоций относился к такому подходу. Он видел археологию в постоянном развитии, совершенствовании и обновлении.

Методика полевых исследований Хорезмской экспедиции была новаторской. Это широкомасштабные раскопки древних городов и поселений, полное вскрытие археологических объектов, комплексный подход

²⁵ Ягодин В. Н. Древнейшая государственность и проблема «Большого Хорезма» (2 цикл) // Вестник ККО АН РУз. 2007. № 2.

²⁶ Ягодин В. Н. Древнейшая государственность. С. 71. См об этом: Сагдуллаев А. С. Маргиана и Бактрия. Исторические традиции и культурные связи в доантичную эпоху // Древний Мерв. Ашхабад, 1989. С. 11-20.

²⁷ Вайнберг Б. И. Этнография Турана в древности. М., 1999. С. 235.

²⁸ Ягодин В. Н. Указ. соч. С. 76.

²⁹ Там же. С. 75-76.

к изучению стратиграфии памятников и археологического материала. В процессе археологических разведок С. П. Толстовым был широко использован метод аэрофотосъёмки. Исследования осуществлялись в сложных полевых условиях, в пустынях и степях.

С. П. Толстов был предан Хорезму, любил этот край и уважительно относился к его людям-наследникам богатой истории и культуры. С именем крупнейшего востоковеда, археолога и этнографа связано изучение многотысячелетней истории Хорезма.

Очень тепло отзывался о С. П. Толстове его соратник академик Я. Г. Гулямов, изучавший историю орошения Хорезма, что получило отражение в его фундаментальной монографии³⁰. Мы должны помнить, что многие представители предыдущих поколений ученых являлись первопроходцами. Они открывали неизведанный мир цивилизаций, отдавая себя науке без остатка. Таким был и Сергей Павлович Толстов³¹. Сотрудники Хорезмской экспедиции назвали в честь него одну из стоянок Кельтеминарской культуры, которая известна в археологической науке как «стоянка Толстова». В мыслях и делах С. П. Толстов навсегда остался в Хорезме.

Одной из последних публикаций С. П. Толстова в качестве руководителя Хорезмской археологической экспедиции была информационная заметка, опубликованная в сборнике «Археологические открытия 1968 года»³². Сегодня она также актуальна, как и другие работы ученого.

А. Сагдуллаев, Ў. Абдуллаев

С. П. Толстов тадқиқотларида Хоразм тарихи (сўнгни бронза ва илк темир даври)

Мақолада сўнгни бронза ва илк темир даври Хоразм тарихининг айрим масалалари Хоразм археология экспедициясининг илмий раҳбари, таниқли олим С. П. Толстов тадқиқотлари асосида кўриб чиқилади. Олимнинг Хоразмдаги ижтимоий-иқтисодий муносабатлар тарихи ҳамда илк давлатчилик муаммоларини ўрганишдаги ёндашув ва концепциялари ёритилади.

³⁰ Гуломов Я. Ф. Хоразмнинг суғорилиши тарихи. Тошкент, 1959.

³¹ См: Жданко Т. А., Итина М. А. Сергей Павлович Толстов (1907-1968) // СЭ. 1977. № 2; Итина М. А. Проблемы археологии Хорезма (К 40-летию Хорезмской экспедиции) // СА. 1977. № 4.

³² Толстов С. П. Работы Хорезмской экспедиции // АО. 1968 г. М., 1969.

A. Sagdullayev, U. Abdullayev

**The History of Khorezm in view of S. P. Tolstov studies
(the epoch of late bronze and early iron)**

The article deals with some problems of the history of Khorezm of the epoch of late bronze and early iron in view of the studies of the head of Khorezm archeological expedition, well-known scientist S. P. Tolstov. The ideas of the scientist related to the history of socio economic relations and the problems of early statehood are being revealed.

A. Аскарлов

**НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ
ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ХОРЕЗМА**

Выдающийся исследователь истории Древнего Хорезма С. П. Толстов, проводя широкие археологические исследования на территории дельты Амударьи, приходит к принципиально новым научным выводам по различным аспектам истории Древнего Хорезма. Эти аспекты включают ирригационное освоение Древнего Хорезма в эпоху бронзы, этно-топонимическое название Хорезма и время его появления в дельтах Амударьи. Древний Хорезм, как первоначальная родина зороастризма, Древний Хорезм это и есть Арьянам Вайчах, первый из шестнадцати стран, созданный богом Ахурамаздой. Древний Хорезм – родина носителей кангуйской культуры и т. д.

С. П. Толстов был широко эрудированным ученым, генерирующим блестящие идеи, которые даже при наличии скудных данных всегда выглядели убедительно достоверно и обоснованно. С. П. Толстов и его современники одними из первых начали серьезное изучение древнейшей и древней истории Средней Азии, решали важные историко-археологические и этногенетические проблемы, разрабатывали их на недостаточных материалах археологии и письменных источников. Долгие годы научные выводы и гипотезы С. П. Толстова и его современников служили научным эталоном дальнейших историко-археологических исследований на территории Средней Азии, многие из которых и до сих пор не потеряли своего научного значения.

Глубоко и искренне признавая заслуги С. П. Толстова – патриарха древней истории, археологии и этнографии Хорезма, многие разработки которого ещё имеют большое и важное научное значение в свете новых данных и анализа археологических и письменных источников, позволю себе высказать свои соображения по некоторым его разработкам по древнейшей и древней истории Хорезмского оазиса.

1. С. П. Толстов еще в 40-е годы XX в. был прав, выдвигая идею ирригации Древнего Хорезма. Он писал, что «ирригация еще не получила заметного развития: амирабадские стоянки по-прежнему расположены в стороне от каналов и, видимо, продолжают базироваться на каиры»¹. А в 1954 г. в связи с проведением исследования в районе южной дельты Акчадарьи, в низовьях древнего Кельтеминарского канала, где были обнаружены стоянки эпохи бронзы степного типа, впервые были открыты примитивные ирригационные сооружения. Поэтому С. П. Толстов связывает возникновение первобытных форм ирригационного земледелия в Хорезме с памятниками эпохи бронзы с керамикой тазабагьябской культуры. Так, он пишет, что «в районе большинства стоянок бронзового века в Южной дельте Акчадарьи нами обнаружены многочисленные остатки ирригационных сооружений, базировавшихся на мелких боковых затухающих протоках дельты. Самые примитивные ирригационные сооружения зарегистрированы в районе стоянки Кокча 3 и в районе находящейся поблизости стоянки Кокча 1. Здесь оросительная сеть основывалась на дамбированном узком боковом протоке дельты, в непосредственной близости от которого расположены подквадратные огородные участки, окруженные низкими валиками размером 2,2-3×3,5-4,6 м, которые тянутся вдоль дамбированного русла.

Несколько более развитую систему имеют ирригационные сооружения в районе позднесуярганских (конец II тысячелетия до н. э.) стоянок Базар 1 и Базар 3. Там из бокового русла выведен распределительный канал длиной в несколько десятков метров, который орошал примыкающие к нему поля. Величина орошаемого участка стоянки Базар 3 достигала примерно одного гектара.

Значительно сложнее ирригационная система амирабадской культуры; от крупных протоков Акчадарьи идут большие магистральные каналы, тянущиеся на несколько километров в ширину десяти и более метров, они по размерам приближаются к каналам античной эпохи. Так, например, в районе стоянки Базар 8 ряд параллельных оросительных каналов, выведенных из бокового дамбированного русла, имеют протя-

¹ Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948. С. 90.

женность до 1 км. В нижней части каналов наблюдаются редкие ответвления. Площадь орошения стоянки Базар 8 – около 200 га.

Для позднесамирабадской культуры (конец VIII – начало VII в. до н. э.) характерна ещё более развитая система ирригации. Так, на стоянках Базар 10 и 11 из крупного бокового русла Амударьи выведен канал шириной 10-13 м, тянущийся на несколько километров»². Из описанных оросительных сетей и посевных полей С. П. Толстов делает вывод, что «на материале ирригационной сети Хорезма бронзового века мы можем проследить все этапы развития орошаемого земледелия – от примитивной бассейновой системы, ... до форм ирригационных сооружений, близко стоящих к формам античной эпохи. Последнее обстоятельство позволяет полагать, что и зарождение рабовладельческих отношений ... начинается в эту эпоху»³.

Да, слишком смелые выводы! Если исходить из имеющихся в ту пору исторических реалий, то выясняется подлинная картина не в пользу существующих толстовских представлений. Обратимся к фактам. Районы, где были обнаружены остатки ирригационных сетей эпохи бронзы, находятся в низовьях Кельтеминарского канала, построенного по руслу усыхающих дельтовых протоков, основы которого были заложены в архаический период⁴. Здесь С. П. Толстовым и Б. В. Андриановым были зафиксированы агроирригационные планировки и усадьбы античного времени⁵. Следовательно, районы распространения стоянок тазабагъябской культуры, где могло существовать каирное и лиманное земледелие в эпоху бронзы, в связи со строительством архаической части Тазабагъябского канала, который в эпоху античности превращается в магистральный канал, начали интенсивно осваиваться хорасмскими в архаический период. Если учесть, что тазабагъябцы-скотоводы, а не земледельцы, причем, согласно самому С. П. Толстову, они – пришлые племена из степной зоны Евразии, то остатки ирригационных сооружений, зафиксированные С. П. Толстовым и Б. В. Андриановым в южной дельте Амударьи, вряд ли принадлежали тазабагъябцам и даже их потомкам – позднесуярганцам, кому приписывают каналы длиной в несколько метров и орошаемые поля до одного гектара (стоянка Базар 3). Носители позднесуярганской культуры «со сложными оросительными сетями» уже стали бы оседлыми земледельцами и жили в глинобитных жилых постройках, характерных для оседлого поселения.

² Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. С. 74-75.

³ Там же. С. 75.

⁴ Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969. С. 12.

⁵ Там же. С. 12.

Относимые С. П. Толстовым и Б. В. Андриановым к периоду амирабадской культуры каналы со значительной сложной ирригационной системой с многочисленными ответвлениями и орошаемыми полями с площадью до 200 га также не отражают исторической действительности. Такая система орошаемого земледелия способствует формированию прочных оседлых поселений раннегородского типа. Такие поселения в Хорезме пока отсутствуют не только в позднесуярганской и амирабадской культуре, но даже и в поздний этап последней. Амирабадцы, как свидетельствует оригинальный памятник этой культуры – Якка-Парсан 2, жили еще в полуземлянках⁶. Следовательно, остатки ирригационных сооружений, выявленные в Южной дельте Акчадарьи, на наш взгляд, относятся к периоду, когда сюда мигрировали хорасмии после жесткой налоговой политики ахеменидских царей во второй половине VI в. до н. э.

В своё время академик Я. Г. Гулямов в фундаментальном труде «История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней» (1957 г.) возникновение магистральных каналов в Хорезме относил к амирабадскому времени (т. е. IX – VIII вв. до н. э.) и рассматривал их «как продолжение первобытного лиманного способа орошения»⁷. Это аргументируется находками амирабадской керамики в береговых насыпях древних каналов⁸. Однако из факта о береговой насыпи с амирабадской керамикой вытекает вывод, что строительство магистральных каналов происходило позже, чем сама амирабадская культура, ибо береговые насыпи каналов не содержали бы амирабадской керамики. Тем самым, Я. Г. Гулямов четко указывает, что время появления магистральных каналов в Хорезме «за культурой городищ VI – III вв. до н. э.»⁹.

С. П. Толстов, красочно описывая этапы развития остатков ирригационных сооружений целой эпохи-эпохи архаического периода и античности, приходит к важному историческому выводу о зарождении рабовладельческих отношений. По его словам, «лишь накопление обильного археологического материала, раскрывающего картину хозяйственной жизни Хорезма и показывающего резкие качественные изменения в ней, происшедшие между периодами V в. до н. э. – V в. н. э. и последующим временем, позволило нам сказать, что перед нами, несомненно, две различные общественно-экономические формации. Если общественный

⁶ Толстов С. П. По древним дельтам... С. 68-74.

⁷ Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957. С. 81.

⁸ Гулямов Я. Г. Указ. соч. С. 67.

⁹ Там же. С. 76.

строй, восторжествовавший в Средней Азии во второй половине I тысячелетия н. э., является, бесспорно, феодальным, то предшествующий ему может быть только рабовладельческий». Далее он продолжает: «Нельзя отрицать того, что наша аргументация строилась в основном на косвенных доказательствах. Прямых свидетельств о наличии в Хорезме в ту эпоху, которую мы называем античной, значительно развитых рабовладельческих отношений мы пока еще не имеем. Нет их у нас и для Средней Азии в целом»¹⁰. После такого утверждения он далее пишет, что «если бы не было рабства, богатая ирригационная культура Востока не могла бы возникнуть»¹¹. Подобная двойственная точка зрения высказывалась многими авторами, в частности, В. В. Струве, М. Е. Массоном, М. М. Дьяконовым, Я. Г. Гулямовым, А. Н. Бернштам и др. Например, В. В. Струве писал, что «для создания ирригационного хозяйства шумерийского города-государства или какого-нибудь из объединений номов в долине Нила требовалось, помимо использования труда общинников, еще и применение труда многих и многих рабов»¹².

Противоположное мнение высказывалось и другими исследователями. Так, например, по мнению А. И. Тюменова, письменные документы Шумера не содержат прямых указаний об участии военнопленных рабов в ирригационных работах¹³. И. М. Дьяконов, подводя итоги изучения общины на Древнем Востоке, указывает, что «рабский труд в сельскохозяйственном производстве не может считаться характерным для первой классовой формации, которую мы называем рабовладельческим способом производства»¹⁴. Применительно к Средней Азии подобная точка зрения неоднократно высказывалась А. М. Беленицким¹⁵. Таким образом, мнение о существовании рабовладельческого строя в Средней Азии, как общественно-экономической формации с позиции исторической действительности и объективности, теперь можно считать ошибочным.

¹⁰ Толстов С. П. Работы Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949-1953 гг. // ТХАЭЭ. 1954. Т. 2. С. 103-104.

¹¹ Толстов С. П. Указ. соч. С.104.

¹² Струве В. В. Некоторые аспекты социального развития Древнего Востока // ВИ. № 5. С. 102.

¹³ Тюменов А. И. Государственное хозяйство Древнего Шумера. М., 1956. С. 369.

¹⁴ Дьяконов И. М. Община на Древнем Востоке в работах советских исследователей // М. ВДИ. 1963. № 1. С. 16-17.

¹⁵ Беленицкий А. М. Материалы объединенной научной сессии в Ташкенте. Ташкент, 1954. С. 505-509; Совещание по археологии Средней Азии в Ленинграде. Л., 1968. С. 37-39.

Действительно, анализ археологических и письменных источников без идеологического давления показывает, что в условиях Средней Азии, в том числе и в Древнем Хорезме, в античную пору основной движущей силой общественно-экономической жизни общества были не рабы, а свободные общинники: в общине земледельцев – кашаварзы, в общине скотоводов – арийцы и их свободные соплеменники, в общине ремесленников – азадкары, в сфере торговли – гувакоры, а именуемое рабство в Средней Азии носило патриархальный характер.

2. С. П. Толстов справедливо отмечал, что большинство названий древних государств носит названия этносов, в основе которых лежат мифологические сказания¹⁶. В связи с этим появление этнопонима «Хорезм» в дельтах Амударьи он связывает то с хурритами Передней Азии III – II тыс. до н. э.¹⁷, то с «датой появления в Хорезме новых этнических элементов, может быть продвинувшихся с восточных окраин Иранского нагорья, вниз по Мургабу или Амударье хурритских племен – с датой начала хорезмийского летосчисления по ал-Беруни»¹⁸. С. П. Толстов предполагает, что имеется какая-то связь между именами Митанийского царя Шаушатар и Хорезмийского царя Шаушафар. Последний и упоминается у Беруни, и встречается на хорезмийских монетах I – VIII вв. н. э. Подобная идентичность существует между Митанийским царём Артатама и Хорезмийским – Артамух.

Академик В. В. Струве, говоря о принадлежности письменности Мохонжо-Даро хурритам, допускает мысль, что в эпоху бронзы проникновение новых этнических групп в дельты Амударьи и в низовья Мургаба со стороны Восточного Хорасана связано с миграцией хурритов¹⁹. Гипотеза В. В. Струве подтвердилась в результате археологических исследований последних 30 лет в Бактрии и Маргиане на примере памятников Шортугай и кузалинского этапа Сапаллинской культуры²⁰. Однако попытки С. П. Толстова и В. В. Струве связать появление в дельтах Амударьи этнопонима «Хорезм» с хурритами не подтверждаются ни археологическими, ни письменными данными.

Согласно письменным источникам, до ахеменидской экспансии Хорезм был родиной кочевых массагетов, значительная часть которых за-

¹⁶ Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. С. 80.

¹⁷ Там же. С. 81.

¹⁸ Там же. С. 83.

¹⁹ Струве В. В. Дешифровка протоиндийских письмен. ВАН, 1947.

²⁰ Аскарлов А. Проблема становления раннегородской культуры на юге Узбекистана и ее связи с Индостаном // Древние культуры Средней Азии и Индии. Л., 1984. С. 87-97.

нималась скотоводством, а другая сочетала скотоводство с мотыжным земледелием, что подтверждается археологическими комплексами куюйсайской и амирабадской культур. До них, как отмечалось, в дельтах Амударьи обитали скотоводческие племена эпохи бронзы тазабагъябской и суярганской культур, не имеющие отношения ни к хурритам Митании, ни к хурритам долины Инда.

По данным археологических материалов, во второй половине VI в. в жизни обитателей низовий Амударьи произошли существенные изменения социально-экономического и этнокультурного характера. Появляются древние города с монументальной оборонительной фортификацией. Строятся магистральные каналы и интенсивно осваиваются огромные поля по направлению усыхающих дельтовых протоков. Чем это было вызвано? Неужели скотоводческие племена куюйсайской культуры или племена амирабадской культуры, занимавшиеся лиманными способами орошения в земледелии, в столь короткий срок стали обладателями высокоразвитой земледельческой культуры с многоразовым орошением? Создавшееся обстоятельство требовало пересмотра письменных и археологических материалов и логического рассуждения при анализе имеющихся всех типов источников.

Сведения о Хорезме в «Авесте» приводятся в Митра-Яште, где речь идет об областях Восточного Хорасана. Здесь он упомянут как Хороева, расположенная к востоку от Арея, примерно в районе Хилмендской (Гератской) долины. Более точные сведения о хорасмиях имеются у Скилака-придворного летописца Ахеменидских царей в его книге «Саёхатнома» («Путешествие»), которая до нас не дошла. Но с ней в своё время ознакомился Гекатей из Милета (VI в. до н. э.), который, получив необходимые данные, включил их в свой труд «Описание земного шара» в раздел «Азия». По сообщению Гекатея, к труду Скилака была приложена карта с нанесением маршрутов его поездки. Данные Гекатея, взятые из труда Скилака о хорасмиях, встречаются в трудах Геродота (V в. до н. э.), Страбона (I в. до н. э. – I в. н. э.), Афиня (II – III вв. н. э.), Степана (VI в. н. э.). В своё время о сообщениях Геродота высказывались В. Тарн, Ф. Альтхайм, В. Хеннинг, И. Гершевич, И. Пьянков²¹ и др.

Согласно Геродоту, Скилак по поручению Ахеменидского царя Даро I из Персеполя выезжает на поиски в 1519 г. до н. э. через Южный Иран и доходит до реки Инд. По пути он изучил верховья рек, стекающих с гор, в низовьях каждой из которых обитали подвластные ахеменидам народы, уклонявшиеся от дани царскому двору и восставшие

²¹ Пьянков И. В. Хорасмия Гекатея Милетского // ВДИ. 1972. Ч. 2. С. 7.

(например, восстание Фрада в Маргиане в 522 г.). Поэтому цель поисков Скилака состояла в том, чтобы изучить возможности сооружения шлюзов в верховьях рек и тем самым заставить восставших платить дань.

Геродот, основываясь на данных Скилака, в третьей книге своей известной девятитомной «Истории» (117 глава) сообщает, что «есть в Азии долина, окруженная со всех сторон горой, а через эту гору ведет пять узких проходов. Эта долина принадлежала некогда хорасмиям и лежит на границе земель хорасмиев, гирканов, парфян, сарангов и фаманеев. Со времени же персидского владычества они подвластны персидскому царю. Так вот с этой окружающей (долину) горы стекает большая река по названию Акес. Эта река, разделенная на пять рукавов, прежде орошала земли упомянутых народов, так что из каждого прохода вытекал свой рукав. Однако со времени подчинения персам эти народы очутились вот в каком положении. Царь повелел закрыть горные проходы и построить на каждом шлюзы. Поэтому вода не могла больше вытекать (через проходы), и долина, окруженная горами, обратилась в озеро, так как река разливается по равнине, но выхода не имеет. Так вот, те племена, которые прежде пользовались этой водой для орошения, стали терпеть ужасные лишения. Зимой, конечно, божество, как и в других местах, посылает также и им дожди; летом же проса и сесам, которые они сеют, постоянно испытывают недостаток влаги. Когда нет уже больше воды, они идут в Персию вместе с женами и, остановившись перед воротами царского дворца, начинают громко и жалостно вопить. Царь же, видя крайнюю нужду просителей, велит открыть шлюзы, ведущие в их страну. Когда же их земля вдоволь напитается водой, царь приказывает опять закрыть шлюзы и открыть другие, ведущие в землю тех племен, которые больше всего после них нуждаются в воде. Однако, как я узнал, царь взимает за открытие шлюзов большие суммы денег (сверх податей). Так обстоит дело»²².

Из этого высказывания видно, что долина, окруженная со всех сторон горами, некогда принадлежала хорасмиям. Когда здесь образовалось искусственное озеро, они были вынуждены покинуть свои родину и искать новое место жительства. Население реки Окес, от которой берут своё начало пять ее рукавов, протекающих через узкие ущелья по разным направлениям, в низовьях которых формировались локальные очаги оседлых земледельцев древневосточного типа, таких как Маргиана, Бактрия, Арся, Парфия и Гиркания, было занято своими заботами

²² Геродот. История в 9 книгах. Ладомир: АСТ, 2001. Т. III. Глава 117.

и проблемами. В такой ситуации хорасмиям оставалось только устремиться на поиски нового района проживания, где можно было обустроить свое традиционное хозяйство. Это оказались земли плодородной дельты Амударьи. Так, в стране великих массагетов появляются новые этнические общины хорасмиев, впоследствии ставшие этнотопонимом региона. Приход в плодородный оазис хорасмиев с высоким опытом ирригационного земледелия и высокоразвитой культурой древневосточного типа вскоре резко изменил социально-экономический и культурный статус древнехорезмийского оазиса.

3. С. П. Толстов на основе изучения комплексов сказаний «Авесты» и их локализации с топографической средой в дельтах Амударьи выдвигает идею о том, что Древний Хорезм является родиной зороастризма и его географическое расположение соответствует авестийскому Арьянам Вайчах²³. Когда в 50-е годы XX в. в Древнем Хорезме исследовались памятники с ярко выраженными следами зороастризма, идея С. П. Толстова твердо подкрепилась археологическими данными на примере памятников Калалыгыр, окрестности Кой-Крылган-Кала, где были обнаружены статуарные оссуарии, датируемые концом архаического периода (V – IV вв. до н. э.)²⁴. Отнеся Древний Хорезм к родине зороастризма, С. П. Толстов допускал мысль, что пророк Зороастр именно здесь начал свои проповеди. Идея С. П. Толстова, связанная с возникновением и распространением зороастризма, получила развитие и прочно утвердилась в исторической науке.

Бесспорно, для тех времен при отсутствии вещественных доказательств более ранних периодов из других историко-культурных областей, чем Хорезмский оазис, идея С. П. Толстова была допустима. Ныне положение изменилось. Открыты протозороастрийские объекты в древнеземледельческих памятниках эпохи энеолита и бронзы в Согде, Бактрии и Маргиане. Открытие монументальных храмовых комплексов в памятниках древнеземледельческих общин расширило ареал распространения истоков зороастризма. Нам кажется, что монументальный храмовый комплекс эпохи бронзы, исследованный нами на городище Джаркутан эпохи бронзы, по всем параметрам позволяет назвать его раннезороастрийским. К числу подобных можно отнести монументальный храм на Гонуре и Тоголок 1 и Тоголок 21 из Мургабского оазиса эпохи бронзы. На наш взгляд, появление ярко выраженных зороастрийских объектов в Древнем Хорезме было связано с миграцией сюда хорасмиев

²³ Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. С. 87-88.

²⁴ Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. С. 109-117, 132-133.

из Северо-Восточного Хорасана в конце VI в. до н. э. Не исключено, что зороастризм на первоначальной родине общин хорасмиев сложился не позже, чем у бактрийцев и маргианцев.

Таким образом, зороастризм, как вполне сложившаяся религия, на основе религиозных традиций огнепоклонников, первоначально формируется не на землях Древнего Хорезма. Диапазон его формирования широк – от Согда (Саразм) до Бактрии и Маргианы (Джаркутан, Гонур, Тоголок) и, возможно, до областей Арея, Хорасмия, Парфия и Гиркания.

4. С. П. Толстов считал, что созданный первым из стран богом Ахурамазды Арьянам Вайчах находился на территории Древнего Хорезма. Однако он не приводит неоспоримых ни археологических, ни письменных данных в пользу своей предполагаемой гипотезы. На наш взгляд, если исходить из детального анализа письменно-лингвистической характеристики, свойственной Арьянам Вайчах, жители которого ведут пастушеский образ жизни, боги наделены эпитетами «владыка обширных пастбищ», «посылающий прекрасно конное богатство», а в обращенных к богам молитвах обитатели арийского простора просят «оросить пастбища, даровать коней и быков», в жертву богам приносят коней, быков и баранов, боги их изображаются едущими на конных колесницах, то они по ведению образа жизни исключительно скотоводы, материальная культура которых локализуется только с археологическими памятниками степных племен эпохи бронзы. Если учесть, что Арьянам Вайчах – и есть «арийский простор», т. е. страна ариев и ее часть территории граничит с холодными краями, где солнце восходит в году два месяца, то она и по авестийским сказаниям, и по археологическим данным соответствует территории степей Евразии. Территория Древнего Хорезма может быть всего лишь ее южной частью. Само название Арьянам Вайчах подсказывает, что она была обширной страной, где должны обитать скотоводы с начальной фазой имущественного и социального расслоения общества. Следовательно, Арьянам Вайчах – это и есть огромные степные просторы Евразии.

5. В связи с поездкой в Среднюю Азию китайского посла Чжан Цяна в древнекитайских источниках упоминается государство Кангюй, а в позднейшей зороастрийской литературе оно упоминается под названием «Кангхи, высокой и священной». Позднее авестийский текст помещает Кангху в непосредственном соседстве с Ургенчем. «Шах-наме» Фирдоуси Кангху (Канглиз, Канг-и Сияваш) представляет ареной деятельности Сиявуша, каковым, по Беруни, является Хорезм. С. П. Толстов, основываясь на этих данных, приходит к выводу, что под именем Кангюй, тождественным с Кангхой «Авесты», подразумевается Хорезм.

Однако широкие археологические исследования, проводившиеся в последующие годы в Средней Азии, и их сравнительный анализ с данными письменных источников С. Кляшторного, К. Шаниязова, Ю. Бурякова и многих других специалистов позволили точно локализовать место расположения Кангюй в среднем бассейне Сырдарьи, каковым является город Кангюй (Авестийский Канхи) – городище Канка. Сейчас этот факт общепризнан в научном мире. А Хорезм, очевидно, был одним из владений Кангюйского государства. Анализ археологических материалов в сопоставлении с данными письменных источников позволяет считать, что Кангюй был ошибочно размещен С. П. Толстовым на территории Древнего Хорезма.

А. Асқаров

Қадимги Хоразм тарихини ўрганишга янги янги ёндашувлар

Ушбу мақолада узок йиллар академик С. П. Толстов раҳбарлигида Қадимги Хоразмда олиб борилган кенг кўламли археологик тадқиқотлар натижалари ва улар асосида С. П. Толстов томонидан кўтарилган илмий фаразлар бирламчи манбаларнинг қайта қиёсий таҳлили асосида ўрганиб чиқилади. Муаллиф мақолада С. П. Толстовни Қадимги Хоразм тарихининг чуқур билимдони сифатида таъкидлаган ҳолда, унинг баъзи бир илмий фаразлари янги материаллар ҳамда археологик ва ёзма манбаларнинг янги таҳлилига кўра эскириб қолганлиги ҳақида фикр ва мулоҳазалар юритади.

A. Askarov

A new approaches to the study of ancient Khorezm

In this paper first results of archeological researches that conducted by group of academic S. P. Tolstov in ancient Khorezm in the during of many years have been studied and his primary scientific hypotheses were analyzed on the base of comparative study. On opinion's S. P. Tolstov was great specialist on history of ancient Khorezm, but today on the base of a new interpretations of some last archeological materials and written sources that were founded recently, his hypotheses are not topic.

С. Баратов

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР ХОРЕЗМА

Археологические памятники на территории Хорезмского оазиса, открытые и впервые исследованные в 1936-1937 гг. Я. Г. Гулямовым, сразу вызвали к ним огромный интерес научной общественности. Благодаря интенсивным археологическим исследованиям, проводившимся Я. Г. Гулямовым до 1950 г.¹, Хорезмской археолого-этнографической экспедицией, руководимой С. П. Толстовым, а также Институтом истории, этнографии и археологии Каракалпакского отделения АН РУз, ярчайшие и самобытные памятники Древнего Хорезма стали доступны научному миру, а восстановленные страницы их истории – частью культурного достояния народов Узбекистана и Центральной Азии.

Огромная заслуга в археологическом изучении истории культуры Древнего Хорезма принадлежит создателю и руководителю (до 1976 г.) Хорезмской археолого-этнографической экспедиции С. П. Толстову – человеку огромной эрудиции, талантливому выдающемуся ученому и прекрасному организатору научных исследований с неумемной энергией. Хорезмская экспедиция под его руководством являлась одной из самых крупных и прекрасно оснащенной технически. Благодаря материальным и техническим возможностям за десятилетия работ, которые вместили широкомасштабные разведочные исследования, охватившие огромные пространства Хорезмского оазиса, территории Кызылкумов и Северных Каракумов, Прикаспийские районы и области низовий Сырдарьи, Приаралья, экспедицией выявлены многочисленные археологические памятники. Стационарные раскопки таких уникальных памятников, как Джанбас-4, Тумек-кичиджик, Кокча-3, Якке-Парсан-2, Кюзели-гыр, Калалы-гыр, Дингильдже, Елхарас, Кой-Крылган-Кала, Топрак-Кала и мн. др., позволили коллективу Хорезмской экспедиции проводить исследования в широком хронологическом диапазоне от эпохи первобытности до средневековья. С. П. Толстовым, благодаря работам экспедиции, была создана подробная карта археологических памятников Хорезмского оазиса, в которой описаны обнаруженные археологические объекты, разработана научно обоснованная периодизация истории культуры Древнего Хорезма. Хорезмской экспедицией были значительно дополнены,

¹ Гулямов Я. Г. История орошения Древнего Хорезма. Ташкент: Фан, 1956.

расширены и углублены исследования вопросов истории обводнения оазиса, начатые Я. Г. Гулямовым, освоения человеком русел Амударьи и Сырдарьи, проведены первые исследования, касающиеся вопросов истории заселения южного побережья Арала. В ходе работ сотрудниками экспедиции разработаны важные проблемы истории материальной и духовной культуры населения Древнего Хорезма, среди которых: этнокультурные процессы на территории оазиса от неолита до средневековья; генезис урбанизированной культуры Хорезмского государства; история градостроительства и фортификации, денежное обращение Хорезма, религии Древнего Хорезма. Этим и многим другим вопросам истории и культуры Древнего Хорезма, помимо трех значительных для своего времени и по-прежнему до сегодняшнего дня во многом актуальных книг С. П. Толстова², посвящены более 30 выпусков трудов, материалов и сборников экспедиции, ставших бесценным научным вкладом российских ученых в сокровищницу исторического наследия народов Республики Узбекистан.

С начала 90-х годов прошлого века Хорезмская экспедиция по причине объективных обстоятельств прекратила археологические работы на территории Хорезмского оазиса, но продолжает активно публиковать еще не изданные материалы прошлых раскопок, выносит на обсуждение новые обобщения и интерпретации рассматривавшихся ранее фундаментальных проблем.

Археологические исследования на территории низовий Амударьи, тем не менее, продолжаются, пополняя новым материалом и данными фактологическую базу, значительно дополняя наши представления об историческом прошлом Хорезмского оазиса.

Исследованиями на неолитическом поселении Аякагитма, проводимыми Институтом археологии АН РУз совместно с Варшавским университетом, открыты поселения кельтеминарской культуры VII – IV тысячелетия до н. э., материалы которых репрезентируют элементы производящего – скотоводческого хозяйства, существовавшего у кельтеминарских неолитических племен, имевших распространение на территории Центральных Кызылкумов и Согда³. Новые данные позволяют ставить на обсуждение вопрос о пересмотре постулировавшегося ранее мнения о присваивающей направленности хозяйства кельтеминарской

² Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948; Е го ж е . По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948; Е го ж е . По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.

³ S z y m c z a k K., K h u z h a n a z a r o v M. Exploring the Neolithic of the Kyzyl-Kums. Ayakagyta 'The Site' and other collections. Światowit Supplement Series P: Prehistory and middle Ages. Vol. XI. Central Asia – Prehistoric Studies. Warsaw, 2006. Vol. II.

культуры⁴ и о переосмыслении места и роли в ней археологических памятников эпохи неолита низовий Амударьи. Новые данные абсолютных датировок, полученные методом исследования изотопа С-14, не позволяют относить верхнюю границу времени существования кельтеминарской культуры позднее рубежа IV и III тыс. до н. э. Логичное развитие кельтеминарской культуры в Хорезме в начале III тыс. до н. э., на наш взгляд, может быть проиллюстрировано материалами Суярганской культуры, керамические комплексы которой сохраняют элементы кельтеминарской культурной традиции, а кремневая индустрия (кремневые ножи) имеет ярко выраженный энеолитический облик.

На юге Хорезмского оазиса открыты и исследуются не известные ранее некрополь и поселение эпохи бронзы (Мешекли), материалы которых расширяют наши представления о культуре его скотоводческого населения во II тысячелетии до н. э. Некрополь репрезентирует не известные ранее в низовьях Амударьи наземные и углубленные в землю каменные конструкции погребальных сооружений, которые в совокупности с предметами погребального сопровождающего инвентаря обнаруживают параллели со срубно-андроновским скотоводческим ареалом Поволжья и Центрального Казахстана середины II тыс. до н. э. Последние Мешекли традиционно, как и все андроновские поселения Хорезма, располагается на значительном удалении от амударьинских протоков в межбарханном понижении. Культурно-хозяйственная деятельность скотоводческого населения Хорезмского оазиса эпохи бронзы, на наш взгляд, вероятнее всего осуществлялась посредством меридиональных сезонных перекочевок⁵. Климатические и ландшафтные условия низовий Амударьи II тыс. до н. э. практически не отличались от современных и позволяют предполагать, что направления, пути и режимы таких перекочевок не отличались от модели хозяйствования скотоводческих народов, существовавших на территории оазиса в эпоху позднего средневековья. Скотоводческие коллективы, как правило, совершали меридиональные перекочевки: весной и летом по травостой – в степные широты Поволжья и Казахстана, а осенью и зимой – в богатые растительностью, дичью и дровами поймы Амударьи и ее дельты. То, что андроновское население Хорезма осуществляло именно такой способ

⁴ Коробкова Г. Ф. Кельтеминарская культурная общность // Неолит Северной Евразии. М., 1996. С. 98 – 110.

⁵ Таиров А. Д. Пастбищно-кочевая система и исторические судьбы кочевников Урало-Казахстанских степей в начале I тысячелетия до новой эры // Проблемы археологии Скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Тезисы всесоюзной археологической конференции. Ч. II. Кемерово, 1989. С. 26-29.

ведения хозяйственной деятельности, иллюстрируют топография поселений, их планировка, конструкции жилищ и стратиграфия. Небольшие по размерам поселения тазабагыябской и амирабадской культур состоят преимущественно из маленьких однокомнатных полуземлянок с очагом в центре⁶. Помещения этих жилищ хорошо приспособлены для жизни в холодное время года, но находиться в них в летний – жаркий период было практически невозможно. Очевидно, что хозяйственная деятельность тазабагыябцев и амирабадцев имела комплексный характер. Археологические материалы, известные с их поселений и некрополей, свидетельствуют, что основным их занятием являлись скотоводство, металлургия и металлообработка. Без сомнения племена-носители этих культур занимались и земледелием. Наличие земледелия известно нам по этнографическим наблюдениям у многих скотоводческих народов, но такая хозяйственная деятельность у них, как правило, имела подсобное значение. Преимущественно скотоводческий способ хозяйственной деятельности населения эпохи бронзы низовий Амударьи не требовал строительства искусственных ирригационных сооружений, для возведения которых были необходимы: хозяйственная целесообразность, значительная концентрация людских ресурсов, соответствующий уровень технологических знаний и наличие централизованно управляемых социально-общественных институтов. Существование таковых у срубно-андроновских, тазабагыябских и амирабадских племен нам неизвестно.

Срубная и андроновские культуры послужили субстратом валиковой и белозерской культур, на основе которого на пространствах Евразии от Северного Причерноморья до юга Сибири к IX вв. до н. э. складываются и развиваются раннескифские и раннесакские племена, составившие так называемую индоиранскую группу племен. Одна их часть, как известно, по сообщениям ассирийских письменных источников в IX в. до н. э. под собирательным названием «мадан» поселяется на территории современного Ирана. Другие многочисленные группы племен расселяются на огромных степных, пустынных и горных пространствах Центральной Азии, племенные названия которых (сака хаумаварка, сака тиграхауда, сака пара Сутдам, массагеты и др.) становятся известны несколько позже – в результате завоевательных походов Ахеменидов и благодаря античной письменной традиции.

⁶ Исключением являются поселения, где жилища представлены одно-, двух- и трехкомнатными планировками. Но и там характер заполнения помещений свидетельствует об использовании этих жилищ в течение одного сезона (зимнего). См.: И т и н а М. А. История степных племен Южного Приаралья (II – I до н. э.). ТХАЭ. Т. 10. М., 1977. С. 173-210.

До сегодняшнего дня предметом многочисленных дискуссий остается проблема истоков урбанизированной культуры низовьев Амударьи. Первые исследования проблем истоков древнего Хорезмского государства предлагали решение его генезиса на основе анализа письменных источников. Сообщения о Хорезме и населявших его хорасмиях, оставленные Гекатеем (конец VI в. до н. э.) и Геродотом⁷, были проанализированы В. Гарном, Ф. Альтхаймом, Дж. Марквартом, В. Б. Хеннингом, И. Гершевич и дополнены В. И. Пьянковым⁸. По их заключению, существовавшее в доахеменидское время Хорезмское царство граничило на западе с Парфией и на востоке – с Бактрией. Оно включало северные предгорья Копетдага, Кучано-Мешхедскую долину, область Нишапура и долину Теджена-Герируда. Хорасмии вместе с парфянами, арями, гирканиями и фаманеями до персидского владычества на договорных началах участвовали в использовании вод реки Ак, под названием которой большинство исследователей понимают Теджен-Герируд. Это предположение вошло в литературу как гипотеза «о большом Хорезме», согласно которой в доахеменидское время существовало политическое объединение Парфии, Гиркании, Маргианы и, возможно, Согда под гегемонией Хорезма.

Облик архаической культуры на территории низовий Амударьи стал известен и изучен благодаря работам Российской Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (Кюзелигыр, Калалыгыр I, Дингильдже). С. П. Толстов развивал и отстаивал концепцию возникновения и развития древнехорезмийской городской культуры на территории Хорезмского оазиса, где и помещал легендарную реку Акес. Он реконструировал Хорезмское царство как объединение массагетских племен во главе с хорасмиями, постепенно перераставшее в государство. Причём сарангеи и фаманеи помещаются им близ современного Хорезма, которые, по его мнению, в связи с усыханием Узбоя переселяются на юг⁹. Сегодня Ю. А. Рапопорт продолжает в основном отстаивать концепцию С. П. Толстова, объясняя появление и развитие урбанизированной культуры в низовьях Амударьи непосредственным знакомством кочевников «саков-хорезмийцев» с культурой ближайших земледельческих государств (Бактрии, Согда, Маргианы и Парфии) и их естественным стрем-

⁷ Геродот. История в девяти книгах / Перевод и примечания Стратановского Г. А. Л., 1972. III, 17.

⁸ Обзор литературы и подробную историю вопроса см.: Пьянков И. В. Хорасмии Гекатея Милетского. ВДИ. 2 (120). Апрель – Май – Июнь. М.: Наука, 1972. С. 3-21.

⁹ Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948. С. 341, 54; Егже. По следам древнехорезмийской цивилизации. С. 103-104.

лением пользоваться определенными благами более высокой цивилизации на родных землях¹⁰.

Другую гипотезу о происхождении городской культуры в Хорезмском оазисе выдвигает Б. И. Вайнберг. В качестве ее истоков предлагаются археологические комплексы памятников скотоводческой куюсайской культуры: поселение Куюсай-2 и часть погребений могильников Тумек-кичиджик и Тарым-кая. Эта культура имела распространение на территории Сарыкамышской дельты и датируется VIII – V вв. до н. э. На единственном известном сегодня поселении этой культуры вместе с лепной керамикой, покрытой красным ангобом, встречена гончарная керамика типа Яз-II и «культуры архаического Дахистана». На поселении и некрополях найдено большое количество бронзовых наконечников стрел, самые ранние из которых хронологически предшествуют типам, известным в ранних слоях городища Кюзелигыр. Для сопровождающего инвентаря погребений этой культуры характерно отсутствие так называемой «скифской триады» (оружие, конская узда, предметы, выполненные в «зверином стиле»). Происхождение куюсайской культуры связывается с походами нижнесырдарьинских саков на Мидию, которые незадолго до этого «заселяют дельту Амударьи у озера Сарыкамыш». По мнению автора гипотезы, в своих походах они сталкиваются с мидийским по происхождению скотоводческим населением, селившимся в пределах Туркмено-Хорасанских гор у северных границ иранских пустынь, где оно соседствовало с оседлым населением железного века Северо-Восточного Ирана (ЖВИ III), производившим гончарную красно-оранжевую посуду, и с носителями комплексов типа Яз-II. Это мидийское население было переселено саками в низовья Амударьи, где они и составили основное ядро вновь образовавшейся этнокультурной куюсайской группы. Б. И. Вайнберг предполагает, что это мидийское население могло называть себя хорасмиями¹¹.

Соглашаясь с концепцией южного происхождения урбанизированной культуры низовий Амударьи, мы, тем не менее, должны подчеркнуть, что памятники куюсайской культуры сегодня являются единственным известным раннесакским комплексом, материалы которого могут репрезентировать материальную культуру автохтонного населения, оби-

¹⁰ Рапопорт Ю. А. Краткий очерк истории Хорезма в древности. М., 1998. С. 28-39.

¹¹ Вайнберг Б. И. Куюсайская культура раннего железного века в Присарыкамышской дельте Амударьи // Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 3. Л., 1975. С. 42-48; Его же. Памятники куюсайской культуры // Кочевники на границах Хорезма. М.: ТХАЭ. 1979. Т. 11. С. 7-76; Его же. Этногеография Турана в древности. VII в. до н. э. – VIII в. н. э. М., 1999. С. 152-173; 234-241.

тавшего на территории Хорезмского оазиса до момента или на момент возникновения урбанизированной культуры.

Куюсайская культура до последнего времени была известна только на территории Сарыкамышской дельты. В настоящее время Южно-Хорезмийским археологическим отрядом АН РУз исследуются раннесакские могильники Мешекли и Уч очаг. Конструкция погребальных сооружений этих некрополей аналогична курганам куюсайской культуры и каменным наземным склепам Узбоя. Часть лепных керамических сосудов имеет покрытие красным ангобом, часть – сероглиняная, другая представлена гончарной керамикой времени Яз-II. Предметы погребального сопровождающего инвентаря и наконечники стрел позволяют датировать некрополи VIII – VI вв. до н. э. Полученные материалы позволяют включить территорию Южного Хорезма в зону распространения куюсайской культуры. Более ранняя дата мешеклинских и учочакских каменных склепов по отношению к узбойским позволяет предполагать их постепенное распространение с юга Хорезмского оазиса на территорию Узбоя и Устюрта. Курганы и каменные склепы Южного Хорезма составляют единые группы, что позволяет предполагать некую общность куюсайского и узбойского населения. По нашему мнению, археологические памятники куюсайской культуры были оставлены автохтонным скотоводческим населением. Особенности этой культуры, отличающие ее от таковой нижнесырдарьинских саков, заключающиеся в отсутствии предметов «скифской триады», могут быть объяснены региональной особенностью скотоводов Хорезмского оазиса. Сероглиняная круговая керамика, найденная на поселении Куюсай-2, скорее всего свидетельствует о «культурных» контактах куюсайцев с населением, обитавшем на территории архаического Дахистана, проходившем через Парфиену и Мервский оазис. Археологические свидетельства подобных контактов известны по находкам сероглиняной керамики среди погребений Уйгарака, на поселениях и городищах Парфии, Маргианы, Бактрии и Согда. Светло-красное ангобное покрытие раннесакской керамики известно на огромных степных и горных пространствах Центральной Азии. Куюсайская культура продолжает обособленно существовать на территории нижней Амударьи вплоть до V в. до н. э., не демонстрируя культурной интеграции с оседло-земледельческими и городскими центрами, и не представляет убедительных материалов, которые позволили бы на их примере проиллюстрировать навыки градостроительства, ремесленного производства и элементы духовной культуры, которые получают развитие на архаических городских памятниках.

Древнейшие сведения о хорасмиях, оставленные античными авторами – Гекатеем, Геродотом и Ктесием, как полагают, восходят к периплу Скилака из Карианды, который в период между 519 – 512 гг. до н. э. по желанию Дария прошел путь от Амиса до Бактр. Он ходил на судах вдоль лесистых юго-восточных берегов Гирканского моря. Ему принадлежит самое раннее известное описание «царской дороги» – северного ответвления пути, ведущего из мидийской земли на восток к Бактрам. Практически все исследователи сходятся во мнении, что Скилак самостоятельно проделал этот путь через Каспийские ворота, гористую и лесистую землю парфов, сообщив о хорасмиях, живущих к востоку от них на равнинах и в лесистых горах¹².

Древнейшие сведения о хорасмиях в древнеперсидской традиции сохранились в надписях Дария, составленных в период с 521 по 516 г. до н. э.¹³ Согласно сообщениям Геродота, хорасмии в этот период вместе с Парфией, Ареей и Согдом составляли одну – XVI сатрапию. Надпись Дария о строительстве дворца в Сузах гласит: «Бирюза, которая использована здесь, доставлена из Хорезма»¹⁴, что, на наш взгляд, свидетельствует о расположении хорасмий на территории низовий Амударьи. Дарий сообщает о Хорезме, Парфии, Маргиане и Согде как о странах, доставшихся ему по воле Ахурамазды, т. е. от Кира.

По мнению Дж. Маркварта и В. Б. Хеннинга, царство хорезмийцев было уничтожено Киrom, и хорасмии под давлением персов, отнимавших у них южные области, постепенно отступали на север вдоль по Амударье. Между тем в легендарном сообщении Геродота о хорасмиях не содержится сведений об их завоевании Ахеменидами. Он говорит: «Как я знаю по услышанному» ... «есть в Азии равнина, окруженная со всех сторон горами, и в тех горах имеется пять ущелий. Эта равнина некогда принадлежала хорасмиям, находясь на границах самих хорасмиев,

¹² Пьянков И. В. Средняя Азия в античной географической традиции. М., 1997. С. 12-20.

¹³ Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика Древнего Ирана. М., 1985. С. 98-100.

¹⁴ Бирюза в изобилии добывалась в Хорезме в горах Султан Увайсдага и в Центральных Кызылкумах, начиная с эпохи неолита. Бирюзу в IX в. армяне называли «холасмик». Мы полагаем, что нет исторических оснований связывать происхождение хорезмийской бирюзы с Нишапурскими месторождениями. См.: Пьянков И. В. Хорасмии Гекатея Милетского // ВДИ. М.: Наука, 1972. № 2 (120). Апрель – Май – Июнь. С. 13-14. Начало использования Нишапурских месторождений археологически не установлено. Вряд ли в Армении в IX в. стали бы использовать хорезмийскую бирюзу, если бы она была доступна из близко расположенных Нишапурских рудников. См.: Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика Древнего Ирана. М., 1980. С. 256.

а также гирканиев, парфов, сарангеев и фаманеев, но с того времени как персы возымели власть, она принадлежит [персидскому] царю...»¹⁵.

Беруни сообщает: «[Жители Хорезма] считали годы от начала заселения [своей страны], которое произошло за 920 лет до Александра, а потом начали считать годы от прихода в Хорезм Сиявуша, сына Кайкауса, и воцарения там Кейхусрау и его потомков, который переселился в Хорезм и распространил свою власть на царство тюрков (курсив наш. – С. Б.). Это было спустя 92 года [от начала] заселения Хорезма»¹⁶. Повествование о переселении Сиявуша содержится и в иранском эпосе «Шахноме», в котором рассказывается, что Сиявуш переселился из Ирана в Туран. И. В. Пьянков на основе анализа персидских и античных письменных источников в совокупности с результатами археологических исследований предполагал, что хорасмийцы вплоть до V в. до н. э. обитали к югу от современного Хорезмского оазиса и переселяются по воле ахеменидских правителей в низовья Амударьи на рубеже V – IV вв. до н. э.¹⁷ Однако письменными сведениями о времени правления Кира и Дария о покорении, уничтожении царства хорасмиев, их вытеснении на север по Амударье мы не располагаем.

Результаты последних археологических исследований позволяют предполагать, что хорасмийцы уже при Кире располагались на территории современного Хорезмского оазиса. Известно, что после разгрома мидийского государства Киrom лишь Гиркания объявила ему о своей покорности. Лишь после того, как стало известно, что Кир легитимизировал свою власть браком с дочерью Астиага, Парфия и другие восточные области признали его власть над собой. Единственной военной кампанией, осуществленной Киrom после покорения Бактрии, был поход против масагетов Томирис, предпринятой им с целью обезопасить свои восточные провинции от набегов кочевников перед египетским походом. Данное обстоятельство приводит к мысли, что Хорезм, как и Гиркания, Парфия, Арея, Маргиана и Согд достались Киру в качестве «мидийского наследства» и в первой половине VII века до н. э. уже были мидийскими областями. О том, что они в это время могли быть покорены Мидией, могут свидетельствовать надписи Асархаддона (не позже 674 г. до н. э.), повествующие о походе ассирийского войска «на страну далеких мидян»: в область, расположенную на краю Соляной пустыни

¹⁵ Геродот. История в девяти книгах / Перевод и примечания Стратановского Г. А. Л., 1972. III, 17.

¹⁶ Абу Рейхан Беруни. Избранные произведения. Ташкент. 1957. Т. 1. С. 47.

¹⁷ Пьянков И. В. Хорасмийцы Гекатея Милетского // ВДИ. М.: Наука, 1972. № 2 (120). Апрель – Май – Июнь. С. 3-21.

(Дешти Кевир) у горы Бикни (Демавенд), в область Патуш'арра (древнеперсидское *Pātiš(h)uvar – буквально означающее: «горы», лежащие перед Хваром – Хоареной), и о последовавшем вслед за этим сборе дани в областях Partukka – *Partua – иранское Parθava – Парфия¹⁸. Эти сведения позволили И. М. Дьяконову прийти к заключению, что Парфия, Гиркания и хорасми, вероятно, еще до прихода к власти Кира II входили в состав Мидийского государства еще при Киаксаре. XVI сатрапия Геродота, по его мнению, была сформирована еще мидянами¹⁹. В ее состав, помимо Хорезма, входили Парфия, Маргиана, Арея – Харайва и Согд²⁰.

Древнейшие урбанизированные комплексы Хорезма (Кюзелигыр и Хумбузтепа), относящиеся к началу периода Яз-II, в свете последних хронологических корреляций датируются первой половиной VII в. до н. э.²¹ Автохтонные культуры эпохи поздней бронзы, предшествовавшие им (тазабагьябская и амирабадская), не имеют с ними ничего общего. Данное обстоятельство приводит нас к убеждению в том, что раннегородская культура на территории нижней Амударьи возникает в результате переселения новой этнокультурной группы. Новый этнос принес с собой не известные ранее для местного скотоводческого населения высокоразвитые технологические знания, позволившие ей на «целинном» пространстве возвести селения, города, храмы, провести широкомасштабное ирригационное строительство и организовать ремесленное производство. Очевидно, что им же были привнесены новые религиозные и погребальные традиции, не характерные прежде для сакского населения²².

¹⁸ Дьяконов И. М. История Мидии. М., 1956. С. 261 – 263 .

¹⁹ Там же. С. 340; 346; 357-358.

²⁰ Там же. С. 349; 421-422.

²¹ Автор придерживается абсолютной хронологии, основанной на калиброванных датах, произведенных методом исследования изотопа С-14, которые были получены с поселения Хумбузтепа. Автор приносит благодарность Германскому институту археологии (г. Берлин) за возможность произвести эти анализы: Bln-5537 : 2428±37BP и Bln-5538 : 2522±32BP. Калиброванные и усредненные значения этих дат позволяют относить ранние керамические комплексы Хумбузтепа до середины VII в. до н. э. Ранним комплексам Хумбузтепа, по всей видимости, соответствуют нижние слои Кюзелигыр.

²² Погребения раннего архаического времени, относящиеся к оседло-земледельческому и городскому населению на территории Хорезмского оазиса, пока не известны. Исследователи Хорезма предполагают, что погребальный обряд в этот период здесь мог быть таким, каким он описан античными авторами для Согда и Бактрии, при котором останки умерших могли выставляться в уединенных малопосещаемых местах. Анализ остеологического материала, произведенный нами на поселении Хумбузтепа, показал, что вместе с костями животных в слое производственных отвалов содержалось некоторое количество человеческих останков.

Арханчская культура низовий Амударьи принадлежит к кругу культур типа Яздепе-II. Археологические комплексы этого времени аналогичны синхронным комплексам Парфии, Маргианы, Бактрии и Согда, которые имеют линию непрерывного развития с конца XIV в. до н. э. Аналогичная культура имела распространение и на территории Серахского оазиса – в нижнем течении реки Теджена-Герируда (Арея – Харайва Авесты). Примечательно, что гончарные сосуды периода Яз-II в Серахском оазисе, как и хорезмские, имеют красное ангобное покрытие. Иригационная система этого времени, базировавшаяся на использовании вод Теджена, аналогична оросительным каналам Хорезмского оазиса²³. Археологические материалы времени Яздепе-II Серахса очень близки комплексам архаического Хорезма и позволяют, на наш взгляд, видеть истоки его урбанизированной культуры на среднем и нижнем течении реки Теджена-Герируд. Материалы археологических исследований, таким образом, могут подтвердить данные письменных источников, сообщавших о хорасмиях, живших к востоку от парфов.

«Легенда об Акесе», сообщенная Геродотом, безусловно, сохранила обоснованное историческое предание о хорасмиях, живущих к востоку от парфов, но, по нашему мнению, представляет собой как раз тот случай, когда в легенде оказались спрессованными события, имевшие место в действительности длительный период времени. Подобные случаи отмечены исследователями трудов Геродота в тех фрагментах, описываемые события в которых относились к далекому прошлому. Хорасмии по этой легенде живут на границе с долиной (Арея – Харайва), окруженной горами, и эта долина некогда принадлежала хорасмиям. Сведения Скилака, относящиеся к 519-512 гг. до н. э., о хорасмиях, живущих по направлению к востоку от парфов, по нашему мнению, не являются непреодолимым противоречием. Вполне возможно, что какая-то часть хорасмиев продолжала оставаться на этой территории и, возможно, была связана с Хорезмом политически. Как известно, из истории средневеко-

²³ Серахский оазис остается до последнего времени слабо изученным регионом. Однако его своеобразие, отличающее от культурно-исторических районов Парфии и Маргианы и сближающее его с архаическими комплексами низовий Амударьи, позволяет предполагать близость с Хорезмом и культуры всего бассейна р. Теджен-Герируд. См.: Кошелев Г. А. Серахский оазис // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985. С. 186-187; Орзов О. Археологические и архитектурные памятники Серахского оазиса. Ашхабад, 1973. С. 3, 97; Марущенко А. А. Старый Серахс (отчет о раскопках 1953 г.). ТИИАЭ АН ТССР. Ашхабад, 1956. II; Массон В. М. Еще раз о геродотовой реке Акес // Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. М., 1967.

вого Хорезма, территория Хорасана традиционно имела для него особое значение. Правители Хорезма всегда считали важным для себя обладать землями Хорасана. Скилак, чьи сведения относятся ко времени немногим позднее подавления восстаний Дарием, и в самом деле мог застать хорасмиев, расположенных по «царской дороге» в Бактрию к востоку от парфов²⁴.

Мы считаем вполне вероятным предполагать, что первоначальное расселение хорасмиев могло иметь место в бассейне среднего течения р. Теджен-Герируд, включая Серахский оазис. В первой половине VII в. до н. э., возможно при Киаксаре, хорасмийцы переселяются в низовья Амударьи. Легендарная традиция об их приходе в Хорезм, сообщенная Беруни и сохраненная в Шахноме, не позволяет считать, что хорасмийцы были насильственно изгнаны со своих прежних территорий. Напротив, сведения Скилака о хорасмийцах, живущих к востоку от парфов, могут свидетельствовать о том, что эти территории при Дарии могли принадлежать Хорезму. Сведения, приведенные у Стефана Византийского, которые, как полагают, восходят к Гекатею, позволяют предполагать, что именно здесь мог находиться город Хорасмия²⁵. Вероятно, хорасмийцы покинули свои исконные территории по причине усиления налогового бремени при Дарии, что и нашло отражение в легендарном рассказе Геродота об Акесе. Помимо хорасмиев в низовья Амударьи, спасаясь от жестоких расправ Дария после восстания, вероятно, устремлялись и многочисленные беженцы, среди которых могли быть мидийцы, парфяне и маргианцы. Вероятно, именно этим обстоятельством может объясняться синкретический характер архаической культуры Хорезма, вобравшей в себя культурные, интеллектуальные и технологические достижения Парфии, Маргианы и Мидии.

Археология относится к тем научным дисциплинам, в которых знания об историческом прошлом, в зависимости от масштабов и глубины исследований, постоянно меняются. Археологические работы, которые были проведены археологическими отрядами Академии наук Республики Узбекистан в последнее десятилетие на поселениях, городищах и некрополях низовий Амударьи, значительно дополняют наши представления об истории народов Хорезмского оазиса и подтверждают необходимость в дальнейших более широких исследованиях.

²⁴ Подобным же образом ал-Якуби в IX в. утверждал, что «от Несы до Хорезма, если идти на восток, 8 дней пути» // Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.; Л., 1939. Т. I. С. 147.

²⁵ Пьянков И. В. Хорасмийцы Гекатея Милетского // ВДИ. М.: Наука, 1972. № 2 (120). Апрель – Май – Июнь. С. 4.

С. Баратов

Хоразм қадимги маданиятига оид археологик тадқиқотларнинг баъзи муаммолари

Мақолада Хоразм воҳаси қадимги маданиятларини ўрганилишида муаллифнинг фикри бўйича энг муҳим муаммолари кўрилмоқда. Ўзбекистон археологлари топган янги топилмалар Россиянинг Хоразм археологик экспедицияси томонидан олдин ўрганилган археологик комплексларни янги талқин этишга имкон беради. Қалтаминор маданияти макони Аяқитмани ўрганилиши натижасида олинган энг янги маълумотлар қалтаминор маданий-тарихий бирлашмасида Амударё куйи окимидаги неолит маконларининг ўрнини, аҳамиятини ва хронологиясини аниқлашга имкон беради. Жез даврининг тозабоғёб ва амиробод маданиятлари хўжалигини чорвачиликка қаратилганлиги, маконлар ва уйларни топографик, планиграфик ва стратиграфик хусусиятлари ушбу қабилаларда суғорма деҳқончилик мавжуд бўлганлиги тўғрисида таҳмин қилишга асос бўлмайди.

S. Baratov

Some problems archaeological studies of ancient cultures of the Khorezm

This article presents the most important, the author's view, and the problems of studying ancient cultures of the Khorezm Oasis. New materials obtained by archaeologists Uzbekistan, in his view, allow for a new deal and interpret previously studied archaeological complexes previously studied Russian archaeologist Khorezm-ethnographic expedition. The latest data on Kelteminar culture, received in the settlement Ayakagitma allow specify a time-frame of its existence and the place, role and significance of the lower Amudarya Neolithic settlements among cultures Kelteminar cultural-historic commonality. Pastoralist orientation of the Tazabagyab and Amirabad cultures, especially topography, stratigraphy and planning of settlements and shelters do not allow, suggesting the existence of the tribes of their speakers irrigated agriculture in Bronze Age. The author brings the scientific use new archaeological material on the early nomads lowers Amudarya (VIII – VI century BC), and offers a new concept of origin urbanized culture on the territory of the Khorezm Oasis.

Мақолалар

Б. Матбабаев, З. Маишрабов

АНДИЖАН: ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА И ЭТАПЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ (историко-археологическое исследование)

За последние годы в отечественной исторической науке усилился интерес к исследованиям проблем, связанных с возникновением и развитием городской культуры нашего края. В археологии Узбекистана достаточно хорошо разработаны критерии для выделения ранних городов в исследуемых памятниках¹. Существуют также отдельные разработки по этой проблематике, где представляются модели урбанизации Средней Азии, обусловленные экологическими и социально-экономическими особенностями². Учитывая последние данные, Б. Матбабаев делит археологические памятники Узбекистана, которые можно охарактеризовать как «древний город», на две хронологические группы. Такие памятники зафиксированы почти в 50 его пунктах. Некоторые из них оказались под застройкой современных городов и сёл, и лишь часть сохранилась в виде отдельных археологических памятников³.

Во многих городах республики проводятся археологические исследования по определению их возраста. В результате этих работ достигнуты определенные успехи, проведены торжественные юбилеи таких древних центров, как Бухара, Хива, Термез, Шахрисабз, Маргилан и Самарканд. В Андижане, Джизаке, Хазараспе археологические работы по определению даты их основания только осуществляются.

¹ А с к а р о в А. А., Ш и р и н о в Т. Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканд, 1993; Р т в е л а д з е Э. В. Формирование городов Бактрии-Тохаристана и Согда (IV в. до н. э. – VIII в. н. э.) // Тезисы докладов советско-французского коллоквиума. Ташкент, 1986.

² Б у р я к о в Ю. Ф. Модель формирования городских систем контактных зон (по материалам Древнего Чача) // Мерв в древней и средневековой истории Востока // Тезисы докладов. Ашхабад, 1990. С. 52-54; Б у р я к о в Ю. Ф., Р а д и л и л о в с к и й В. В. Динамическая и статистическая модель процесса урбанизации по материалам Ташкентского оазиса // Аскарлов А. А., Буряков Ю. Ф., Квирквелия О. Р., Радилиловский В. В. Теоретические и методологические проблемы исследования в археологии. Ташкент, 1988. С. 117-142.

³ М а т б а б а е в Б. Х. Древние города Ферганской долины (по археологическим материалам) // Материалы научно-практической конференции на тему «Великий шелковый путь и Ферганская долина». Андижан, 2004. С. 27-32.

До недавнего времени урбанизационные процессы на территории Ферганской долины долгое время оставались недостаточно изученными, чем объясняется наличие незначительного числа данных по вопросам генезиса ранних городов этого региона. Основная причина такого положения состояла в особом подходе в советское время к изучению данной территории: её рассматривали как периферию среднеазиатских цивилизаций и считали отсталой в историческом развитии. Иногда существующие археологические комплексы необоснованно омолаживались и подвергались сомнению наличие ранних городов. Благодаря работам видного археолога из Санкт-Петербурга Ю. А. Заднепровского впервые был поставлен вопрос о раннем городе Фергане. Ещё в 70-е годы XX в. этот автор выделил пять археологических критериев для городов Древней Ферганы, которые не утратили своего значения и важности по настоящее время⁴.

Среди них отметим Андижан, расположенный в самой восточной части республики. По своему географическому расположению и экономическому потенциалу он имеет своеобразную и древнюю историю. В изучении его истории особо отмечены такие исследователи, как Я. Г. Гулямов, М. Е. Массон⁵, А. К. Писарчик⁶, Б. Абдулгазиева⁷, В. И. Козенкова, Г. Дадабаев⁸, С. Джалилов⁹, Х. Матбабаев (раскопки в 2000-2005 гг.) и др. Так, именно на основе их исследований были собраны ценные данные о структуре и истории развития города. Первые исследования по исторической топографии Андижана в 1938, 1944 и 1947 гг. были проведены этнографом А. К. Писарчик, результатом которых явилось создание исторического плана города с нанесением ворот и мечетей¹⁰.

⁴ З а д н е п р о в с к и й Ю. А. Типология и динамика развития городских поселений Древней Ферганы // Тезисы докладов сессии, посвящённой итогам полевых исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973. С. 17-20; Е г о ж е . Типы поселений и жилищ Ферганы бронзового века // Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений. Тезисы докладов. Л., 1974. С. 74.

⁵ М а с с о н М. Е. Из воспоминаний среднеазиатского археолога. Ташкент, 1976.

⁶ Писарчик А. К. Некоторые данные по исторической топографии городов Ферганы // ТИИАЭ АН ТаджССР. 1956. Т. XLII. С. 145-194.

⁷ А б д у л г а з и е в а Б. Андижон Бобур даврида. Андижон, 1993; Е е ж е . Отчеты Андижанского археологического отряда за 1981-1984, 1987 гг. Архив Института археологии АН РУз. Шифр хр. Ф. 8, д. 134-135, 139.

⁸ Д а д а б а е в Г. Отчет Андижанского археологического отряда по составлению свода археологических памятников Андижанской области. Архив Института археологии АН РУз. Шифр хр. Ф. 8, д. 46. 1975.

⁹ Ж а л и л о в С. Бобур ва Андижон. Тошкент, 1993.

¹⁰ П и с а р ч и к А. К. Некоторые данные по исторической топографии городов Ферганы... С. 145-194.

В настоящее время собрано достаточно данных о средневековом Андижане (IX – XIX вв.) и особенно по его истории XIV – XVI вв. В частности, установлено местонахождение и разграничение цитадели и шахристана. По мнению С. Джалилова, площадь первого составляла 215-220×450-460 м или около 10 га¹¹, а второго, по мнению Б. Абдулгазиевой, – 100 га¹². Однако на этой территории пока не выявлены более древние слои. В целом в изучении древней истории Андижана еще имеется ряд нерешенных проблем. Среди последних особо выделяются формирование, ранние этапы и развитие городской культуры, решение которых в основном связано с археологическими исследованиями. Так, для изучения ранних этапов городской культуры отсутствуют письменные источники¹³. Необходимо отметить, что в Андижане проводились и осуществляются археологические раскопки уже на протяжении более 10 сезонов. Их результаты вплоть до 2000 г. выявили наличие ранних слоев, характеризующихся поздней античностью и ранним средневековьем. При этих работах предшествующими исследователями в основном обращалось внимание на территории вокруг средневековой цитадели и шахристана. Причиной этого, вероятно, было то, что, как и во многих древних городах Востока, археологические памятники Андижана были разрушены или находятся под мощными напластованиями современных строений, что сильно осложняло проведение раскопок. Однако с 2000 г. происходят качественные изменения в археологических исследованиях Андижана¹⁴, что явилось результатом сотрудничества Института археологии АН РУз с Международным фондом имени Бабура и Центром науки и технологий при Кабинете Министров Республики Узбекистан¹⁵.

В 2000-2005 гг. при археологическом изучении Андижана основное внимание уделялось определению расположения разрушенных и частич-

¹¹ Ж а л и л о в С. Бобур ва Андижон... 76-бет.

¹² А б д у л г а з и е в а Б. Андижон Бобур даврида... 5-6-бетлар.

¹³ Они появляются в средневековом периоде: Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973. С. 31, 105, 116, 160; М а т б а б а е в Б. Х. Основные письменные источники по средневековой истории города Андижан // «Ўзбекистон тарихи ва археология фанининг долзарб муаммолари» мавзуидаги республика илмий конференция материаллари. Самарқанд, 2003. 74-78-бетлар.

¹⁴ В археологических работах в Андижане принимали участие Б. Х. Матбабаев (руководитель работ), Г. П. Иванов, Б. Абдулгазиева, С. Жалилов, Б. Абдуллаев, З. З. Машрабов, К. Рахимов и студенты исторического факультета Андижанского государственного университета им. Бабура.

¹⁵ М а т б а б а е в Б. Х. Археологические раскопки в городе Андижане: вопросы возникновения и этапы развития городской культуры в Ферганской долине (заключительный). Отчёт. Самарқанд. 2002. Шифр И-01-99. 157 с.

но сохранившихся памятников на его территории. Для этого привлекли историко-топографическую карту¹⁶ города 1893 и 1913 гг. с сопоставлением сохранившихся памятников и некоторые сведения из письменных источников¹⁷. На территории города начала XX в. было зафиксировано 8 археологических объектов, 11 городских кладбищ, 39 мечетей. Формально эти памятники можно разделить на две группы:

1. Памятники с археологически зафиксированными культурными слоями. Сюда входят Чордона (ул. Т. Келдиева), Сарвантепа (ул. Суджонат и Тутзор), Коштепа I, II (ул. Шахриханская), Яккатепа (ул. Дальверзинская), Ганчтепа-Уграёр (территория домостроительного комбината), Кюльтепа (разрушен в XVIII – XIX вв., находился примерно на месте здания областной администрации и площади им. Бабура), территория средневекового арка и шахристана¹⁸.

2. Памятники, где не проводились археологические раскопки, но обнаружены подъемные фрагменты керамики разных эпох – Каракурбан (на месте базы областного управления народного образования), Авганбаг, Окгур (ул. Н. Хакимова), Мушктепа, Уразантепа (ул. Мехнат).

На памятниках первой группы Чордона, Сарвантепа, Тутзор, Яккатепа, Коштепа I, Арк ичи, шахристане проведены археологические работы. В целом было заложено 4 раскопа и 10 шурфов. В результате исследований в 2000-2004 гг. были получены новые материалы, особенно по древнему периоду истории города. На основании материалов предшествовавших археологических работ и новых исследований можно выделить следующие периоды в истории возникновения и развития города Андижана.

I период. Материалы наиболее раннего периода получены из нижних слоев Сарвантепа и представлены археологическими комплексами эйлатанской культуры. Этот комплекс выявлен на глубине четырех метров от дневной поверхности, мощностью до одного метра, на небольшой площади. Этот комплекс, названный нами **Сарвантепинским**, разделен на два этапа – Эйлатан I и II. Ранний этап представлен в основном

¹⁶ Копия В. Колодовкина, сделанная по карте, снятой в 1893 и 1913 гг., землемера Андижанского уезда А. Старикова.

¹⁷ В статье представлены лишь некоторые источники, связанные с археологическими материалами. Однако изучение городских кварталов (с гузарами) и ворот позднесредневекового Андижана могут быть отдельной темой.

¹⁸ Ещё один археологический памятник на территории города – могильник (I – VI вв.) зафиксирован и раскопан Б. Абдулгазиевой на проспекте Навои. Вскрыто 7 погребений катакомбного типа (см.: Абдулгазиева Б. Могильник Андижан // Археологические открытия. 1979. М., 1980. С. 444).

лепной, иногда расписной керамикой и редко станковой, но при отсутствии красноангобириванной станковой керамики. Комплекс датируется VI – V вв. до н. э. Во втором этапе (Эйлатан II) при сохранении лепной керамики, где отсутствует расписная, увеличивается количество станковой керамики. Эти находки датируются IV – III вв. до н. э.¹⁹ По археологическим наблюдениям Сарвантепинский комплекс распространен на площади более одного гектара (примерно на территории 100×100 м). Подобные ранние культурные слои пока еще не обнаружены под напластованиями ни одного другого современного исторического города долины. Выявление в Андижане археологических комплексов VI – III вв. до н. э. дают возможность сделать три важных вывода:

Во-первых, с археологической точки зрения обосновывается, что на территории памятника Сарвантепа 2600-2300 лет тому назад было основано древнее ядро города в виде поселения земледельцев и ремесленников.

Во-вторых, выявление данного памятника проясняет проблему водообеспечения города, так как новые археологические материалы позволяют утверждать, что Андижансай функционировал как искусственный канал уже в VI – III вв. до н. э.

В-третьих, можно внести существенную корректировку в доминировавшее до последнего времени мнение о необходимости искать древние слои города в его восточной части, так как новые материалы указывают на их расположение на его северо-западном участке.

Расположение древнего ядра Андижана на месте Сарвантепа имеет под собой определенную основу. Нам представляется, что главным импульсом в возникновении ранних городов именно в этой – восточной части долины являлись удобные условия для древнего земледелия Карадарьи. В бассейнах верхнего и среднего ее течения археологически отмечены ранние города эпохи поздней бронзы и раннего железа, а с VIII – VII вв. до н. э. – элементы оазисных государств²⁰. Сюда входят такие археологические памятники, как Дальверзин, Ашкалтепа, Ахшар (XII – VII вв. до н. э.), городище Эйлатан, поселение Сарвантепа (VI – III вв. до н. э.). Дальверзин, расположенный в северо-восточной части села Аим Джалакудукского района Андижанской области, по заклю-

¹⁹ М а т б а б а е в Б. Х. Новый археологический комплекс эйлатанской культуры Ферганы (к вопросу о хронологии и происхождении) // Цивилизация скотоводов и земледельцев Центральной Азии. Самарканд; Бишкек, 2005. С. 111-122.

²⁰ М а т б о б о е в Б. Х. Қадимги Фарғонада илк давлатчилик излари // Ўзбекистон тарихи. Тошкент, 2002. № 1. 3-11-бетлар.

чению большинства историков-археологов признан древнейшим городом долины²¹. Этот вывод подтверждается результатами археологических раскопок, проведенных предшествовавшими исследователями до 1980-х годов, а также нашими исследованиями, проведенными в 2003-2005 гг., в ходе которых выявлен ряд признаков раннего города.

Городище Эйлтан (площадь 200 га), возведенное в период раннежелезного века (VI – III вв. до н. э.) и функционировавшее в раннеантичный период, сыграло активную роль на последующем этапе урбанизации долины. Время существования Сарвантепа и Эйлтана соответствует одной эпохе. Следовательно, Андижан территориально располагался в зоне «ранних городов Ферганы».

II период. Древний период хронологически охватывает последние века до нашей эры и первые века нашей эры. Археологические материалы этой эпохи зафиксированы на памятниках Сарвантепа, Чордона, Ганчтепа, Кошттепа. Однако по неясным причинам на территории Андижана пока незначительно выявлены материалы II – III вв. н. э., в то время как этот период является расцветом Даванского государства, где, по китайским источникам, было более 70 городов различной величины (возможно, какую-то часть из них составляли укрепленные сельские поселения. – М. Б.). Столица этого государства Эрши (руины Мингтепа в центре современного Мархаматского района) расположена в 28-30 км южнее Андижана и ее локализация признана большинством ученых-фергановедов²².

III период. В раннесредневековый период (V – VIII вв.) территория города была расширена вследствие строительства в пригородной части замков крупных землевладельцев-дехкан. Материалы этого периода зафиксированы и изучены на Сарвантепа, Чордона и Яккатепа. Раннесредневековые комплексы состоят из изделий гончарного производства и хронологически делятся на два этапа – V – VI и VII – VIII вв. Среди них отметим керамику с древнетюркской тамгой. Подобная находка для Андижана не является первой. Так, еще академиком Я. Гулямовым здесь

²¹ Машрабов З., Матбобоев Б. Х. Водийдаги энг қадимги шаҳар // Ўзбекистон адабиёти ва санъати. 2004 йил 16 июл; Сагдуллаев А. Қадимги Ўзбекистон шлк ёзма манбаларда. Тошкент, 1996. 103-бет.

²² Заднепровский Ю. А. О столичных центрах Давани (Древней Ферганы) // Взаимодействие культур и цивилизаций. СПб., 2002. С. 194-197; Gogbunova N. G. The culture of ancient Ferghana VI century B. C. – VI century A. D. BAR. International series. London, 1986; Ташбаева Х. И. К проблеме локализации городов государства Давани // Цивилизации скотоводов и земледельцев Центральной Азии. Самарканд; Бишкек, 2005. С. 156-166.

был обнаружен фрагмент керамики с тюрко-рунической надписью, который хранится в Государственном музее истории Узбекистана²³. Все это вновь подтверждает, что в Андижане с этого периода присутствовал тюркоязычный пласт населения.

IV период. Имеется несколько письменных источников, освещающих средневековую историю города. В них его название после X в. представлено как «Андукан», «Андуган», «Андиган», «Андикан». Самый ранний источник, где упомянут термин «Андукан», зафиксирован в книге «(Китаб) масалик ал-мамалик ал-Истахри», написанной в 930-933 гг. Это название отмечено при перечислении городов Нижней Нисьи области Ферганы²⁴. У Якута ал-Хамави (1179-1229) он также встречается в форме «Андукан»²⁵. Позже в XV в. в источниках название города зафиксировано как «Андаган»²⁶. Существуют различные мнения по топонимике Андижана. По мнению С. Джалилова, долгие годы проводившего в этом плане исследования, название города связано с термином «адок». Это связано с книгой «Луғати чигатои ва турки усмони», где зафиксировано, что «Адок – есть древнее название города Андижан». Следует дополнить, что Махмуд Кашгари в своем произведении «Девону луғатит-турк» также отмечал, что «Азғиш (Адғиш)» есть название местности. Все перечисленные термины имеют общий корень «ад», который происходит от древнетюркского названия одного из 92 узбекских родов «адок, адгиш»²⁷. Видимо, к корню «Ад» позже добавлено «н», и в результате фонетических изменений он принял форму «А(н)дгон» или «А(н)дигон». Такие изменения в топонимике встречаются часто: Рушидон – Риштан, Баб – Паб – Пап и т. д. Однако среди 92 узбекских родов не встречается название, близкое к топониму Андижан²⁸.

По авторитетному заключению академика А. Р. Мухаммаджонова, в топониме Андижан первая часть «анди (анду, анда) – «андиёхи анда» считается тюрко-монгольским термином и означает «близкий», «недалекий». Здесь следует отметить интересный факт, что до сих пор употребляется выражение «куда-анда», которое на узбекском языке подразумевает «якин кариндош булмоқ» (стать близкими родственниками). Вторая

²³ Булатова В. А. Древняя Кува. Ташкент, 1972. С. 62.

²⁴ Материалы по истории... С. 31.

²⁵ Бўриев О., Ваҳобова Б. Ёзма манбалар ал-Фарғоний ҳақида. Тошкент. 1998.

²⁶ Бартольд В. В. Работы по исторической географии. М., 1965. Т. III. С. 534.

²⁷ Жалилов С. Бобур ва Андижон... 13-15-бетлар.

²⁸ Султанов Т. И. Опыт анализа традиционных списков 92 «племен илатий» // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1972. С. 165-176; См. также: Закин В. А. И. Ўзбек уруғлари // Ўзбегим. Тошкент. 1992. 110-113-бетлар.

часть «гон, кон, жон» является гидронимом и имеет смысловую нагрузку «сай, река». Следовательно, название города означает местность «у реки (сая)» или «близкий к воде (реке-саю)»²⁹. Нам представляется, что последняя версия наиболее обоснованна и близка к истине.

Археологических материалов IX – XII вв. представлено незначительно. Они выявлены при хозяйственных работах на территории современного старого города. Так, при строительстве медицинского института обнаружены стеклянные изделия и остатки квартала керамистов³⁰. Сюда же можно включить декоративные облицовочные кирпичи XIII – XIV вв., обнаруженные М. Е. Массоном около мечети Джами при археологических наблюдениях во время строительства Большого Ферганского канала³¹. Видимо, к этому периоду относятся и остатки помещения Караханидского периода, обнаруженные под стенами арка³².

После монгольского завоевания Андижан продолжает сохранять статус крупного города Ферганской долины. В. В. Бартольд писал: «Упоминается (Андижан) уже в IV/X в. как Андукан; в конце VII/XIII в., по-видимому, вновь отстроен монгольскими правителями Тувой (Дува. – М. Б.) и Хайду (XIII в.)»³³. Действительно, при Дувахане сыне Кайду-Сахина в Андижане были осуществлены заметные созидательные работы. Дувахан уделял особое внимание Андижану как стратегическому пункту на международной торговой трассе, соединяющей Среднюю Азию с Китаем. В «Анониме Искандера» Муин ад-Дин Натанзи о Дувахане имеется следующее сообщение: «Был очень умным, добродетельным, могущественным, прозорливым и обладающим большими достоинствами государем... он построил несколько больших городов, в том числе область купола ислама – Андуган» (Куббат-ул-ислам. – М. Б.)³⁴.

При Дувахане в городе было построено много мечетей, медресе. Он сделал этот город столицей Ферганы. По сведениям С. Джалилова, до недавнего времени сохранялись руины мечети Дувахана. В этот период в Андижан были переселены отдельные монгольские роды. В

²⁹ Мухаммаджонов А. Р. Шарк дурдонасининг жилваси // Андижон ёшлари. 2004 йил 24 май; Ўша муаллиф. Андижон топонимининг этимологияси ҳақида // Шаркшунослик. 2002, № 11. 157-163-бетлар.

³⁰ Брыкина Г. А. Стекло Карабулакского городища // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 255; Егже. Карабулак. М., 1974. С. 104.

³¹ Массон М. Е. Экспедиция археологического надзора на строительстве БФК // КСИИМК. М.; Л., 1940. Вып. IV. С. 53.

³² Абдулгазиева Б. Андижон Бобур даврида... 7-бет.

³³ Бартольд В. В. Работы по исторической географии... С. 326.

³⁴ Материалы по истории... С. 115-116.

частности, Абд ар-Раззак Самарканди в своём произведении сообщает, что в город прибыли тысячи представителей монгольского рода кадак³⁵. В результате в Андижане появилось множество махалля и кварталов (даха), связанных с ними. Об этом свидетельствуют некоторые названия, сохранившиеся на территории современного Андижана, например: Кирлик, Чувалачи (Жубалачи), Кунжи (Кўнжи), Бугра, Сарой, Найман³⁶. Возможно, что исследованные нами средневековые погребения на Чордона принадлежали именно этим жителям города, так как в трех из исследованных могил обряд захоронения резко отличается от погребений этого периода. В указанных могилах захоронения производились в гробах и с сопроводительными материалами (железные наконечники стрел, керамический сосуд, посеребренные монеты). По мнению нумизмата А. Х. Атахаджаева, эти монеты отчеканены в конце XIII – начале XIV в. и относятся к группе «монет Чагатаидов». Мы считаем, что эти захоронения принадлежат осевшим кочевникам, а сопроводительный материал указывает на то, что они еще не исламизировались. В этом плане интересны результаты предыдущих работ на Чордона археолога Б. Абдулгазиевой, которая обнаружила погребения в деревянном гробу³⁷. Обычно такие захоронения, по мнению Ю. А. Заднепровского, сопровождались инвентарем, состоящим из конской упряжи, положенной в могилу по погребальному обряду кочевников, что, видимо, связано с кипчаками³⁸.

С завершением монгольского господства в 1377 г. в истории Андижана начался новый этап – период империи Темуридов. Амир Темур передал во владение своему сыну Омаршейху города Андижан и Узген с двенадцатью туманами³⁹. В этот период Андижан являлся резиденцией правителя⁴⁰. Исследованиями определены расположения цитадели, шахристана и рабада, являвшихся составными частями города. На территории шахристана изучено монументальное сооружение XIV – XV вв., украшенное майоликой⁴¹. Археологические исследования отдельных участков оборонительных стен города подтвердили их возведение в

³⁵ Там же. С. 153.

³⁶ Ж а л и л о в С. Бобур ва Андижон... 18-бет.

³⁷ А б д у л г а з и е в а Б. Могильник XIII – XIV вв. Чордона в Андижане // Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. Бишкек, 1999. Вып. 2. С. 99-100.

³⁸ З а д н е п р о в с к и й Ю. А. Кочевнические погребения XIII – XIV вв. в Фергане // СА. 1975. № 4. С. 276-280.

³⁹ Ж а л и л о в С. Бобур ва Андижон... 18-19-бетлар.

⁴⁰ Б а р т о л ь д В. В Работы по исторической географии... С. 326.

⁴¹ А б д у л г а з и е в а Б. Раскопки в средневековом шахристане г. Андижана // Археологические работы на новостройках Узбекистана. Ташкент, 1990. С. 91-96.

XIV в. и то, что в последующем они несколько раз ремонтировались. В частности, стены цитадели проходили в границах современных улиц Пайтуг, Кизил Шарк, Трактор, Ташкилот (махалля «Арк ичи») и, как отмечалось, охватывали площадь в 10 га. Северная стена шахристана в направлении с запада на восток проходила по улице Т. Кельдиева до махалли «Карабура» и поворачивала на юг. Восточная стена проходила вдоль проспекта Чулпан (от обувной фабрики до парка им. А. Навои), около местности «Акмачит» соединялась с южной стеной. Южная стена с востока на запад доходила до пересечения улиц Ташкилот и Кизил Шарк, где соединялась с западной стеной, охватывая южную стену арка. Западная стена, пересекая гузар Умарбек (ул. Алтынкульская), соединялась с северной стеной в районе махалля «Дарвоза огзи».

Таким образом, в пределах границ вышеперечисленных улиц современного города располагался средневековый шахристан площадью 100 га. План шахристана был восстановлен А. К. Писарчик по сохранившимся фрагментам стен и опросу населения. Сюда исследованиями С. Джалилова и Б. Абдулгазиевой были внесены дополнения и некоторые изменения⁴². Впоследствии стены арка Андигана подвергались дополнительным исследованиям нескольких археологических отрядов под руководством Г. Дадабаева, позже Б. Абдулгазиевой и Б. Х. Матбабаева⁴³. В 1981-1982 гг. вскрыто 40 м южной стены арка⁴⁴. Последними археологическими раскопками на территории современного кладбища по улице Ташкилот нами также выявлена южная стена цитадели толщиной по основанию 5,75 м и по верху 5,3 м при сохранившейся высоте 2,2 м⁴⁵. На основании находок стена возведена в XIV в. и функционировала до XVIII в.

По сведениям средневекового историка Абд ар-Раззака Самарканди, стены Андугана (Андигана) были построены Темуридом Умаршайхом

⁴² Писарчик А. К. Некоторые данные по исторической топографии городов Ферганы... С. 145-194; Абдулгазиева Б. Андигон Бобур даврида... Рис. на стр. 8; Жалилов С. Бобур ва Андигон... 71-бет.

⁴³ Дадабаев Г. Отчет Андиганского археологического отряда по составлению свода памятников Андиганской области. 1975. Архив Института археологии АН РУз. Шифр хр. Ф 8, д. 46; Абдулгазиева Б. Андигон Бобур даврида... 5-7-бетлар; Абдуллаев Б., Матбабаев Б. Х., Машрабов З. З. Десятый сезон археологических раскопок в Андигане // Археологические исследования в Узбекистане – 2002 год. Ташкент, 2003. Вып. № 3. С. 13.

⁴⁴ Абдулгазиева Б. Андигон Бобур даврида... 5-бет; Машрабов З., Жалилов С. Тафаккур хазинаси // Совет Ўзбекистони. 1983 йил 7 апрель.

⁴⁵ Матбабаев Б. Х. и др. Отчет об археологических исследованиях в г. Андигане в 2002 г. Самарканд. 2003. Архив Института археологии АН РУз. Шифр хр. Ф. 8, д. 180.

в 779 г. х. (1377-1378 гг.)⁴⁶. По мнению В. Д. Жукова, эта стена возведена на культурных слоях караханидского периода⁴⁷. Археологические материалы XV – XVII вв. выявлены на территории махалли «Арк ичи» и мечети Джамии в старом городе. Наиболее полные сведения об Андижане периода Бабур и Бабуридов представлены в «Бабурнаме». Бабур родился и вырос в этом городе, поэтому его информация об Андижане бесценна. «Это – столица области Ферганы... В Мавераннахре, кроме Самарканда и Кеша, нет крепости больше Андиждана. В городе трое ворот, арк Андиждана находится на южной стороне. Вода поступает (в город) по девяти каналам...»⁴⁸. В настоящее время, благодаря усилиям С. Джалилова, определено местоположение 9 упомянутых в «Бабурнаме» арыков (Хасан-арык, арык Бурхан-шейха, Хотам-арык, арык Жуйибазар, арык Бугра, Дальварзин-арык и арыки Ак Рабат, Тукмак, Куштегирман)⁴⁹.

Из трех ворот в «Бабурнаме» отмечены только Хакан дарвоза (Хаканские ворота)⁵⁰. Правда, при описании политических событий упомянуто название ещё одних ворот – «Мирза дарвоза». Востоковед, краевед С. Джалилов, много сделавший в изучении Андиждана, определяет местонахождение Хакан дарвоза в юго-западной части города. Видимо, в северной части были ворота в сторону Ахси. До сих пор среди населения эта местность называется «Дарвоза огзи» – начало (порог) ворот⁵¹. Место расположения третьих ворот пока неизвестно. Предполагается, что они находились в восточной части Андиждана. Следует также отметить, что Хаканские ворота упомянуты в более позднем (XVI – XVII вв.) источнике «Тарих-и Кашгар». Там читаем следующее: «Мирза Шахид Чурас по прозвищу Чалба был правителем Аксу. Заняв (местечко) Куль-Тюбе у Хаканских ворот, он поставил (там) шатёр для хана. Шахбаз-бек был правителем в Кашгаре, (а) эмиром эмиров был Йолбарс-хан. Они быстрым натиском взяли городские ворота (и) разграбили Андижанскую крепость»⁵². По этому периоду истории Андиждана существуют ряд исследований.

⁴⁶ Материалы по истории... С. 153.

⁴⁷ Жуков В. Д. Отчет о работе второго отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала // Труды Института истории и археологии АН РУз. Ташкент. 1951. Т. IV. С. 74.

⁴⁸ Бабурнаме. Ташкент. 1993. С. 29-30.

⁴⁹ Жалилов С. Андижон. Тарихий ўлкашунослик очерки. Тошкент. 1989. 27-бет.

⁵⁰ Бартольд В. В. Работы по исторической географии... С. 213.

⁵¹ Жалилов С. Андижон. Тарихий ўлкашунослик очерки... 53-бет; Абдулгазиева Б. О чорбагах Андиждана эпохи Темуридов // Мирзо Улугбек и жоди ва унинг жаҳон цивилизациясида тутган ўрни. Маърузалар тезислари. Самарқанд. 1994. 155-156-бетлар.

⁵² Материалы по истории... С. 221.

В период (XVII – XIX в.). Материалы этого времени выявлены в большинстве частей города при хозяйственных работах. Археологическая фиксация этого периода осуществлена нами в шурфах, заложенных на улицах Тутзор, Иттифок, Суджоат, Кизил Шарк в 2001-2002 гг. Комплексы представлены фрагментами позднесредневековой керамики, в некоторых случаях китайским и русским фарфором. В этот период он становится одним из крупных городов Средней Азии и социально-экономическим, культурным центром Ферганской долины. Как отмечает В. В. Бартольд, в XVIII в. «Андижан» по главному городу называли и всю область (слово «Фергана» употреблялось только в книгах)⁵³.

Другим важным источником, связанным с историей города, являются монеты, отчеканенные в Андижане. Самые ранние из них выпущены в 358-359 г. х. (968-970 гг.), но отдельные нумизматы относятся к этому с сомнением⁵⁴. Позже в конце XIII в. в обращении появляются новые монеты, отчеканенные в Андижане, Маргинане, Оше и Ходженте⁵⁵. В эту группу можно включить упомянутые выше посеребренные образцы, обнаруженные в Андижане в 2002 г. Здесь же в XV в. имелся крупный монетный двор и выявлен чекан четырех видов монет⁵⁶.

Андижан, как и все среднеазиатские города, структурно состоял из нескольких территориальных единиц. В конце XIX – начале XX в. город включал четыре квартала (даха): 1. Сой (северная часть); 2. Уйлик (западная часть); 3. Олайлик (южная часть); 4. Кирлик (восточная часть)⁵⁷. Жилые кварталы членились на гузары и махалля, их было больше 20 и около 150 соответственно.

Основываясь на археологических, этнографических и топографических материалах, можно предложить следующие этапы развития городской культуры Андижана:

I период. Возникновение древнего ядра города (VI – V вв. до н. э.);

II период. Античный город (IV в. до н. э. – IV в. н. э.);

⁵³ Бартольд В. В. Работы по исторической географии... С. 215.

⁵⁴ Кочнев Б. Д. Домонгольский город северо-восточного Мавераннахра в свете нумизматики // Тезисы докладов конференции «Зоны и этапы урбанизации (теоретические аспекты проблемы «Город и процесс урбанизации в Средней Азии»)». Ташкент, 1989. С. 53-55.

⁵⁵ Давидович Е. А. Денежное хозяйство Средней Азии после монгольского завоевания и реформа Масуд-бека (XIII в.). М., 1972. С. 64-70, табл. 10-11.

⁵⁶ Шенева Л. Ю. Медные монеты Андижана и Ташкента XV – XVI вв. // ИМКУ. Ташкент. 1991. Вып. 25. С. 207-211; Е же. Денежное обращение Ферганы и Шаша в эпоху Темуридов (медные монеты XV – начала XVI в.); Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Ташкент, 1997. С. 6.

⁵⁷ Жалилов С. Андижон. Тарихий ўлкашунослик очерки... 42-бет.

III период. Раннесредневековый город (V – VIII вв.);

IV период. Средневековый Андижан (IX – XVI вв.);

V период. Позднесредневековый Андижан (XVII – XIX вв.).

Таким образом, историко-археологические исследования процессов урбанизации Андижана показывают, что город в своем развитии прошел длительный эволюционный путь от небольшого поселения до крупного урбанизированного центра. Результаты работ позволяют сделать нам следующие предварительные выводы:

1. Андижан появляется на одной из плодородных частей долины, где известны самые ранние земледельческие поселения чувстской культуры (XII – VII вв. до н. э.), наглядным примером чему служит наличие самого древнего города Ферганы – городища Дальверзин⁵⁸.

2. Город расположен на стратегически важном участке международных торговых трасс, играя важную торгово-экономическую роль между Китаем и Средней Азией.

3. В динамике развития города наблюдаются как общие, так и локальные особенности урбанизационных процессов, характерные в целом по Фергане.

Б. Матбобоев, З. Маирабов

Андижон – шаҳар маданиятининг пайдо бўлиши ва ривожланиш босқичлари (тарихий-археологик тадқиқотлар)

Мақола мамлакатимизнинг йирик шаҳарларидан бири Андижоннинг қадимги ва ўрта асрлар тарихига бағишланган. Тадқиқотда археологик ва ёзма манбалар асосида шаҳарнинг пайдо бўлиши ва ривожланиш босқичлари очиқ берилди, шаҳар тарихи беш босқичга ажратилди ва ҳар бир босқич учун маълум бўлган манбалар таҳлил қилинди. Айниқса, биринчи бор бу ерда мил. авв. VI – III асрларга оид археологик комплекснинг топилиши шаҳарнинг қадимги жойлашган ўрни ва унинг сув билан таъминланиши масаласини янгича ёритишга фактик далил бўлди. Мақолада илк бор ўрта аср ёзма манбалари хабарлари билан археологик топилмалар қиёсий ўрганилди. Хусусан, Чордона юқори қатламларида очилган қабрлар кўплаб белгиларига кўра, Андижонга XIV асрда кўчиб келган кўчманчи аҳоли (қипчоқлар) қолдирган, деб аниқланди.

⁵⁸ М а т б а б о е в Б. Х. Ранний город Ферганы и вопросы начального этапа государственности // Археология, история и культура Средней Азии. Тезисы докладов МНК, посвящ. 60-летию акад. Э. В. Ртвеладзе. Ташкент. 2002. С. 77-78.

B. Matbabaev, Z. Mashrabov

Andizhan (Andijan): occurrence and stages of development of urban culture (Historical – archaeological research)

Article is devoted to studying of ancient and medieval history of the large city of Andizhan. On the basis of research of archeological and historical sources, the history of occurrence, and was analysed formation and stages of development of the city. In history of city it is allocated five periods, each of which is characterized on the basis of various sources. Detection and allocation of a new archaeological complex in territory of Andizhan (VI – III centuries B. C.) allows to consecrate in a new fashion questions of topography and ancient irrigation. On the basis of archeological materials evidence of written sources for the first time are localized. In particular, burials of the top layers of archaeological cite Chordona are compared to nomadic tribes settled in Andizhan and known on written sources.

Р. Абдуллаев

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В САМАРКАНДЕ НАКАНУНЕ ОКТЯБРЬСКИХ СОБЫТИЙ 1917 Г.

Начало Первой мировой войны и последующий вскоре новый всплеск национально – освободительного движения на «окраинах» Российской империи вызвали в официальных и общественных кругах большие волнения за судьбу «единой и неделимой» державы. Возможность, в случае внешних и внутренних осложнений, развала государства на части становилась все более реальной. После того, как явственнее стало обнаруживаться банкротство России в Первой мировой войне и во внутренней политике, представители многих угнетенных народов империи все чаще стали заявлять о своих требованиях и правах.

Выразителями интересов мусульманского населения Туркестана выступили местные прогрессисты – джадиды. К этому времени движение джадидов успело трансформироваться в мощную национальную политическую силу. Тяжелое социально-экономическое положение туркестанского населения, угрожающее отставание края от развитых стран мира, застой общественно-политической жизни побуждали джадидов

искать действенные средства ускорения социального прогресса у себя на родине. По их инициативе, во всех крупных городах и населенных пунктах Туркестана создаются группы единомышленников, которые активно включаются в общественно-политическую жизнь. Достаточно влиятельные объединения прогрессистов формируются и в Самарканде. Естественно, что с первых дней своей деятельности эти люди находились под постоянным наблюдением агентов Туркестанского районного охранного отделения. Местные филеры собирали любые сведения, могущие дискредитировать в глазах официальных властей участников и лидеров национального движения. Это обстоятельство, разумеется, заставляло последних быть предельно осторожными в своих высказываниях и во время контактов с представителями государственных структур. Данная мера предосторожности сохраняла свою значимость даже после Февральской революции 1917 г., которая, как известно, позволила ввести в стране некоторые демократические свободы и создала условия для начала реального функционирования многопартийной системы.

Самарканд – один из крупнейших политических, экономических и культурных центров Туркестана в послефевральские дни стал свидетелем появления множества партий и общественных объединений, стремящихся как можно скорее заявить о своих намерениях в условиях динамичных политических событий 1917 г.

Общественно-политические организации, действующие в Самарканде в тот период, условно можно разделить на общероссийские и национальные. Филиалы самаркандских общероссийских организаций (если говорить о них) в свою очередь также подразделялись, в основном, на две различные группы: либеральной ориентации и так называемой революционной, выступавшей за установление социалистической республики.

Одной из организаций либерального направления, игравшей заметную роль в политической жизни Туркестана, была конституционно – демократическая партия, которая уже в годы первой русской революции имела свои отделы в городах края. Так, самаркандский отдел партии был образован 22 августа 1906 г. В его организационный комитет входило 6 человек (Мишишников, Дынин, Луе, Левинский, Ганшик и Шмайлов). Данной группе было поручено входить в непосредственные контакты с центральным комитетом партии конституционных демократов, а также представлять организацию при переговорах с официальными учреждениями и лицами¹.

¹ ЦГА РФ, ф. 523, оп. 1, д. 146, л. 3.

Важнейшие программные положения филиалов конституционно-демократической партии в Туркестане были выработаны на основе программы центральной организации². Либерально-ориентированная часть русского населения Туркестана имела и свои печатные органы, газеты: «Голос народной свободы», «Среднеазиатская жизнь», «Туркестан», «Туркестанское слово» и др. На страницах этих газет публиковали свои материалы и многие самаркандцы, представлявшие интересы местных конституционных демократов (кадетов).

Туркестанские кадеты прилагали значительные усилия для расширения социальной базы своей партии и надеялись заручиться поддержкой со стороны широких масс населения (в том числе и коренного). Туркестанский комитет Временного правительства, пришедший на смену старой администрации генерал-губернатора Куропаткина, был по своему составу преимущественно кадетским. Кадеты были и в составе комитетов общественной безопасности, которые стали повсеместно создаваться сразу же после прихода к власти представителей Временного правительства. Местные кадеты приняли также активное участие (летом 1917 г.) в выборах в городские Думы, накануне которых повсюду выступали с лекциями и докладами, где пытались изложить основные положения своей программы.

Однако эта программа, несмотря на ее некоторые очевидные либеральные установки, продолжала базироваться на имперских идеях – игнорировании естественных прав коренных народов Туркестана, связанных с реализацией принципа политического и национально-территориального самоопределения.

Вместе с тем данное обстоятельство не служило препятствием для активистов национального движения в крае, которые желали укрепить связи с этой общероссийской организацией.

С местными и российскими кадетами достаточно тесно сотрудничали известные туркестанские прогрессисты – джадиды. В частности, одним из них был самаркандец Махмудходжа Бехбудий – виднейший представитель туркестанского джадидизма, издатель газеты «Самарканд» и журнала «Ойна», член президиума краевой организации «Шурои – Исломия» и участник всех состоявшихся после февральской революции общетуркестанских мусульманских съездов. Махмудходжа Бехбудий, будучи глубоко образованным, демократически мыслящим и толерантным человеком, до конца своих дней надеялся, что посредством этих контактов можно будет заручиться поддержкой либеральной части русской общественности в вопросах решения насущных политических,

² Там же, д. 408, л. 22.

социально-экономических и культурологических задач, волнующих туркестанских мусульман.

Туркестанские прогрессисты пытались вести диалог и с партией социалистов-революционеров (эсеров), отдел которой функционировал, в том числе и в Самарканде³. Но и туркестанские эсеры не спешили соглашаться с прогрессистами в вопросе изменения политико-государственного статуса Туркестана и предоставления ему прав национально-территориальной автономии в составе царской России⁴.

С эсерами в этом вопросе солидаризировались и представители некоторых других групп так называемого европейского населения.

Влияние эсеров в Туркестане чувствовалось, прежде всего, среди значительной части офицерства и простых солдат, а также городских рабочих. Для этих слоев населения в послефевральский период была установлена постоянная запись в члены партии и осуществлялась подписка на все партийные печатные органы, среди которых особой популярностью пользовались такие газеты, как «Туркестанский голос», «Свободный Самарканд», «Знамя Свободы», где часто публиковались известные туркестанские эсеры В. Чайкин, М. Сосновский и др.

Одним из важнейших событий в политической жизни Самарканда (как и всего Туркестана) в первые месяцы после февральской революции была подготовка к выборам в Городскую Думу. Выборы, как ожидалось, должны были впервые пройти на новой демократической основе с участием кандидатов от недавно образовавшихся национальных политических и общественных организаций («Шурои – Исломия», «Шурои – Уламо», «Мирважул Ислом», «Иттифок», «Турк одами марказият фиркаси» и др.).

В случае своей победы самаркандские эсеры обещали отстаивать в Думе широкую программу политических и социально-экономических преобразований, в том числе и реализацию земельной реформы, суть которой заключалась в передаче земли в общенародное достояние⁵.

Растущий авторитет эсеров среди русского населения края позволил социалистам-революционерам опередить другие филиалы общероссийских партий Туркестана в ходе выборов в городские думы.

Так, к началу сентября 1917 г. по подсчету избирательных бюллетеней в самаркандскую Городскую Думу прошли по списку № 3 (партии

³ См.: Свободный Самарканд. 1917. 22 авг.

⁴ Как известно, идея о преобразовании Туркестана в национально-территориальную автономию в составе демократической России составляла стержень политических программ большинства национальных организаций, действующих в тот период в крае.

⁵ См.: Свободный Самарканд. 1917. 6 сент.

социалистов-революционеров самаркандского отделения) – 10 гласных, а по списку № 4 (самаркандской организации российской социал-демократической рабочей партии) – всего 2 гласных⁶.

И уже на первом заседании самаркандской Городской Думы, которое состоялось 20 сентября, ее председателем был избран эсер (М. С. Бродский)⁷. В целом по результатам выборов в городские думы Туркестана социалисты-революционеры проиграли лишь представителям национальных организаций, которые за короткий срок сумели консолидировать вокруг своих программных документов значительную часть мусульманского населения. Здесь необходимо подчеркнуть, что подготовка к выборам (в том числе в Самарканде) со стороны всех национальных организаций носила очень планомерный и целенаправленный характер.

Лидеры национального движения в соответствии с решениями Первого общетуркестанского мусульманского съезда (апрель 1917 г.) приступили к широкой агитационной работе среди населения. В ходе ее организовывались публичные лекции, собрания и митинги, издавались прокламации, статьи в газетах «Улуг Туркистон», «Хуррият», «Кенгаш» и др. При этом ставилась цель: в доступном изложении ознакомить население как с самой техникой предстоящих выборов, так и с программными положениями национальных политических организаций и общественных объединений. Внимание акцентировалось также на важности для судеб туркестанских мусульман выдвижения от них в городские думы лиц, способных достойно защищать их интересы. Все это оказывало влияние на развитие политического и национального самосознания местных народов и в определенной мере помогало им ориентироваться в сложной обстановке. Туркестанские прогрессисты, несмотря на противодействие со стороны некоторых мусульманских традиционалистов, выступали за участие в выборах женщин коренных национальностей, а также были против раздела Думы (как предлагали представители русских общин) на мусульманскую и русскую части⁸.

В некоторых городах Туркестана мусульмане, выказывая свое доверие «европейцам», пошли в ходе выборов на формирование общего блока с ними. В частности, в Самарканде такой блок шел по списку № 1 (национальные организации мусульманского населения, союз домовладельцев и беспартийных), где «европейцев» было более 30%⁹. И именно этот блок вышел победителем в борьбе за места в самаркандскую Городскую Думу.

⁶ Там же. 12 сент.

⁷ Там же. 21 сент.

⁸ См.: Хуррият. 1917. 3 июля.

⁹ Свободный Самарканд. 1917. 12 сент.

Из 75 гласных самаркандской Городской Думы 41 были представителями «Шурои – Исломия» и других национальных организаций¹⁰. Итоги выборов в городские думы, которые многими в те дни воспринимались как прелюдия к выборам в Учредительное Собрание России (т. е. в новый Парламент), вызвали нескрываемый шок среди политизированной части русских граждан.

Русскоязычные газеты края были заполнены материалами, в которых авторы пытались объяснить читателям причину такого исхода и предугадать последствия для «европейского» населения поражения большинства общероссийских партий в этой борьбе. В одной из них мы читаем: «Мусульманское население, как оказалось, явилось в избирательные участки в гораздо большем количестве, чем можно было ожидать. Состав Думы преимущественно будет мусульманский... По этому поводу обывателями уже высказывается много мнений, причем все они сводятся к одному вопросу. Не будет ли нанесен ущерб русской части города вообще и русской культуре в частности?»¹¹. Однако были и еще более резкие отзывы. Так, газета «Свободный Самарканд» писала в этой связи: «...Мы не можем быть равнодушны к тому, что европейцы, давшие мусульманам формулу голосования, сами равнодушно стоят в стороне, оставляя поле деятельности для талантливых учеников – мусульман ... мы должны сказать, что мусульманская победа может явиться победой реакционных элементов»¹².

Неудача, постигшая общероссийские организации во время выборов, свидетельствовала о существовании серьезных разногласий между различными общественно-политическими силами в регионе и недоверия к программным положениям данных партий со стороны большинства представителей коренного населения. Такое отношение было вызвано тем, что в этих положениях, как отмечалось, не было четкого видения будущего политического, национально-государственного устройства России и Туркестана, которое могло вселить некоторые надежды в умы и сердца мусульман, жаждущих перемен.

Между тем туркестанские социал-демократы в лице, прежде всего, большевиков сумели извлечь для себя необходимые уроки от того сокрушительного поражения, которое они потерпели в ходе выборов в городские думы¹³.

¹⁰ См.: Хуррият. 1917. 19 сент.

¹¹ Туркестанский курьер. 1917. 2 авг.

¹² Свободный Самарканд. 1917. 7 сент.

¹³ Так, в ташкентской Городской Думе среди 112 гласных большевиков было только двое.

Местные большевики, ведомые своими вождями (Тоболиным, Шумиловым, Бабушкиным и др.), с самого начала встав в оппозицию к Временному правительству, планомерно и усердно пропагандировали в рабочей и солдатской массе свои цели и задачи. Однако результаты выборов показали, что среди мусульман (и не только) большевики не пользовались серьезным влиянием.

Большевики стали ясно сознавать, что мирным, парламентским путем им не добиться власти. Данное обстоятельство послужило дополнительным основанием для принятия решений о силовом, вооруженном захвате власти. Первая такая попытка с их стороны была предпринята еще в сентябре 1917 г., когда, воспользовавшись сложной политической и социально-экономической обстановкой в стране и крае, они приняли резолюцию о передаче всей полноты власти в руки Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Временного революционного комитета.

По распоряжению этого Комитета в Туркестане начались аресты представителей официальных структур, а также конфискации у населения продуктов продовольствия и предметов первой необходимости. Сложившаяся ситуация, безусловно, не могла не беспокоить туркестанских мусульман, которые в своем большинстве не были сторонниками революционных методов борьбы и военной конфронтации. Вместе с тем, мусульмане уже не желали оставаться простыми статистами в то время, когда, как они полагали, ущемляются их национальные и гражданские права.

В многочисленных обращениях мусульман на имя Краевого совета солдатских и рабочих депутатов чувствовалась решимость (в случае продолжения антидемократических действий) жестких ответных шагов. Так, в одном из воззваний самаркандской организации «Шурои – Исломия» к гражданскому населению города и Самаркандскому гарнизону говорилось: «По городу распространяются слухи, что среди солдат имеются группы, собирающиеся производить обыски в домах и реквизиции принадлежащего частным лицам имущества.

Мы, мусульмане, этим слухам не верим... Вместе с тем заявляем, что при первой попытке к бесчинствам, откуда бы они не исходили, мы в полном единении с благоразумной частью европейского населения вынуждены будем дать отпор и оказать сопротивление...»¹⁴. Вслед за этими заявлениями к середине октября, по инициативе национальных политических организаций и в соответствии с решениями военных и

¹⁴ Свободный Самарканд. 1917. 8 окт.

общемусульманских съездов, в Туркестане уже начинают приступать к формированию отдельных мусульманских воинских частей.

Однако эти действия, в свою очередь, вызвали резко негативную реакцию Краевого совета рабочих и солдатских депутатов. В одном из его обращений в этой связи указывалось: «В последнее время особенно выдвигаются со стороны отдельных национальностей настоятельные требования немедленно, сейчас же разрешить вопрос национального самоопределения, в частности, вопрос об организации национальных армий. Эти требования сейчас невыполнимы, а при попытках осуществления могут внести и вносят лишь разъединение, беспорядок, ослабление армии...»¹⁵

Между тем, как показали дальнейшие события, разъединение и беспорядок в общественно-политическую жизнь Самарканда и всего Туркестанского края вносили, прежде всего, действия большевиков, которые планомерно и целенаправленно продолжали проводить курс на достижение своих замыслов.

Р. Абдуллаев

1917 йил октябрь воқеалари арафасида Самарқанддаги ижтимоий-сиёсий жараёнлар

Мақолада 1917 йилнинг февраль-октябрь ойларида Самарқанддаги мураккаб ижтимоий-сиёсий вазиятни ёритишга ҳаракат қилинган. Совет ҳокимиятининг ўрнатилиши арафасида кўп партиявийлик тизимининг қарор топиши ва миллий ҳаракатнинг ривожланиши хусусиятлари очиқ берилган.

R. Abdullaev

The social – political processes in Samarkand in the period of october events of 1917 year

In this article analysed the complex social – political situation in Samarkand in the period of February and October of 1917 year. Covering aspects of formation of multi partiyal system and development of national movement in the period of establishment of the soviet power.

¹⁵ ГА Ферганской области, ф. 121, оп. 1, д. 15, л. 120.

Н. Махкамова

РЕПРЕССИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ ЕЕ УСТАНОВЛЕНИЯ

Диктатура пролетариата, утвердившаяся в октябре 1917 г. как форма государственной власти, сформировав особый политический режим, становится в новом обществе главным орудием политических, экономических и социальных преобразований, конечной целью которых было построение социалистического бесклассового общества. Для достижения этой цели ей надо было утвердить новую власть. Сделать пролетариат действительно доминирующей социальной силой общества, уничтожить частную собственность, многоукладную экономику, сформировать единый социалистический уклад, как систематизирующий фактор социально-экономического развития общества и его социальной структуры. Поскольку даже отдельных элементов социалистического уклада в новообразованном советском государстве еще не было, то решать все эти проблемы новой власти предстояло сверху, административными, причем в большинстве случаев, силовыми методами. Советская власть беспощадно подавляла и уничтожала старые социальные слои и группы, не вписывающиеся в социальную структуру нового общества. Процесс этот проходил под руководством пришедшего к власти пролетариата, который, по словам американского исследователя У. Чемберлена, «был всегда наиболее восприимчив к экстремистской пропаганде»¹, и исключительно в его интересах.

Утверждение господствующего положения пролетариата в сфере производства советская власть начала с издания 14 ноября 1917 г. декрета об установлении рабочего контроля на промышленных предприятиях. Он осуществлялся через выборные заводские и фабричные комитеты, советы старост, контрольные комиссии, которые являлись полномочными представителями государства и имели право контролировать всю производственную и финансовую деятельность предприятий, решать вопросы внутреннего распорядка, охраны труда, дисциплины и т. д. Декрет содержал пункт об отмене коммерческой тайны, что устраняло одну из важнейших составляющих традиционных рыночных отношений. В Туркестане рабочий контроль был установлен в конце 1917 г. – первой половине 1918 г. на большинстве работающих предприятий края².

Государство диктатуры пролетариата, выполняя задачу ликвидации частной собственности на средства производства, с первых же дней на-

¹ The Russian Review. 1965. Vol. 24. No. 1. January. P. 4.

² См.: Рабочий контроль и национализация промышленности в Туркестане (1917-1920 гг.). Сб. док. Ташкент, 1955. С. 64-114.

чало репрессивную политику против ее владельцев: национализацию имущества и капиталов, массовые реквизиции и конфискации. Для осуществления этих акций создаются исключительно из рабочих особые карательные органы – революционные трибуналы, чрезвычайные комиссии, «тройки», наделенные очень широкими полномочиями. Например, Верховный революционный трибунал Туркестанской республики имел право заключать в лагеря на принудительные работы сроком до 5 лет любого человека только по подозрению в контрреволюционной деятельности. Право это он мог применять даже в том случае, если у следствия не имелось весомых доказательств вины подозреваемого³. В сентябре 1918 г. была создана Туркестанская чрезвычайная следственная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и мародерством (ТуркЧК). В борьбе с врагами революции она имела право «применять самые решительные меры: аресты, обыски, закрытие газет, просмотр всех бумаг и документов, наложение штрафов, конфискацию имущества до суда»⁴. VII Всетуркестанский съезд советов дополнил их «правом на расстрел на месте в чрезвычайных обстоятельствах»⁵. На местах создавались комитеты «красного террора».

Репрессивные органы диктатуры пролетариата жестко пресекали не только все попытки инакомыслия и неповиновения новым порядкам, но и все проявления простого их осуждения. Так, Туркестанским ревтрибуналом в 1922 г. по 2772 рассмотренным делам было осуждено 2348 человек, 68 из которых были приговорены к расстрелу, 98 – осуждены за государственные, 433 – за имущественные, 376 – за должностные преступления, а 1363, т. е. больше половины, – «за выступления против порядка управления». Причем это не была организованная оппозиция или сознательный саботаж. Это были простые люди, плохо разбиравшиеся в политике и без каких-либо политических намерений выказывавшие недовольство новыми порядками. 43,5% из осужденных по этой формулировке были неграмотными, а 53,5% – малограмотными. По социальному составу все они были дехкане и кустари⁶.

Следует отметить, что в Туркестане процесс утверждения власти победившего пролетариата проходил в своеобразных условиях, сильно отличающихся от центральных районов страны. Поскольку в колониальном Туркестане фабрично-заводского пролетариата, как сложившегося революционно-активного слоя не было, а процесс формирования

³ ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 286, л. 88-88 об.

⁴ Там же, д. 27, л. 84-85.

⁵ Съезды советов РСФСР и автономных республик РСФСР. 1917-1922 гг. Сб. док. М., 1959. Т. 1. С. 340.

⁶ Статистический ежегодник. 1917-1923. Ташкент, 1924. Т. 2. Ч. 3. С. 426-427.

промышленных рабочих из коренного населения находился еще в начальной стадии, то октябрьский переворот 1917 г. здесь был совершен практически силами рабочих свропейцев, преимущественно железнодорожников. Даже советские источники свидетельствовали, что из коренного населения в нем приняли участие лишь единицы⁷. Крупный партийный деятель начала 1920-х годов Г. И. Сафаров писал: «С первых дней революции советская власть утвердилась в Туркестане, как власть тонкого слоя русских рабочих... Еще до сих пор здесь широко распространен тот взгляд, что единственным носителем пролетарской диктатуры в Туркестане могут быть только русские»⁸.

Советская историография создала миф об активном участии в Туркестане трудящихся коренных национальностей в революционных преобразованиях первых лет советской власти. В действительности же утверждение в крае диктатуры пролетариата проходило без них. Как писал Б. Хайит, «русский народ был практически единственным представителем диктатуры пролетариата в Туркестане»⁹, поскольку даже то, совсем незначительное число местного пролетариата, которое имелось в тот период, все равно не допускалось к этому процессу под предлогом его малограмотности, теоретической неподготовленности и недостаточной сознательности. Это неоднократно отмечали в 1920-е годы видные туркестанские партийные и советские работники, общественные деятели Ф. Ходжаев, Т. Рыскулов, Г. И. Сафаров, Л. Резцов, Мустафа Чокаев и др.¹⁰ На этой же точке зрения стояли западные ученые Дж. Уиллер, Э. Оллворт, Э. Бэкон, В. Монтэйль, А. Парк, Д. Бэргхорн¹¹, которые еще

⁷ Там же. Т. 1. Ч. 1. С. 13.

⁸ См.: Правда. 1920. 20 июня.

⁹ Baymirza Hayit. Some Problems of Modern Turkistan histori. An analysis of Soviet attacks on the alleged falsifiers of the history of Turkistan. Dusseldorf. 1963. P. 21.

¹⁰ См.: Сафаров Г. И. В Туркестане // Правда. 1920. 20 июня; Его же. Колониальная революция (Опыт Туркестана). М., 1921. – 233 с.; Рыскулов Т. Революция и коренное население Туркестана (Сборник главнейших статей, докладов, речей и тезисов). Ташкент, 1925. – 218 с.; Мустафа Чокай-оглы. Туркестан под властью советов (К характеристике диктатуры пролетариата). Париж, 1936. – 147 с.; Резцов Л. Октябрь в Туркестане. Ташкент; Самарканд, 1927. – 119 с.; Ходжаев Ф. Десять лет борьбы и строительства. Избр. труды. Ташкент, 1972. Т. II. С. 110-157.

¹¹ Wheeler J. The peoples of Soviet Central Asia. London, 1966; Ollworth E. The modern Uzbeks From the Fourteenth Century to the Present. Hoover Institution Press Stanford University. Stanford. California, 1990; Bacon E. Russian Influence on Central Asia Languages. Cornell University Press. London, 1980; Monteil V. Les musulmans sovietiques. Paris, 1957; Park A. Bolshevism in Turkestan. 1917-1927. Columbia University Press. New York, 1957; Barghoorn G. Soviet Russian Nationalism. New York, 1956.

в 50-х годах прошлого века давали другую оценку историческому перелому в судьбах народов Средней Азии после октябрьского переворота 1917 г. и, прежде всего, его закономерности, правомочности, степени участия коренного населения в нем, равно как и в последующих революционных преобразованиях.

В частности, Дж. Уиллер писал, что «ничего не может быть дальше от истины, чем утверждения советских историков о том, что местное мусульманское население приняло активное участие в революции»¹². По словам же В. Монтэйля, «мусульмане Средней Азии были разочарованы, обмануты и унижены результатами революционных событий 1917 г.»¹³. Более того, сама партия считала, что в Туркестане в первые годы социалистического строительства надо было только еще начинать формирование слоя национальных промышленных рабочих, начинать «внедрять в его широкие массы идеи классовой борьбы»¹⁴. Поэтому практически все революционные преобразования в Туркестане осуществлялись в подавляющем большинстве европейскими рабочими под руководством коммунистов, присланных из центра. Опору они искали среди той небольшой части коренного населения, которая не имела собственности и жила только за счет продажи своего труда. Но и эта наиболее бедная часть населения в первые годы советской власти не очень активно поддерживала ее революционные преобразования, поскольку даже им были чужды идеи классовой ненависти и необходимости вести классовую борьбу. Как пишет Б. Хайит, «коммунизм был чуждой идеологией в Туркестане, привнесенной из России»¹⁵. Да и экономическое положение в регионе в этот период было настолько тяжелым, что не давало его коренному населению аргументов в пользу советской власти.

Политические и экономические потрясения, которые пришлось пережить жителям Туркестана в первые два десятилетия XX в. (Первая мировая война, восстание 1916 г., революционная смута 1917 г., засуха 1917 г., суровая зима и голод 1918 г., периодическая изоляция от хлебных, топливных и промышленных центров России), крайне негативно отразились на всех сторонах их жизни. Объективные трудности усугублялись чрезвычайными мерами политики «военного коммунизма» по мобилизации всех ресурсов для защиты и строительства нового общества. В регионе значительно сократилось население: с 1916 по 1921 г.

¹² Wheeler G. Op. cit. P. 50.

¹³ Monteil V. Op. cit. P. 32.

¹⁴ См.: Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях съездов и конференций. Ташкент, 1988. С. 11.

¹⁵ Baymirza Hayit. Op. cit. P. 19.

его численность упала почти на 1,5 млн. человек, причем сельское население уменьшилось больше – на 1 млн. 300 тыс. человек (на 22%), а городское – на 160 тыс. человек (на 14%)¹⁶. В промышленности и сельском хозяйстве царил разруха. Депрессия достигла своего пика в 1920 г.

Сокращение числа предприятий и объема вырабатываемой ими продукции сопровождалось сокращением итак небольшого слоя промышленных рабочих. В начале 1921 г. на 269 предприятиях цензовой промышленности работало 17 624 рабочих, а в начале 1922 г. на оставшихся 168 предприятиях – только 11 787 рабочих¹⁷. Главным и болезненным явлением в этом процессе было сокращение рабочих не только на предприятиях мелких, технически слабо оснащенных, а значит и не требующих высокой квалификации работающих на них рабочих, но и на более крупных предприятиях. Шел процесс деклассирования и так незначительного слоя промышленных рабочих.

На ухудшение состояния промышленности Туркестана значительно повлияла завершившаяся к 1920 г. национализация предприятий всех отраслей промышленности, которая была проведена скоропалительно, без анализа хозяйственной целесообразности и перспектив их эксплуатации, а исходя исключительно из необходимости борьбы с буржуазией. К 1920 г. выяснилось, что большую часть национализированных предприятий государство не может эксплуатировать из-за отсутствия сырья и финансов. Оставшиеся без хозяина многие из них оказались брошенными, здания и оборудование разрушались, рабочие, оставшиеся без работы, уезжали в деревню, уходили в кустари или пополняли ряды безработных.

Экономический кризис стремительно перерастал в серьезный политический кризис. Его опасным проявлением было развивающееся недовольство новой властью не только имущих слоев населения, которые подлежали, по мнению этой власти, полному уничтожению, но и бедной части населения, которая должна была стать опорой новой власти. Об этом свидетельствовало широко развертывающееся в регионе повстанческое движение. Поэтому партия вынуждена была сменить тактику по реализации задач строительства социалистического общества и принять в 1921 г. решение о переходе к новой экономической политике – управлению экономикой через товарно-денежные отношения. Для промышленности новая экономическая политика означала разрешение частной инициативы, частичное восстановление механизмов рыночного

¹⁶ Волков Е. З. Динамика народонаселения за 80 лет. М.; Л., 1930. С. 180, 211, 213.

¹⁷ Там же. Т. 2. Ч. 3. С. 539, 589.

регулирования, перевод предприятий на хозяйственный расчет и самокупаемость, перестройку управления предприятиями, концентрацию производства на крупных, рентабельных, технически оснащенных предприятиях. Оставшиеся предприятия должны были сдаваться в аренду кооперативам, товариществам, частным лицам. Дублирующие друг друга нерентабельные предприятия закрывались.

Все эти меры вызвали дальнейшее сокращение государственных промышленных предприятий и работающих на них рабочих. В результате проведенного отбора из 652 государственных предприятий, действовавших в Туркестане в 1920 г., в 1922 г. осталось 283 и 55 было отдано кооперативам. В то же время в республике действовало 5797 мелких частных кустарных предприятий¹⁸. Число рабочих ценовых предприятий сократилось на 30%; хлопкоочистительная промышленность была разрушена, выработка предприятий падала. У пролетарских руководителей государственных предприятий не было опыта практической работы, опыта коммерческого расчета в новых условиях и т. д.¹⁹

Перепись населения 1923 г. зарегистрировала в городах республики 73,3 тыс. рабочих, живущих за счет продажи своего труда. Они составляли 23,5% городского самостоятельного населения. Но это не были те сознательные рабочие, которые должны были быть социальной опорой партии в государстве диктатуры пролетариата. Большинство из них были наемными рабочими в индивидуальных дехканских хозяйствах, частных ремесленно-кустарных мастерских, торговых заведениях, многочисленных стройках. В их составе было 25,6 тыс. чернорабочих и 11 тыс. поденных рабочих. Социальной опорой партии могла быть только консолидированная часть рабочих, работающих на фабриках и заводах государственного сектора и на железнодорожном транспорте. В 1923 г. в городах Туркестана было 4690 фабрично-заводских и 4000 железнодорожных рабочих, т. е. чуть больше 8,6 тыс. человек. Их удельный вес составлял 11,9% в общем числе рабочих, 2,8% – в городском самостоятельном населении и 0,9% – во всем городском населении²⁰. Тем не менее, имея такой незначительный удельный вес в составе населения республики, пролетариат занимал лидирующее положение во всех ее властных структурах и в общественно-политической жизни.

¹⁸ Статистический ежегодник. Т. 2. Ч. 3. С. 539.

¹⁹ Отчет о деятельности СНК и ТЭС Туркеспублики на 1 октября 1922 г. Ташкент, 1923. С. 169.

²⁰ Классовый и профессиональный состав городского населения ТССР в 1923 г. Ташкент, 1924. С. 46.

Политическое господство пролетариата было закреплено конституционно. Первая Конституция Туркестанской Республики, принятая в октябре 1918 г. на VI съезде советов, закрепила за рабочими руководящее положение в органах государственной власти – советах. Они имели в них норму представительства в 2 раза больше, чем дехкане²¹. В сентябре 1920 г. на IX съезде советов ТАССР в новой редакции Конституции эта норма была увеличена в 5 раз²². В марте 1919 г. после роспуска партии левых эсеров в Туркестане была утверждена однопартийная система. Законодательное обеспечение гегемонии пролетариата и возникновение однопартийной системы отразили процесс возрастания господствующей роли пролетариата и его партии по отношению к непролетарским слоям населения республики, которые составляли подавляющее большинство.

Статус гегемона обусловил пролетариату приоритетное положение не только в политической сфере, но и в социальной. В тяжелейших условиях начала 1920-х годов, когда царили голод и разруха, когда остро стояла проблема жилья, не хватало рабочих мест, продуктов питания, товаров широкого потребления, меры, принимаемые на государственном уровне для их разрешения, были направлены, прежде всего, на улучшение положения фабрично-заводских рабочих. В специальном циркуляре НКВД ТАССР от 15 февраля 1918 г. отмечалось, что при решении жилищного вопроса надо «в особенности соблюдать интересы рабочих и стремиться к наибольшему их обеспечению»²³. Поэтому все жилье, получаемое в городах в результате жесткой муниципализации домовладений, передавалось в первую очередь рабочим и их семьям. 15 июля издан декрет «О классовой системе снабжения продовольствием трудового населения». По этому декрету все население Туркестанской Республики для получения продовольствия было разделено на 3 категории. Рабочие входили в первую категорию и должны были получать в месяц по 30 фунтов хлеба, 3 фунта крупы, 0,75 фунта масла и снабжаться в первую очередь. Во вторую категорию входили служащие, их семьи и семьи рабочих. Они должны были получать по 22,5 фунта хлеба, 2 фунта крупы, 0,5 фунта масла. В третью категорию вошли лица, не состоящие на государственной службе, но не эксплуатирующие чужого труда. Они должны были получать только по 7,5 фунтов хлеба, 1 фунту крупы и 0,25 фунта масла²⁴. Эта группа снабжалась в последнюю очередь и

²¹ Съезды советов РСФСР и автономных республик РСФСР. Т. 1. С. 286.

²² Там же. С. 456.

²³ ЦГА РУз, ф. Р-39, оп. 2, д. 324, л. 110.

²⁴ Там же, д. 914, л. 17.

очень не регулярно. В мае 1921 г. работники базовых отраслей туркестанской промышленности – нефтяники, шахтеры, рабочие хлопкоочистительных заводов, а также строители были переведены на усиленный продовольственный паек²⁵. В августе того же года на действующих государственных предприятиях были введены целевое снабжение рабочих продовольствием и спецодеждой через заводоуправления, а также коллективное снабжение, когда все виды снабжения рабочих должны были входить в их заработную плату²⁶. В это же время начала разрабатываться новая тарифная политика оплаты труда: была ликвидирована уравниловка в оплате труда рабочих различной квалификации, натуральная оплата заменена денежной, отменены сверхурочные работы, введен восьмичасовой рабочий день, восстановлены отпуска. Повышенное внимание к необходимости улучшать снабжение рабочего класса и выделить его положение как класса гегемона обусловили тот факт, что в начале 1920-х годов заработная плата рабочих в Туркестане была несколько выше заработной платы служащих. Так, в 1921 г. средний месячный заработок туркестанского рабочего составлял 2 руб. 91 коп. (в довоенных рублях), а служащего – 2 руб. 62 коп.²⁷

Принимая меры по улучшению материально-бытового положения и условий труда рабочих на государственных предприятиях, пролетарское государство пыталось заботиться и о рабочих, работавших на частных предприятиях. В Туркестане их число было весьма незначительно. Большую часть составляли наемные рабочие небольших полукустарных заведений, на каждом из которых работало по 2-5 человек. В 1920 г. было зарегистрировано всего 2468 наемных рабочих, занятых в кустарной промышленности, в 1922 г. – 1648, в 1923 г. – 1970 рабочих. Они составляли соответственно 10,3, 11,5 и 11,1% от рабочих, занятых во всей туркестанской промышленности²⁸. Еще меньше было наемных рабочих в частной ценовой промышленности. В 1923 г. таких предприятий было всего 59 и на них работало 616 рабочих²⁹. Советская власть строго следила за выполнением владельцами частных предприятий рабочего трудового законодательства, особенно после перехода к новой экономической политике. Помимо общего трудового законодательства, 31 декабря 1921 г. ТуркЦИК принял специальный декрет «О регулировании труда

²⁵ Там же, д. 39. л. 210.

²⁶ Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях. С. 143.

²⁷ Материалы по статистике труда в Туркестане. Вып. 4. С. 28-29.

²⁸ Статистический ежегодник. Т. 2. Ч. 3. С. 539, 589, 595.

²⁹ Там же. Т. 2. Ч. 1. С. 51.

на частных предприятиях»; в 1922 г. был принят Кодекс законов о труде, который рабочим частного сектора гарантировал восьмичасовой рабочий день, объявлял недействительными условия их трудового договора, если они ухудшали их положение. За увеличение продолжительности рабочего дня, злоупотребления сверхурочными работами виновные работодатели привлекались к судебной ответственности. Так, только в сентябре 1922 г. в судах республики было рассмотрено 14 трудовых конфликтов на государственных предприятиях и 21 – на частных. Из трудовых конфликтов на частных предприятиях 12 были по вопросам заработной платы, 11 – по вопросам увольнения. В пользу рабочих были решены 11 конфликтов³⁰.

Серьезной проблемой для советской власти в 1920-х годах была проблема занятости рабочих. Следует отметить, что в Туркестане официальная безработица не имела таких масштабов, как в центральных районах страны. В 1923 г. в городах республики было зарегистрировано 9 тыс. безработных, что составляло 3% от всего городского самостоятельного населения (в том числе 2% среди мужчин и 7% среди женщин) или 6,5% от числа лиц наемного труда (5% среди мужчин и 14% среди женщин). В Европейской же части страны в это время безработные составляли 11,3% от городского самостоятельного населения (в том числе 8,9% среди мужчин и 15,4% среди женщин) или 17,5% от лиц наемного труда (13,8% среди мужчин и 24% среди женщин). По официальным данным в Туркестане были самые низкие показатели зарегистрированных безработных³¹. Но это была статистика органов труда, у которых безработными считались «лица, живущие на зарплату, но в определенный момент не имеющие работу по своему главному занятию». В основном это были квалифицированные или полуквалифицированные рабочие и служащие. Их регистрировали биржи труда, о них заботилось государство, борясь с безработицей. Но в официальное число безработных не включалось огромное количество чернорабочих-поденщиков из коренного населения, которых в 1923 г. в Туркестане было 37,5 тыс. Не имея никакой специальности, они соглашались на любую, в основном, временную, самую низкооплачиваемую работу, хотя и такую в период разрухи им было найти очень трудно. Они были ничем не обеспечены на завтрашний день и составляли огромную социальную страту скрытых безработных.

Для решения проблемы занятых рук государство создавало биржи труда, организовывало коллективы безработных, общественные работы, оказывало некоторую социальную помощь. Но все эти меры носили ярко

³⁰ Отчет о деятельности СНК и ТЭС на 1 октября 1922 г. С. 378-379.

³¹ Классовый и профессиональный состав городского населения ТССР. С. 7.

выраженный классовый характер и предусматривали оказание помощи в первую очередь фабрично-заводским рабочим. Чернорабочие поденщики не имели ни документа о трудовом стаже, поскольку не имели постоянной работы, не являлись членами профсоюзов по той же причине, поэтому пролетарским государством никак не защищались.

Для советской власти в первые годы ее утверждения одинаково огромное значение имели действия, направленные как на укрепление позиций рабочего класса, так и на увеличение его численности. При этом требовалось не просто заполнить рабочие места, а создавать и развивать источники пополнения кадров промышленных рабочих, иметь перспективу их восполнения. Для этого, прежде всего, надо было решать проблему подготовки кадров промышленных рабочих. Государство по мере своих возможностей в тот период делало определенные шаги в этом направлении. 8 июня 1922 г. СНК Туркеспублики принял постановление «О фабрично-заводском ученичестве». Оно обязывало все государственные и частные предприятия создавать школы фабрично-заводского ученичества для подростков в возрасте 15-17 лет. Все расходы по оплате педагогического персонала и материально-хозяйственному обеспечению этих школ должны были оплачивать сами предприятия. Мелкие кустарные предприятия и кустарные артели каждого района обязаны были на свои средства создавать районные школы. Число учеников в этих школах должно было составлять не менее 5% занятых на предприятии рабочих. На 1 января 1923 г. в республике действовало 16 профшкол, в которых обучалось 1284 учащихся, и 23 профессиональных краткосрочных курса с 1542 учащимися. В системе среднего специального образования было 9 техникумов с 1459 учащимися³².

Вполне естественным для Туркестана внутренним источником пополнения промышленных рабочих из коренного населения должны были стать кустари и ремесленники. Однако в этот период они им практически не стали, так как крайне неохотно переходили в фабрично-заводскую промышленность. Специфика экономической ситуации обуславливала их востребованность обществом и повышенный спрос на продукцию их труда, а условия работы на государственных промышленных предприятиях не имели для них стимулов изменить свое положение самостоятельных производителей и перейти к чуждому их ментальности коллективному труду.

Более значительным источником пополнения промышленных предприятий республики в этот период были безработные. В 1922 г. через биржи труда было направлено на работу 2088 рабочих металлистов,

³² Статистический ежегодник. Т. 1. Ч. 3. С. 83.

466 швейников, 643 кожевника, 462 строителя, 631 железнодорожник, 8212 чернорабочих³³. Но поскольку для того, чтобы биржи труда регистрировали безработных и давали им работу, надо было иметь стаж работы не менее 1 года, то среди зарегистрированных безработных рабочих коренных национальностей было очень мало.

В этой сложной ситуации с рабочими кадрами для промышленности Туркестана государство нашло наиболее простое решение увеличения числа промышленных рабочих в целом и особенно его квалифицированной части за счет приезжих рабочих из центральных районов страны. Именно на начало 1920-х годов приходится массовый приток в Туркестан рабочих из промышленных центров России. Рабочие приезжали вместе с оборудованием для новых промышленных предприятий. Так, 3200 рабочих прибыло в 1921 г. вместе с оборудованием для шелкоткальной, шелкопрядильной, шелкоткацкой и бумагопрядильной фабрик. Практиковалось также в те годы приглашение рабочих-специалистов для выполнения определенных работ на определенный срок через заключение договоров. Но такое приглашение дорого обходилось приглашающей стороне. Например, когда в апреле 1922 г. Совет назиров БНСР заключил на 2 года договор с группой рабочих-полиграфистов из Казани, то он обязался оплатить их проезд вместе с членами семьи, выплатить подъемные, оплачивать их труд по московскому прожиточному минимуму, обеспечить квартирами³⁴. Но, помимо договоров и приглашений, многие рабочие европейцы приезжали самостоятельно, спасаясь вначале от голода 1921 г., а затем от катастрофически растущей в центре безработицы. Поэтому к середине 1920-х годов 57% безработных, зарегистрированных Ташкентской биржей труда, составляли приезжие рабочие³⁵.

В результате всех этих мер государства общее число рабочих в Туркестане постепенно начало расти. К 1925 г. в цензовой промышленности оно увеличилось до 8908 человек³⁶. Но рабочих коренных национальностей в их числе было мало – чуть больше 2,5 тысяч или 29,3%³⁷. Это подтверждает и национальный состав рабочих профсоюзов республики. На 1 января 1923 г. в Самаркандской области среди членов профсоюзов

³³ Материалы по статистике труда Туркеспублики. Вып. 4. С. 99.

³⁴ ЦГА РУз, ф. Р-48, оп. 1, д. 91, л. 24.

³⁵ Там же, ф. Р-86, оп. 1, д. 2273, л. 42-43.

³⁶ Народное хозяйство Средней Азии в цифрах. Статистический сборник. Ташкент, 1929. С. 54-55.

³⁷ Два года социалистического строительства в Узбекистане. Отчет правительства УзССР IV съезду советов. Ташкент, 1931. С. XIX.

68% были европейцы и только 32% были из коренных национальностей, в том числе 15% узбеков³⁸.

В целом же социальная база диктатуры пролетариата в Туркестанской республике в лице промышленных рабочих в начале 1920-х годов была во всех отношениях еще очень слабой. Помимо того, что промышленные рабочие имели незначительный удельный вес в обществе, они в этот период были еще слабо консолидированы и в подавляющем большинстве неграмотны. В самом крупном промышленном центре республики – Ташкенте в 1920 г. было только 3 предприятия с числом рабочих более 500: Среднеазиатские железнодорожные мастерские – 2493 рабочих, фабрика по изготовлению военного обмундирования – 905 рабочих, Бородинские железнодорожные мастерские – 646 рабочих, а на 20 предприятиях работало от 100 до 200 рабочих³⁹. В 1922 г. среди рабочих-европейцев было 44,8% неграмотных, а среди рабочих коренных национальностей – 85,3%, в том числе среди женщин – 95,3%. Причем нужно отметить, что стремление к преодолению неграмотности у рабочих коренных национальностей было сильнее: в 1922 г. 37,7% из них посещали школы по ликвидации неграмотности, тогда как среди рабочих-европейцев таких было только 22,4%. Промышленные рабочие республики по-прежнему были разобщены языковым барьером: только 0,6% рабочих-европейцев могли читать и писать на русском и местном языках, а среди рабочих коренных национальностей таких было 1,6%⁴⁰.

Являясь немногочисленной социальной единицей, промышленные рабочие Туркестана в начале 1920-х годов имели слабые возможности быть реальной влиятельной политической силой в обществе и правящей партии, поскольку составляли в ней в начале 1921 г. 29,2%⁴¹.

Однако новое государственное устройство отдавало в руки этой незначительной, малограмотной, политически не устоявшейся части населения всю полноту власти, все ключевые посты в административно-хозяйственном, партийном и советском аппарате. Так, в сентябре 1924 г. в составе руководящего аппарата ЦК КПТ, обкомов и райкомов партии рабочие составляли 34%, крестьяне – 45,1%⁴². И этот малограмотный аппарат по своему усмотрению руководил всей жизнью республики.

³⁸ Статистический справочник по Самаркандской области. Самарканд, 1924. С. 138.

³⁹ Промышленная перепись в Туркестанской республике. Вып. 1. Список промышленных заведений г. Ташкента. Ташкент, 1922. С. 128-129.

⁴⁰ Статистический ежегодник. Т. 1. Ч. 3. С. 212.

⁴¹ Коммунистическая партия Туркестана и Узбекистана в цифрах. (Сб. стат. материалов.). 1918-1967. Ташкент, 1968. С. 46.

⁴² Там же. С. 92.

Н. Маҳкамова

Совет ҳокимияти ўрнатилган илк йиллардаги ижтимоий қатағон сиёсати

Мақолада совет ҳокимияти ўрнатилган илк йилларда Туркистондаги мураккаб жараёнлар ёритилган. Совет ҳокимиятининг пировард мақсади пролетариатни жамиятнинг устун кучига айлантиришга йўналтирилган ижтимоий қатағон сиёсати моҳияти очиқ берилган. Бу мақсадга эришиш йўлидаги вазифаларни маъмурий ва зўравонлик усуллари билан амалга оширилганлиги янги архив материаллари асосида кўрсатилган.

N. Mahkamova

The repressive policy of the Soviet power at the first years after it's established

In this article it is shown the complicated processes, which took place in Turkestan at the first years after the soviet power was established, it's repressive policy, which ultimate aim was to make the proletariat dominating force of the society. The new power solved this problem only by administrative methods with act of force.

Н. Норжигитова

XX АСР 20-30-ЙИЛЛАРИДА ЎЗБЕК СИЁСИЙ ЭЛИТАСИНING ШАКЛЛАНИШИ ВА УНИНГ ХУСУСИЯТЛАРИ

Октябрь тўнғаришидан сўнг сиёсий соҳада ва бошқарув тизимида амалга оширилган ўзгаришлар натижасида Ўзбекистонда ўзига хос сиёсий элита шаклланди.

XX аср 20-30-йилларидаги ўзбек сиёсий элитасининг шаклланиши масаласини ўрганиш учун аввало, «элита» ва «сиёсий элита» каби тунчаларнинг луғавий маъносига тўхталиб ўтиш лозим. «Элита» французча сўз бўлиб, «сараланган», «сайланган» деб таржима қилинади. Яъни бу сўз – нарсалар, ҳодисалар, инсонларда энг яхши хусусиятлар, сифатлар мужассамлигини англатади. «Сиёсий элита» сиёсий назария-

да – муайян сифатларга ёки ҳокимиятга кучли таъсирга эга ижтимоий гуруҳга мансубликни билдиради.

Сиёсий элита жамият ривожининг мақсадлари ва йўналишларини ишлаб чиқади. У стратегик жihatдан муҳим қарорларни қабул қилади ва уларни амалга ошириш учун давлат ҳокимияти эгалик қилаётган барча нарсаларни ишга солади. Сиёсатшунослик фанида элита бир қатор гуруҳларга, яъни автократик элита, олий элита, гегемон элита, демократик элита, контрэлита, легитим элита, сиёсий элита, миллий элита, бошқарувчи элита, регионал элита, ўрта элита, совет элиталарига бўлинади¹.

Юқоридагилардан келиб чиқиб, XX аср 20-30-йиллардаги Ўзбекистондаги сиёсий элитасини бажарган вазифасига кўра партия ва совет хўжалик элитасига ажратиш мумкин. Иш фаолиятини ҳудудий доирасига кўра, собиқ иттифокдаги бошқарув нуқтаи назаридан ёндашила-диган бўлса, Ўзбекистондаги республика миқёсидаги элита регионал элита ҳисобланади. Фақат республика миқёсида олиб ўрганилганда эса ҳукмрон ва регионал элиталарни фарқлаш мумкин. Шунингдек, бу даврдаги Ўзбекистондаги сиёсий элитани миллий таркиби бўйича миллий, маҳаллий ва европаликларга бўлиш ҳам мақсадга мувофиқ бўлади.

XX аср 20-30-йилларида ўзбек сиёсий элитаси шаклланиши ўрганилар экан аввало, унинг миллий таркиби масаласига тўхталиб ўтмоқ лозим.

Большевикларнинг Туркистонда олиб борган мустамлакачилик сиёсати томонларидан бири бу маҳаллий миллат вакилларига ишонмаганлигидир. Шунинг учун ҳам Туркистонда 1917 йил ноябрда тузилган Халқ Комиссарлари Совети таркиби фақат европалик миллат вакилларидан иборат бўлиб, унга бирорта ҳам маҳаллий миллат вакили киритилмаган эди. Бу ҳол 1919 йил 19 январдаги ҳарбий кўмондон К. Осипов исёнига-ча давом этди. Фақат 1919 йил февралдан маҳаллий миллат вакиллари давлат бошқарув ишларига жалб этилди. Т. Рискулов, Н. Тўрақулов ва бошқалар биринчи лавозимларда ишлай бошлашди. Бироқ, давлат органларида, айниқса, марказий бошқарувда маҳаллий миллат вакиллари етарли эмас эди. Нагжижада Туркистон сиёсий элитасининг катта қисмини барибир европаликлар ташкил этиб қолаверди. Шунингдек, Туркистон давлат раҳбарлари фаолияти 1919 йил октябрда ташкил этилган Туркко-

¹ Ашин Г. К., Понеделков А. В., Игнатов В. Г., Старостин А. М. Основы политической элитологии. М.: Приор, 1999. С. 294-299; Политология. Курс лекций. М.: Зерцало, 1999. С. 213; Николас Аберкромби, Стивен Хилл, Брайан С. Тернер Социологический словарь. М.: Экономика, 1999. С. 364-365. и др.

миссия, 1920 йил июлда ташкил этилган Туркбюро каби марказдан жўнатилган фавқулодда ваколатга эга бўлган ташкилотлар назорати остида бўлди. Бу эса бошқа миллий республикалардагидек Туркистонда ҳам маҳаллий раҳбар ходимларнинг норозилигига сабаб бўлиб, ҳокимият поғоналарида миллий ихтилофни кучайишига олиб келди. Шунинг учун ҳам 1921 йил мартда РКП(б) X съездида «ҳокимият ва бошқарув органларида миллий вакилликни кенгайтириш»² ҳақида кўрсатма берилди. Натижада 1923 йилда Туркистон Марказий Ижроия Комитетининг 130-сонли декрети асосида давлат аппаратларини маҳаллийлаштириш бошланди. 1923 йил 15 августда Туркистон Республикаси Халқ Комиссарлари қошида маҳаллийлаштириш бўйича доимий комиссия тузилди³. Бу 1925 йилдан бошлаб, ўзбеклаштириш бўйича доимий комиссия деб қайта номланди. Етарли даражада чуқур ишлаб чиқилмаган ҳамда фақат номигагина ўтказила бошланган бу тадбир давлат бошқарув аппаратларини маҳаллийлаштириш масаласини ҳал қила олмади. Шунинг учун ҳам Ўрта Осиё Бюроси раиси И. А. Зеленский ЎзК(б)П нинг IV съездидаги маърузасида марказий ва маҳаллий давлат аппаратларини ўзбеклаштириш ҳали ҳам жудаям ёмон ҳолда олиб борилаётганини таъкидлаб шундай деганди: «Биз кўп гапиряпмиз, кўп нарса ҳақида ёзаяпмиз, лекин кам, жудаям кам бажаряпмиз»⁴.

Давлат бошқарув органларини маҳаллий миллий кадрлар билан таъминлаш миллий давлат чегараланиши ўтказилганидан сўнг ҳам кун тартибдаги асосий масала бўлиб қолаверди. Шунинг учун ҳам давлат бошқарув аппаратларини ўзбеклаштириш комиссияси қайта тузилиб, 1927 йилдан ишчи-деҳқон инспекцияси Халқ комиссарлиги қошида Сафоев раҳбарлигидаги ўзбеклаштириш марказий комиссиясига айлантирилди. Комиссиянинг 1928 йил 14 майдаги маълумотига кўра, 1925 йил 1 августда Ўзбекистонда жами давлат аппаратлари ходимлари 1523 та бўлиб, шундан фақат 201 таси, яъни 16,5% ўзбек бўлган. 201 кишининг 34% масъул шахс, 18% техник ходим, 6% мутахассисларни ташкил этарди⁵. Шундан партия ва совет раҳбар ходимлари жами 173 та бўлиб, 38 таси ёки 22% ўзбеклар бўлган⁶. Ўзбеклаштириш ҳолати шу вақтда марказий хўжалик аппаратларида 27,8% ни ташкил этган. Вилоятларда эса давлат аппаратларини ўзбеклаштириш куйидагича бўлган:

² Ўзбекистоннинг янги тарихи. 2-к. Ўзбекистон совет мустамлакачилиги даврида. Тошкент: Шарқ, 2000, 167-бет.

³ ЎзР ПДА. 58-фонд, 4-рўйхат, 592-иш, 68-варақ.

⁴ Ўша жойда, 58-фонд, 5-рўйхат, 5а-иш, 43-варақ.

⁵ Ўша жойда, 58-фонд, 4-рўйхат, 592-иш, 70-варақнинг орқаси.

⁶ Ўша жойда, 73-варақнинг орқаси.

Самарқанд – 24%, Фарғона – 27%, Зарафшон – 35%, Хоразм – 45%, Сурхондарё – 25%, Қашқадарё – 26%, Тошкент – 30%⁷.

Ўзбекистонда давлат раҳбарлари ва бошқарув аппаратлари ходимларининг таркибида ўзбеклар сони кейинги йилларда ҳам камчиликни ташкил қилган. Буни қуйидаги жадвалларда кўриш мумкин⁸.

1-жадвал

Барча йўналишлар бўйича марказий аппаратлар таркиби тўғрисида маълумот (1.07.1928 й.)

№	Ходимлар гуруҳи	Штат бўйича	Ўзбеклар	Тожиқлар	Бошқа Шарк миллатлари	Европалиқлар
1.	Масъул ходимлар	898	158	4	30	706
	Фоиз ҳисобида	29	17,6	0,5	3,3	78,6
2.	Техник ва девонхона ходимлари	2004	230	2	48	1724
	Фоиз ҳисобида	61,6	11,5	0,1	2,4	86
3.	Қуйи хизмат кўрсатиш ходимлари	307	70	–	10	227
	Фоиз ҳисобида	9,4	22,8	–	3,2	74
	Жами	3209	458	6	88	2657
	Фоиз ҳисобида	100	14,3	0,2	2,7	82,8

2-жадвал

Партия йўналишида ишлаётган марказий аппаратлар ходимлари тўғрисида маълумот (15.09.1928 й.)

№	Ходимлар гуруҳи	Штат бўйича	Ўзбеклар	Тожиқлар	Бошқа Шарк миллатлари	Европалиқлар
1.	Масъул ходимлар	56	26	–	–	30
	Фоиз ҳисобида	48,3	46,4	–	–	53,6
2.	Техник ва девонхона ходимлари	48	2	–	–	46
	Фоиз ҳисобида	41,4	4,2	–	–	95,8
3.	Қуйи хизмат кўрсатиш ходимлари	12	–	–	–	12
	Фоиз ҳисобида	10,3	–	–	–	100
	Жами	116	28	–	–	88
	Фоиз ҳисобида	100	24,1	–	–	75,9

⁷ Ўша жойда, 71-варақнинг орқаси.

⁸ Ўша жойда, 58-фонд, 4-руйхат, 933-иш, 52-53-варақлар.

Ўзбекистон сиёсий элитасининг катта қисмини 30-йилларда ҳам европалик миллатлар вакиллари ташкил қилиб қолаверди. Чунки 1931 йилда республикада 139 та раҳбар ходим бўлган бўлса, шундан 66 таси ёки 47,5% маҳаллий миллат вакиллари эди. 1932 йилда эса 170 та раҳбар ходимдан 84 таси, яъни 49,4%, 1933 йилда 286 та раҳбар ходимнинг 120 таси, яъни 77% маҳаллий миллат вакилларида иборат бўлган⁹.

Ўзбекистонда 20-30-йилларда совет давлати томонидан давлат бошқарув аппаратларини маҳаллийлаштириш борасида олиб борилган сиёсатнинг кўзга ташланадиган томонларидан яна бири шундаки, асосан биринчи раҳбар ходимларгина маҳаллий миллат вакилларида кўйилган бўлиб, биринчи раҳбар ходимларнинг ўринбосарлари, мутахассислар ва бошқа ходимлар асосан европа миллати вакилларида иборат бўлиб қолаверганлигидир. Масалан, 1933 йилга келганда маҳаллий миллат вакилларида раҳбар ходимлар 77 фоизни ташкил этганда, уларнинг ўринбосарлари ва бўлим бошлиқларининг 22,75 фоизи, мутахассисларнинг 7,7 фоизи, йўриқчиларнинг 26 фоизи маҳаллий миллат вакиллари бўлган, холос¹⁰. Иккинчидан, жазоловчи ва ҳуқуқ-тартибот идораларининг раҳбарлари ва ходимлари деярли европа миллати вакилларида бўлган. Масалан, давлат хавфсизлик идораларини 20-30-йилларида доимо европа миллати вакили бошқарган. Шунингдек, ўша йилларда давлат таянчига айланган бу идорада қуйи бўғинларда ҳам деярли маҳаллий миллат вакиллари ишламаган. Шунинг учун ҳам ўзбеклаштириш марказий комиссиясининг раиси Сафоев 1928 йил 15 майда ЎзК(б)П МК котиби А. Икромовга юборган хатида ГПУда бирор киши ҳам маҳаллий тилни билмаслигини, ҳеч бўлмаса бу идоранинг комендантларини маҳаллий миллат тилини биладиган кишидан кўйилишини сўраган эди¹¹.

20-йилларда республикада давлат аппаратларини маҳаллийлаштириш ва ўзбек сиёсий элитасини шакллантиришдаги асосий тўсиқлардан бири бу буюк давлатчилик шовинизмидир. Чунки европалик раҳбарлар орасида 1926 йилда ўзбеклаштириш борасидаги маърузасида ЎзК(б)П МК масъул котиби В. В. Иванов таъкидлаганидек: «...ўзбеклардан большевик чикмайди ва ўзбек партия тузиш аҳволида эмас»¹², деган тушунча устунлик қилар эди. Шунингдек, агарда ишга келган ходим рус тилини билмаса аксарият ҳолларда у ишга олинмаган¹³.

⁹ Ўша жойда, 58-фонд, 8-рўйхат, 613-иш, 25-варақ.

¹⁰ Ўша жойда, 25-59-варақлар.

¹¹ Ўша жойда, 58-фонд, 4-рўйхат, 596-иш, 13-варақ.

¹² Ўша жойда, 58-фонд, 2-рўйхат, 22-иш, 15-варақ.

¹³ Ўша жойда, 16-варақ.

1923 йилдан 1933 йилгача Ўзбекистонда ҳокимият органлари ва давлат бошқарув аппаратларини маҳаллийлаштириш бўйича қатор (№ 130, 124, 48, 10, 6, 396, 5.356 ва бошқа) декретлар¹⁴ ҳамда қарорлар қабул қилинди. Бироқ, буларнинг ҳаммаси деярли қоғозларда қолиб кетаверди. Чунки «маҳаллийлаштириш бўйича қатъий қоидалар йўқ эди, фақатгина «шиорлар» бор эди»¹⁵. Совет давлати ва ҳукмрон коммунистик партиянинг асосий мақсади ҳам ҳокимият органларини маҳаллий миллатларга тўлиқ топшириб, республикани қоғозларда қайд этилган тенг ҳуқуқли мустақил давлатга айлантириш эмас эди.

XX аср 20-30-йилларида ўзбек сиёсий элитаси шаклланишининг муҳим томонларидан яна бири албатта, бу кадрларнинг коммунистик партия ва совет давлати сиёсатига хизмат қилувчи ва уларнинг ғояларини тарғиб этувчи қилиб шакллантирилганлигидир. Ўзбек сиёсий элитасининг бу руҳда шаклланишининг асосий сабаби шубҳасиз, коммунистик партиянинг кадрлар борасида қўллаган пастдан раҳбарлик лавозимига кўтариш ва номенклатура сиёсатидир.

20-йилларда ўзбек сиёсий элитаси собиқ иттифоқда бўлгани каби пастдан раҳбарлик лавозимига кўтариш, яъни рекрутлик ва номенклатура асосида шаклланди. Совет ҳокимияти кадрлар борасида пастдан раҳбарлик лавозимига кўтариш сиёсатини қўллар экан, биринчидан, номзоднинг ишлаши учун етарлича шароит яратиб бермаган, иккинчидан эса номзод қўйиладиган талабларга жавоб беравермаган¹⁶. Пастдан раҳбар лавозимига кўтарилаётган шахслар керакли малака ва билимга эга эмасди. Шунинг учун ҳам пастдан раҳбар лавозимига кўтарилган ходимлар ўртасида кадрлар қўнимсизлиги юқори бўлган. Республика қасаба уюшмаси раиси Л. И. Ароцкер ЎЗК(б)П МК нинг 1928 йилдаги III пленумида қайд этганидек, ишлаб чиқаришдан раҳбар лавозимига кўтарилган ходимлар яна ўз иш ўринларига қайтиб келганлар ва доимо ҳақоратлар эшитишдан тинчгина ишлаганлари маъқуллигини айтишган. Улар яна раҳбар лавозимига ишга юборсангиз бир йўла ахлоқ тузатиш уйига йўлланма ҳам бера қолинглар, дейишган¹⁷.

Ўзбекистондаги кадрларнинг қўнимсизлиги ва маҳаллий миллат вакилларида етук кадрлар тайёрлаш масаласига Файзулла Хўжаев ҳам алоҳида эътибор берган. У кадрларни бир жойда узоғи билан олти ойгина ишлаб кейин бошқа ишга ўтказиб юборилиши, давлат аппаратларини

¹⁴ Ўша жойда, 58-фонд, 4-рўйхат, 592-иш, 38-варақ.

¹⁵ Ўша жойда, 72-варақ.

¹⁶ Ўша жойда, 58-фонд, 4-рўйхат, 12-иш, 113-варақ.

¹⁷ Ўша жойда.

маҳаллийлаштиришни киска вақтда амалга оширилиши нотўғри эканлигини айтган. Файзулла Хўжаев маҳаллий миллатлардан юқори малакали кадрлар тайёрланиши учун етарли даражада таълим берилиши ва ундан кейин 4-5 йил бир жойда ишлаши лозим, деган¹⁸.

Демак, кадрлар сиёсатида пастдан раҳбар лавозимга кўтариш совет давлати кўзда тутган натижани бермаган. Шунинг учун ҳам совет давлатининг кадрлар сиёсатининг 74 йиллик хукмронлиги даврида номенклатура асосий бўғини бўлиб қолди.

Номенклатура бу асосий лавозим ва мансаблар ҳамда уларга номзодлар рўйхати бўлиб, у 1919 йилдан бошлаб тузила бошлаган. Шу йили РКП(б) МК да коммунист кадрларни ҳисобга олувчи ва тақсимловчи махсус бўлим (Учраспред) ташкил этилган¹⁹. Бу бўлим совет ҳукумати ва коммунистик партиянинг қарорларини амалга оширувчи коммунистларни рўйхатини тузиш ва уларни жойларга ишга жўнатиш билан шуғулланган. Натижада партия аппаратида кадрларни сайлаш тамойили ўрнига кадрларни тайинлаш ва бир жойдан иккинчи жойга ишга ўтказиш механизми вужудга келди. Бу механизм эса коммунистик партия сиёсатини совет жамиятида амалга ошириш курали сифатида кенг қўлланилди.

Номенклатуранинг назариётчиси ва яратувчиси И. В. Сталин бўлди. РКП(б) нинг XII съездида (1923 йил апрель) Сталин барча бошқарув бўғинларига коммунистларни киритиш тўғрисида фикрни илгари сурди. Шундан сўнг 1923 йил 8 ноябрда РКП(б) МК кадрларни танлаш ва масъул лавозимларга қўйиш тўғрисида қарор қабул қилди²⁰. Натижада Марказий комитет қарори билан турли соҳалар бўйича номенклатура рўйхатлари тасдиқланди. Номенклатуранинг 1-рўйхатига СССР ХКС, МИК, БМИК раҳбарияти, президиуми ва коллегиялари аъзолари, ВЦСПС ҳамда трест, синдикатлар раҳбарлари, БХХК(ВСНХ) бошқармаси бошликлари киритилиб, уларни коммунистик партия марказий комитетининг махсус комиссияси тасдиқларди. 2-рўйхатга юқоридаги асосий лавозимлар ўринбосарлари, 3-рўйхатга эса жойлардаги раҳбар кадрлар киритилган. Номенклатурага кирган номзодларнинг партия йўли ва сиёсатига содиқлиги асосий мезон бўлиб, бу хавфсизлик хизмати (ОГПУ) ходимлари томонидан текшириб кўрилган.

20-йилларда, биринчидан, номенклатурадаги лавозимлар рўйхати кенгайиб борди. Иккинчидан, РКП(б) МК нинг номенклатураси кенгайиб борди. Буларнинг ҳаммаси 1928 йил охирига келиб, номенклатуралар рўйхатларини ҳар уч ойда кўриб чиқилишига олиб келди.

¹⁸ ЎЗР ПДА. 58-фонд, 2-рўйхат, 20-иш, 70-варак.

¹⁹ История России. XX век. М.: АСТ, 2000. С. 243.

²⁰ Ўша жойда, 244-бет.

Номенклатура кадрларни пастдан юқори лавозимларга кўтариш, яъни рекрутлик асосида тўлдириб борилган. Номенклатурага асосан номзоднинг партия стажига қараб киритилган. Лекин шу билан бирга кадрни касбий лаёқати ҳам ҳисобга олинган. Чунки молия, маориф, соғлиқни сақлаш каби халқ комиссарликларида кадрларни касбий билими ва лаёқати асосий ўрин тутарди. Шунинг учун номенклатурага кирган ишчи, деҳқон, хизматчи коммунистлар партия ўқишлари, рабфак, қисқа курсларда қайта тайёрланарди. Совет олий ўқув юртларида таълим олаётган талабаларнинг барчаси эса номенклатура рўйхатига киририлиб кўйилар эди.

Номенклатура билан ишлаш усули соф бюрократик характерга эга бўлиб, кўпроқ турли хил анкеталар тўлдириш ва уларни текширишдан иборат эди. Бу эса ўз ўрнида ички партиявий демократия нормаларига зид келарди. Шунинг учун бу оддий коммунистлардан махфийлаштирилганди. Номенклатура моҳиятан партия-совет бюрократларининг юқори қатлами бўлиб, бир-бирига кафилик асосида юзага келган ёпиқ кастани – гильдия тизимини эслатарди.

Давлатни бошқаришда ва кадрлар тайёрлашда номенклатурани жорий этилиши собиқ иттифокда, жумладан, Ўзбекистонда коммунистик партиянинг яқка ҳукмронлигини таъминлади ва маъмурий-буйруқбозлик тизимини шаклланишига, мустабид тузумни тўлиқ ўрнатилишига олиб келди. Чунки номенклатура асосида ишга кўйилган шахслар лавозимларидан ажраб қолмасликлари учун партиянинг барча кўрсатмаларини тўла-тўқис адо этарди.

1928 йилда совет хавфсизлик идоралари «Шахта иши»ни уюштириши билан эски, яъни янги усул мактабларида таълим олган, жадиализм руҳида тарбияланган ўзбек сиёсий элитасига қарши хужум бошланди. «Қосимовчилик», Мунаввар қори раҳбарлигидаги «Миллий истиклол» ташкилоти, «Бадриддиновчилик», Боту ва Рамзий раҳбарлигидаги маориф ходимлари иши каби қатор тўқиб чиқарилган ишлар пайдо бўлди. Натижада юзлаб ўзбек сиёсий элитаси вакиллари жазоланди. Уларнинг ўрнини эса номенклатура асосида шакллантирилган сиёсий элита вакиллари эгаллай бошлади. 1937-1938 йиллардаги «катта террор»дан сўнг эса барча раҳбарлик лавозимлар уларнинг қўлига ўтди.

XX аср 20-йилларида ўзига хос совет сиёсий элитаси шакллантириляётганда уларни марксча-ленинча ғоялар руҳида ўқитиш учун Қизил профессорлар институти, Коммунистик академия, Истпарт каби олий ўқув юртларни ташкил этди. Шунингдек, ишчилардан кадрлар тайёрлаш учун ишчи ўқув факультетлари, турли муддатли ўқув курслари очилди. Бу курслар ва олий ўқув юртларида коммунистик ғояга садоқатли ва

партия сиёсатини аксарият ҳолларда муҳокама қилмасдан тўлиқ ҳаётга татбиқ этувчи кадрлар етказиб берилди. Мана шу кадрлар 20-йилларнинг охиридан бошлаб, партия фаолларини ташкил этди ва улар асосий давлат ҳамда партия раҳбар лавозимларида фаолият юритди. 1917 йил октябрь тўнтаришидан сўнг раҳбар лавозимларни 1902 йилда Ленин айтган «профессионал революционерлар» эгаллаган бўлса, Сталин даврига келиб эса улар номенклатура асосида шаклланган партия фаоллари кўлига ўтди.

Партия фаоллари куйидаги тамойиллар асосида танлаб олинарди: биринчидан, кадрнинг коммунист бўлиши; иккинчидан, кадрнинг тузумга мутаассибларча содиқлиги ва юкори даражада ташкилотчилик қобилияти; учинчидан, «диалектик» фикрлаш қобилияти; тўртинчидан, ишда ташаббускорлиги; бешинчидан, интизомлилиги, яъни партия ғояларига содиқлиги.

Шуни айтиб ўтиш жоизки, профессионал революционерлар бирор ишни бажаришда ўз фикри, дунёқараши ва нуқтан назаридан келиб чиқиб бажаришган бўлса, 20-йилларнинг охирида шаклланган партия фаоллари эса ўз дунёқараши ва нуқтаи назарига эга эмас эди. Улар ўқиш жараёнида мустақил фикрламайдиган, балки партия кўрсатма ва буйруқларини сўзсиз бажарадиган қилиб тайёрланарди. Уларнинг ташаббускорлиги ёки диалектик фикрлаши ҳам фақат партия кўрсатмаси доирасида эди. Совет давлати ва ҳукмрон коммунистик партиянинг асосий мақсади ҳам ҳокимият органларини мустақил фикрлайдиган маҳаллий миллатларга тўлиқ топшириб, республикани қоғозларда қайд этилган тенг ҳуқуқли мустақил давлатга айлантириш эмас эди. Балки, Ўзбекистон собиқ иттифоқ таркибида хом ашё етказиб берадиган ҳудуд бўлиб қолавериши керак эди. Коммунистик партия ва совет давлатининг XX аср 20-30-йилларида кадрлар борасида олиб борган сиёсати натижасида ўзига хос ўзбек сиёсий элитаси шакллантирилди. Бу эса ўз ўрнида коммунистик партия ва совет давлатининг кўзлаган мақсадини амалга оширилишига олиб келди.

Н. Норжигитова

Формирование узбекской политической элиты и ее особенности в 20-30-е годы XX века

В статье рассмотрены особенности формирования политической элиты Узбекистана в 20-30-е годы XX века. Осуществлен анализ нацио-

нального состава политической элиты республики. Изучены негативные последствия выдвиженчества и номенклатуры как механизма кадровой политики советского государства в Узбекистане.

N. Norjigitova

**Formation of Uzbek political elite and it's particularities.
20-30 s of the XX century**

In present article examined peculovities of formation of the Uzbek political elite in the 20s 30s XXth Century. For example it was mode examined the national staff of the political elite of the republic. Besides this some negative results of moving forward and nomenclature are investigated such as mechanism of personnel politics of the soviet government in Uzbekistan.

Тарихшунослик, манба ва талқин

Д. Жўрақулова

ЗАРАФШОН ВОДИЙСИНИНГ ТОҶ ВА БРОНЗА ДАВРИ АРХЕОЛОГИК ЁДГОРЛИКЛАРИНИ ЎРГАНИШ ТАРИХИДАН

Зарафшон водийси – Ўрта Осиёнинг марказий қисмида, Туркистон ва Зарафшон тоғ тизмалари оралиғида жойлашган кўндаланг водий. Водийнинг шарқий тоғ қисми Тожикистон Республикасига, ғарбий тоғ этаги ва кенг текислик қисми эса Ўзбекистон Республикасига қарайди. Водий рельефининг шаклланишида Зарафшон дарёсининг доимий ва вақтли ирмоқлари муҳим роль ўйнаган. Зарафшон водийси Зарафшон музлигидан бошланиб, ғарбда Қизилқумнинг Сандиқли кумигача (781 км) чўзилган. Зарафшон водийси шу масофада ғарбий, жануби-ғарбий йўналишда давом этиб, аста-секин кенгайиб боради. Водийнинг тоғли қисми то Панжикентгача (300 км масофа) тор ва чуқур, кўп (6 та) террасали. Зарафшон дарёсининг энг юқори қисмида эни 4-5 км ли водийча мавжуд, унинг адоғидан, Қиштутсойнинг Зарафшонга қуйиладиган жойидан водий яна тораяди ва тоғ дарё қирғоғидан тик кўтарилган. Ундан қуйи сари водий кенгая бориб, Ўзбекистон Республикасининг Бухоро воҳаси районларида унинг эни 60-70 км гача бориб етади¹.

Зарафшон водийсининг Ўзбекистон қисмининг узунлиги 480 км га яқин бўлиб, мана шу масофада тарихий даврларда Самарқанд, Бухоро ва Қоракўл воҳалари ташкил топган. Самарқанд воҳаси шимолда Ғубдинтоғ-Октоғ-Қоратоғ, жанубда Қоратепа-Зирабулоқ-Зиёвуддин каби унча баланд бўлмаган тоғлар билан ўраб олинган. Мана шу районларда воҳанинг кенглиги 50 км гача боради. Водий Карманадан ўтгач, яна тораяди. Шу жойда Қизилтепа ва Офтобачи қирлари бир-бирларига яқинлашиб, кенглиги 8-10 км бўлган Хазар йўлагини ҳосил қилади. Водий Хазар йўлагидан ўтгач, яна кенгаяди ва жануби-ғарбга бурилиб, Бухоро воҳасини ҳосил қилади.

Бухоро воҳаси шимолдан Қизилқум, шарқдан Қўштепа, Қуйимозор, Кумсултон каби тепаликлар, жануб ва жануби-ғарбдан Қоракўл платоси билан ўралган. Водий Бухоро воҳасининг Қоракўл платоси ёнида анча торайиб, Қоракўл йўлагини ҳосил қилган. Сўнгра водий яна кенгайиб, Қоракўл воҳасини ташкил этган.

Қоракўл воҳаси жануби-ғарбдан Сандиқли қуми, шимоли-шарқдан Қоракўл платоси ва жанубдан Эшакчи қумлиги билан ўраб олинган. Бу

¹ Ўзбекистон Миллий энциклопедияси. 3-жилд, 2002. 675 бет.

ерда водийнинг кенглиги 48-50 км. Воҳа доирасида катта ва кичик шўр кўллар, баланд пастликлар бор. Зарафшон водийсининг иқлими континентал, унинг паст текислик қисмларида боғу роғлар ташкил этиши, суғорма деҳқончилик маданияти ривожини учун жуда қулай.

Зарафшон тоғ тизмасининг ғарбий қисми жанубий Ҳисор тоғлари билан туташиб кетади. Унинг ғарбга томон ясталанган тизмалари Чақаликалон тоғи Тахтақорача довоғига давом этади ва сўнг Қоратепа тоғи номи остида ғарбга томон пасайиб бориб, баландлиги 500-600 метрли адирлар билан тугайди. Адирлар Каттақўрғон шаҳридан жанубда баландлаша бориб, Зирабулоқ тоғларига туташади. Зирабулоқ ва унинг давоми Зиёвуддин тоғлари Зарафшон тоғ тизмаларининг ғарбий давомидир. Бу тоғларнинг 1500-2000 метр оралиғидаги баланд қисми ўрмондашт минтақаси ҳисобланиб, бу жойлар арча, ёнғок, бодом, pista, дўлана, итбурун билан қопланган.

Водийнинг энг пастки 400-500 метр баландликкача бўлган ерлари чўл минтақаси ҳисобланади. Бу замин энеолит давридан бошлаб, аста-секин суғорма деҳқончилик хўжалиги билан шуғулланувчи аждодлар томонидан интенсив ўзлаштирилиб, унинг иқтисодий ва маданий ривожланиш асосида кўхна тарихда машҳур Суғдиёна цивилизацияси таркиб топган. Чўл минтақасидан сўнг водийнинг адирлари бошланади. У 500 метрдан 1200 метргача баландликда бўлган ерларни ўз ичига олади. Бу минтақа чорвачилик хўжалиги учун жуда қулай ҳисобланиб, бронза давридан бошлаб, хўжалик асоси чорвачиликка мослашган уруғ жамоалари масканига айланган. Водийнинг 1200 метрдан юқориси тоғ минтақаси ҳисобланади. Бу минтақа ўзлаштирувчи хўжалик соҳибларига хос ўз табиий имкониятларига кўра, қадимги тош даврининг мустье босқичидан эътиборан ўзлаштирилиб, аждодлар масканига айланган. Археологик топилмаларга кўра, бу минтақа яйловларида бронза давридан эътиборан чорва боқилган ва унинг тегишли жойларида қадимги металлургия тоғ-кон саноати билан ҳам шуғулланишган.

Зарафшон водийсининг тарихий ёдгорликлари ҳақидаги дастлабки хабарлар илк бор тоғ инженерлари К. Ф. Бутенев, Ф. Богословский, ёш шарқшунос Н. В. Хаников асарларида учрайди². Ушбу асарлар Самарқанднинг меъморий ёдгорликлари, шунингдек, Самарқандда теурийларгача қадимги шаҳар харобаси – қалъаи Афросиёб ва «Девори қиёмат» ҳақида илк бор маълумот беради. Зарафшон водийсининг археологик ёдгорликлари ҳақидаги маълумотлар Самарқанд вилояти 1868 йилда Туркистон генерал-губернаторлиги таркибига кўшилгач, чор Россияси шарқшунос олимлари, табиатшунос ва этнографлари эсдалик ва

² Х а н ы к о в Н. В. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843.

хисоботларида учрай бошлайди³. Еттисув вилояти мозор қўрғонларини казиш муносабати билан Ўрта Осиё сафарида бўлган таниқли турколог В. В. Радлов 1869 йили Зарафшон воҳасига ташриф буюриб, бу ерда қўрган археологик тепаликларни қадимги мозор қўрғонлар деб қабул қилади ва ўзининг сафар хисоботида «ўзбеклар уларнинг баъзилари устига мудофаа иншоотлари қуришган, менимча, улар ўзбек аҳолисига нисбатан жуда қадимийдир»⁴, дейди. Россия ҳарбийлари томонидан Ўрта Осиёда «хазина» кидирувчилари шундай кўпайиб кетдики, ҳатто, чор Россиясининг Туркистон маъмурияти 1871 йилда бундай бебошчиликни олдини олиш мақсадида махсус фармойиш чиқаришга мажбур бўлган⁵. Афросиёб орқали Тошкент томон ўтказилган йўл қурилиши муносабати билан Афросиёбдан танга пуллар хазинаси, кўплаб рангли сопол буюмлар топилиб, бу қадимий осори-атиқалар Эрмитаж коллекцияси учун Санкт-Петербургни қизиқтириб қўйди. Натижада Зарафшон генерал-губернатори топшириғи билан 1874 йилда майор Борзенков Афросиёбда илк бор археологик казишма ишларини бошлаб юборди⁶. Бирок, у ҳеч қандай илмий тайёргарлик ва малакавий услубсиз казиш ишларини олиб борган.

Машҳур шарқшунос ва археолог олим А. Ю. Якубовскийнинг таъкидлашича, майор Борзенков ҳеч бир археологик тайёргарликсиз казишмалар олиб борган, чунки унинг асосий мақсади ноёб топилмалар топиш бўлган⁷. Шунга қарамай, унинг казишмалари ва улар ҳақидаги М. Ростислов публикацияси Афросиёбни ўрганувчилар олдига кенг истиқболни очиб берди. 1883 йилда генерал-губернатор М. Г. Черняевнинг топшириғига кўра Афросиёбда казиш ишлари билан В. В. Крестовский шуғулланди. У ҳатто, Афросиёб казишмаларига Н. И. Веселовскийни жалб қилиш масаласида губернатор М. Г. Черняевга хат билан мурожаат қилади⁸. Бирок, тарихий ёдгорликларни ўрганиш ишлари Археология комиссияси руҳсати билан бўлиши кераклиги боис, В. В. Крестовскийнинг бу хатти-ҳаракатлари Санкт-Петербург олимлари орасида норозилик кайфиятини келиб чиқишига сабаб бўлади. Ҳатто, И. П. Ми-

³ Федченко А. П. Путешествие в Туркестан. М., 1850. С. 74-148.

⁴ Отчет о раскопках курганов, произведенных В. В. Радловым летом 1869 г. // Архив археологической комиссии, д. № 22, 1868.

⁵ Туркестанские ведомости. 1871. № 12.

⁶ Ростислов М. Об археологических изысканиях в Зарафшанском округе // Туркестанские ведомости. 1875. № 27.

⁷ Якубовский А. Ю. Из истории археологического изучения Самарканда, 1940. С. 286-287.

⁸ Афрасиаб. Ташкент, 1969. Т. 1. С. 23.

наев Россия археологлар жамиятининг йиғилишида ёдгорликларни ўрганиш иши билан фақат мутахассис олимлар шуғулланиши кераклигини алоҳида таъкидлаб ўтади. Аммо, Н. И. Веселовский номзодини комиссия маъқуллайди ва унга Туркистон ўлкаси ёдгорликларини ўрганиш бўйича рухсат берилиб, унга археологик қазилар ишлари билан боғлиқ баъзи бир услубий маслаҳатлар бериш кўзда тутилади. Чунки у тажрибали археолог сифатида тегишли маълумотга эга эмас эди. Н. И. Веселовский 1885 йилда Самарқандга етиб келиб, Афросиёбни ўрганишга киришади. У ўзининг ҳисоботида Искандар фатҳ этган қадимги Самарқанд айнан Афросиёб эканлигини, 1220 йилда Чингизхон вайрон этган Самарқанд ҳам айнан Афросиёб эканлигини аниқ айтади. У Самарқандни қачон пайдо бўлганлиги ва унинг ривожланиш босқичлари ҳақида сўз юритиб, бу масала Афросиёбда кенг қўламли археологик қазилар олиб бориш билан узвий боғлиқ эканлигини таъкидлайди. Н. И. Веселовскийдан кейин Зарафшон водийсининг тарихий ёдгорликлари билан шуғулланган фидойи олимлардан бири В. Л. Вяткин эди. У ўз фаолиятини кўпроқ Афросиёбга қаратди, Улуғбек расадхонасини топиш ва ўрганиш билан қатъий шуғулланди. Дарҳақиқат, Туркистоннинг ўтмиш тарихи ва маданияти билан шуғулланган олимлар санокли кишилар эди. Улар орасида В. В. Крестовский, Н. И. Веселовский, В. Л. Вяткин каби фан фидойилари ҳам бор эдики, айнан ана шулар бошлаган археологик илмий тадқиқотлар нафақат Зарафшон водийси, балки Ўрта Осиёда археология фанининг илмий йўналишида ривожланишига туртки бўлди. Водийнинг тўнғич ёдгорлиги – Афросиёб нафақат Зарафшон водийсида, балки бутун Ўрта Осиёда олиб борилган археологик изланишларнинг илмий лабораториясига айланди.

Собиқ советлар даврининг дастлабки йилларида (30-40-йилларда) Зарафшон водийси тарихи, маданияти ва маданий меросини, биринчи навбатда, унинг ҳар уч воҳаси (Самарқанд, Бухоро, Қорақўл) археологик ёдгорликларини ўрганишга кизиқиш кучайди ва бу ишларда фанимизнинг дарғалари А. Ю. Якубовский ва В. А. Шишкин, М. Е. Массон, Я. Ф. Фуломов, Г. В. Григорьев, А. И. Тереножкин, А. М. Беленицкий, Д. Н. Лев каби археологлар алоҳида фаоллик кўрсатдилар. Айниқса, ўтган асрнинг 50-йилларидан бошлаб, Зарафшон водийси бўйлаб Я. Ф. Фуломов, В. А. Шишкин, А. М. Беленицкий, Д. Н. Лев ҳамда уларнинг кўп сонли шогирдлари томонидан кенг қўламли археологик тадқиқотлар олиб борилдики, натижада, бугунги кунга келиб, уни илк аجدодлар томонидан ўзлаштирилишидан бошлаб, то сўнгги ўрта асрларга қадар бўлган тарихи археологик жиҳатдан даврма-давр, босқичма-босқич ўрганилди, жуда катта ва илмий маълумотларга бой фактик материаллар тўпланди,

хар бир даврининг ўзига хос хусусиятлари, тарихий тараққиёти ва этно-маданий ривожланиш жараёнларини илмий холислик, археологик объективлик, тарихий кетма-кетликда ўрганиш ва уларни умумлаштириш имконияти туғилди.

Зарафшон водийси, унинг тоғли районлари одамзоднинг илк аж-доглари томонидан қадимги тош даврининг мустье боскичидан бошлаб ўзлаштирилган. Бу ҳақда дастлабки маълумотларни Самарқанд Дав-лат университетининг археологи Д. Н. Лев асарларида ўқиш мумкин⁹. Д. Н. Лев 1947 йилда Самарқанд шаҳридан жануброқда, Тахтақорача довони яқинидан Омонқўтон ғорини топади; 5 йил ўтгач, Самарқанд шаҳридан 50 км лар чамаси жануби-шарқдан ТакалISOй ғорини топиб ўрганди. Ҳар иккала ғорларда олиб борилган археологик изланишлар уларни қадимги тош даврининг мустье боскичига тегишли эканлиги-ни кўрсатди. Кейинги йилларда мустье даврига тегишли ёдгорликлар Қоратов-Нурота тоғ тизмаларининг Воуш тоғи жанубий ёнбағридан¹⁰, Зирабулоқ ва Зиёвуддин тоғ этакларидан¹¹ (Зирабулоқ ва Қўтирбулоқ) топиб ўрганилди. Таъкидлаш жоизки, водийнинг мустье даври ёдгорлик-лари асосан тоғ бағридан қайнаб чиққан булоқ бўйларида, унгурларда, сувга яқин ғорларда макон топган.

Қадимги тош даврининг юқори палеолит боскичига келганда ибти-дой аждоғларимиз нафақат Зарафшон водийсининг тоғолди ва адирли минтақалари, ҳатто, воҳа доирасидаги адирсимон табиий тепаликлар-ни ёриб ўтган сой бўйларида, улар ҳосил қилган кўл ёқаларида ҳам макон топганлар. Маълумки, буюк музликлар тугаб, осмонўпар тоғлар оралиғидаги кенгликларда адир ва чўллар, дарё ва кўллар ҳосил бўлгач, илк аждоғларимиз музликлар даврида макон топган ғорлардан чиқиб, дастлаб ғор олди адирларни, уларни ёриб ўтган сой ва кўл ёқаларини ўзлаштирганлар. Бу ҳаётий ўзгаришлар жараёнларининг бошланиши кўпчилик жойларда айнан юқори палеолит даврига тўғри келади. Чун-ки, бу минтақаларнинг табиий шароити ва имкониятлари: сой сувла-ри, сой ҳавзаларида ҳосил бўлган тўқайзорлар ва уларда истиқомат қилувчи ёввойи ҳайвонлар, кўллар тўла балиқ ва уларда галалашиб

⁹ Лев Д. Н. Древний палеолит в Аман-Кутане // Труды УзГУ. Вып. 39. Самарқанд, 1949.

¹⁰ Касымов М. Р. Добыча и техника обработки камня в каменоломных мастерских Средней Азии // Научные работы и сообщения. Кн. 3. Ташкент, 1961; Е го же. Кремнеобрабатывающие мастерские и шахты каменного века Средней Азии. Ташкент, 1972.

¹¹ Ташкенбаев Н. Х. Новые памятники древнекаменного века в Самаркандской области // ОНУ. 1971. № 11.

учиб юрувчи ҳар хил паррандалар кўп бўлган. Шунинг учун бўлса керак, Самарқанд воҳасининг юқори палеолит даврига оид машҳур ёдгорлик – Самарқанд манзилгоҳи ҳам воҳа доирасидаги адирсимон табиий тепаликларини кесиб ўтган Сиёбча ҳосил қилган қадимги кўл ёқасида жойлашган.

Юқори палеолит даврига тегишли тош қурооллар Чўпонота тепалигидан¹², Самарқанд шаҳрининг ҳар хил нуқталаридан¹³, Оғалиқсой бўйларида¹⁴, Ургут туманининг Гўрдара ғоридан¹⁵, Равотхўжа яқинидан¹⁶, Сиёбча ва Сиёб сойи қўшилишидан¹⁷ ва ниҳоят, юқори палеолит даврига оид ноёб Хўжамазгил манзилгоҳи Булунғур тоғидан ёриб чиққан зилол чучук сув ҳосил қилган ва қадимги кўл ёқасидан¹⁸ топиб ўрганилган.

Зарафшон водийсида мезолит даври ёдгорликлари ҳозирча кам ўрганилган. Бу даврга оид объект сифатида Сазагон-1 ва Сазагон-2 манзилгоҳларини кўрсатиш мумкин. Улар Зарафшон тоғ тизмаларининг Қоратепа массиви ёнбағрида булок яқинида қад кўтарган Сазагон қишлоғи жанубидан (Сазагон сойининг иккинчи террасаси) топилган. Ҳозиргача олимлар орасида уларнинг археологик комплексининг санаси масаласида, уларни мезолит ёки неолит даврига тегишли эканлиги ҳақида илмий баҳслар мавжуд¹⁹. Аниқ стратиграфия маълумотларига асосланмаган бундай объектлар қаторига Учтут шахтасини ҳам қўшиш мумкин²⁰. Маданий қатламлари аралашиб кетган Сазагон-2 ва бошқа объектларда геометрик шаклдаги тош қуроолларининг учраши, Зарафшон водийсида нафақат қадимги ва янги тош, балки уларнинг оралиғидаги,

¹² Лев Д. Н. Новые данные по палеолиту Узбекистана // Труды ИИА АН УзССР. Вып. № 7. Ташкент, 1955.

¹³ Ташкенбаев Н. Х. О находках каменных изделий на территории городища Афрасиаб // Афрасиаб. Ташкент, 1974. Т. 3.

¹⁴ Лев Д. Н. Итоги работы археологического отряда СамГУ в 1966 г. // Труды СамГУ. Вып. 218. Самарканд, 1972.

¹⁵ Ташкенбаев Н. Х. О некоторых новейших палеолитических находках на территории Узбекистана // Проблемы археологии Средней Азии. Вып. 2. Л., 1969.

¹⁶ Буряков Ю. Ф. и др. Работы в Самаркандской области // АО-1971. М., 1972.

¹⁷ Аскарлов А., Ташкенбаев Н. Древнейшее прошлое Самарканда // ОНУ. 1970. № 9.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Лев Д. Н. Итоги работы археологического отряда СамГУ в 1966 г.; Холюшкин В. А., Холюшкин Ю. П. К вопросу о характере развития мезолитической индустрии Сазаган // Сибирь в древности. Новосибирск, 1979; Коробкова Г. Ф. Мезолит Средней Азии и его особенности // КСИА. Вып. 149, 1977; Джуракулов М., Холматов Н. Мезолит и неолит Среднего Зарафшана. Ташкент, 1991.

²⁰ Мирсаатов Т. Горные разработки в эпоху камня. Ташкент, 1977.

яъни мезолит (ўрта тош) даврида ҳам ибтидоий аждодлар яшаганликларидан гувоҳлик беради.

Зарафшон водийси, айниқса, унинг марказий ва ғарбий ҳудудлари неолит даври ёдгорликларига бой. Зарафшон водийсининг тоғолди адирли минтақаларида (турли даврларга оид Сазагон маданияти²¹, Уч-тут шахтаси²², Сармишсой қоятош суратлари²³) ҳамда Зарафшон қуйи ҳавзаларида, яъни чўл минтақасида (Калтаминор маданияти²⁴) неолит даври ёдгорликлари кенг кўламда топилган ва ўрганилган.

Энеолит даври Зарафшон водийси тарихида алоҳида аҳамият касб этади. Айнан шу даврда воҳа тарихида ижтимоий-иқтисодий ўзгаришлар юз берди. Авваламбор, водий аҳолиси ўзлаштирувчи хўжалиқдан ишлаб чиқарувчи хўжалиққа ўта бошлади. Айнан шу ҳолатни акс эттирувчи ёдгорликлар комплекси Зарафшоннинг қуйи ҳавзаларидан топилган. Бу жойлардаги маҳаллий аҳоли хўжалиги (Калтаминор маданияти) базасида илк бор ишлаб чиқариш хўжалиги асосида қурилган «Замонбобо маданияти» таркиб топди.

Замонбобо маданиятининг таркиб топишида Ўрта Осиёнинг жанубий минтақалари хўжалиқ ихтиролари таъсири катта роль ўйнаган, унинг археологик комплекси бу ҳақда гувоҳлик беради. «Замонбобо маданияти» аслида илк бронза даврига тегишли бўлиб, у билан Калтаминор маданиятини боғловчи бир неча (Мохондарё ҳавзасида) манзилгоҳлар топиб ўрганилган²⁵. Уларни ишонч билан энеолит даври ёдгорликлари сирасига киритиш мумкин.

Зарафшон водийсининг энеолит ва бронза даврига оид ноёб объекти унинг бошланиш қисмидан топиб ўрганилган «Саразм маданияти»дир. Саразм маданияти соҳибларининг хўжалиги суғорма дехқончилик асосида қурилган бўлиб, у Жанубий Туркманистоннинг энеолит даври ёдгорликлари Номозгоҳ маданияти сирасига киради²⁶. Ёдгорлик кўп ма-

²¹ Дж у р а к у л о в М. Дж. Стоянка эпохи неолита в Сазагане // ОНУ. 1972 № 8; Е г о ж е . Раскопки стоянки Сазаган // АО-1980. М., 1981; Е г о ж е . Исследование стоянки Сазаган-2 // АО, 1982 года. М., 1984; Дж у р а к у л о в М. Дж., Х о л м а т о в Н. У. Мезолит и неолит Среднего Зарафшана. Ташкент, 1991.

²² К а с ы м о в М. Р. Кремнеобрабатывающие мастерские и шахты каменного века Средней Азии. Ташкент, 1972; М и р с а а т о в Т. Древние шахты Учтута. Ташкент, 1973; Е г о ж е . Горные разработки в эпоху камня. Ташкент, 1977.

²³ К а б и р о в Ж. Сармишсойнинг қоятошлардаги суратлари. Тошкент, 1976.

²⁴ Гулямов Я. Г., Исламов У., Асқаров А. Первобытная культура низовьев Зарафшана. Ташкент, 1966.

²⁵ Ўша жойда. 167-170-бетлар.

²⁶ И с а к о в А. И. Саразм. К вопросу становления раннеземледельческой культуры Зарафшанской долины. Душанбе, 1990.

даний қатламли бўлиб, Зарафшон водийсида шаҳарсозлик маданиятини таркиб топишида, Суғдиёна цивилизацияси учун қадимий илдиз сифатида муҳим роль ўйнаган²⁷.

Зарафшон водийси бронза даврига келганда кенг кўламда ўзлаштирилди. Энди унинг нафақат адирли минтақалари, балки дашт ва чўл ҳамда бўлажак воҳалар худудлари ҳам ўзлаштирилди. Бу даврга келганда ибтидоий аجدодларимиз ҳаётида муҳим ижтимоий-иқтисодий ва этномаданий ўзгаришларнинг юз бериши жадал кечади. Жамият иқтисодий ҳаётида биринчи меҳнат тақсимооти юз беради, яъни ибтидоий деҳқончиликдан чорвачилик ажралиб чиқди ва бу хўжаликнинг икки тармоғи, икки йўналиши жойлардаги табиий географик шароит ва унинг экологик имкониятидан келиб чиқиб, мустақил ривожлана бошлади.

Зарафшон ҳавзасининг дашт ва чўл минтақаларида, чорва учун майсазор серўт яйловлар чорвадор аҳолининг хўжалик массивларига айланди. Чорвадор дашт қабилалари ёдгорликлари топилган минтақа географияси (Мўминобод, Чакки, Сазағон, Гуджайли, Қизил-қир, Дашти Казо ва бошқалар) фикримизни тасдиқлайди. Водийнинг баъзи бир чорвадор қабилалари тоғ ораларидаги воҳаларда ҳам учрайди. Масалан, Дашти Казо. Чунки, чўл минтақаси қабилаларининг бундай баландликда жойлашиши қадимги чорвадор металлургияларимизнинг тоғ-кон саноати ишлаб чиқариши билан боғлиқ эди.

Дарҳақиқат, энеолит давридан бошлаб, ибтидоий аجدодларимизни мис ва қалай, кўрғошин ва маргимуш конлари қизиқтириб келган. Улар аралашмасидан олинган бронза хом ашёсига бўлган талаб ҳар икки хўжалик соҳиблари учун ҳаво ва сувдек зарур эди. Шу боис бўлса керак, чорвадорларнинг Дашти Казода пайдо бўлиши, ўтроқ деҳқончилик маданияти соҳиблари саразмиларнинг Зарафшон водийсининг бош қисмига, Панжикентдан 50 км чамаси шарқда Ёри, Кончач, Жилоу конларига яқин жойлашиши бежиз эмас эди²⁸.

Дастлаб бу конлар саразмилар томонидан ўзлаштирилди, сўнгра бронза даврига келганда унга эгалик қилиш жангари чорвадор қабилалар кўлига ўтди. Қадимги бободехқонларни Саразмда қолишининг истикболи қолмайди. Саразмда кайнок шаҳар ҳаёти кескин қисқариб, унинг 100 гектарга яқин майдони харобага учрайди. Энди шаҳарсозлик маданияти билан боғлиқ янгидан-янги қадимги шаҳар марказлари Зарафшон водийсининг ўрта ва қуйи ҳавзаларига кўчади.

²⁷ А с к а р о в А. Қадимги Суғд цивилизациясининг ижтимоий-иқтисодий ва этномаданий излари. 35-39-бетлар.

²⁸ А с к а р о в А. Ўша асар, 39-бет.

Бронза ва илк темир даврининг ана шундай қадимги шаҳарсозлик маданияти марказларидан бири Кўктепа ёдгорлиги бўлиб, у Самарқанддан 35 км чамаси шимоли-ғарбда жойлашган. Кўктепада олиб борилган археологик тадқиқотлар натижаларига кўра, ушбу объект Зарафшон водийсида илк бор таркиб топган шаҳарсозлик маданиятининг ноёб ёдгорлигидир. Бу жойда археологларимизнинг таъбири билан айтганда, илк шаҳарга хос барча белгилар бор ва улар ўрганилган²⁹.

Қадимги шаҳарсозлик маданиятига тегишли материаллар Афросиёбнинг пастки қатламларида, Лолазорда, Хўжа Бўстон қадимги шаҳар харобасида топиб ўрганилди. Топиб ўрганилган қадимги ёдгорликлар тарихий-археологик таҳлилига кўра, Зарафшон водийсининг кенг кўламда ўзлаштирилиши сўнгги бронза ва илк темир даври билан характерланади. Айнан шу даврда воҳа чорвадор қабилаларининг ўтроқ ҳаётга жадал ўтиши, водийнинг уч воҳасини (Самарқанд, Бухоро, Қорақўл) шаклланиши юз беради.

Водийнинг Самарқанд воҳаси «Авесто» да таъкидланишича, суғдиллар Гаваси (юрти) номи остида шаклланади. Ўлка Суғдиёна аталиб, бу атаманинг ҳудудий доираси Бухоро, Қорақўл воҳаларига, ҳатто, Қашқадарё ҳавзалари томон кенгайиб, антик даврга келганда Суғдиёна ҳудуди бутун Зарафшон ва Қашқадарё ҳавзаларини қамраб олади.

Зарафшон ва Қашқадарё ҳавзаларини ўраб олган тоғларда ўтмиш маданиятимизнинг яна бир моддий маданият обидалари борки, улар фанда турли даврларга оид қоятош суратлари номи билан бизгача етиб келган. Улар тоғ дараларидан оқиб тушган сой ёқаларида қад кўтарган қояларда ўз аксини топган. Ана шундай қоятош суратлар галерияси Навоий вилоятининг Сармишсой қояларида жамланган³⁰.

Сармишсой қоятош суратлари хронологик жihatдан бир неча тарихий даврларда ноёб санъат асари, тотемистик диний топиниш маскани, қадимги уруғ-жамоалари ёш авлодининг турли ҳайвонлар табиати билан таништириш мактаби, бахорги Наврўз ва кузги Меҳржон байрамлари ўтказиш сайилгоҳи, улардаги композицион сюжетлар чорвадор аҳолининг хўжалиги ҳақида бой маълумотлар беради. Сармишсой қоятош суратларининг энг қадимий қатлами неолит даврига тегишли, сўнгги суратлар антик ва илк ўрта асрларда яратилган. Ҳозирги кунда бу ноёб ёдгорлик давлат аҳамиятига молик археологик қўриқхонага айлантирилган.

Шундай қилиб, Зарафшон водийси моддий ва маънавий маданият ёдгорликларининг кўплиги, хилма-хил ва турли даврларга оидлиги би-

²⁹ И с а м и д д и н о в М. Х. Истоки городской культуры Самаркандского Согда. Ташкент, 2002.

³⁰ К а б и р о в Ж. Сармишсойнинг қоятошлардаги суратлари. Тошкент, 1976.

лан Ўрта Осиё маданият тарихида муҳим ўрин тутди. Унинг худуди қадимги тош даврининг мустье босқичидан эътиборан ажодлар макони ва маскани бўлиб келди. Қадимги маданиятларнинг хилма-хиллиги, ҳар бир давр ва уларнинг тарихий кетма-кетликда интенсив ривож топган босқичлари инсоният тарихига катта маданий мерос қолдирди. Бу жуда бой ва хилма-хил маданий мерос хозиргача ҳеч ким томонидан умумлаштирилмаган ва аниқ бир илмий тизимга солилмаган ҳамда махсус тадқиқот объекти сифатида тадқиқ қилилмаган. Бу бой тарихий ва маданий мерос талқини ва илмий таҳлили уларнинг муаллифлари томонидан яқингача марксистик методология асосида тадқиқ қилиниб келди. Дарҳақиқат, улар собиқ совет даври мафқураси талаби асосида таҳлил қилиниб, кўп ҳолларда бугунги замон талабига жавоб бермайди. Улар янги талқин ва таҳлилга муҳтож. Мавжуд материалларни янги қарашлар ва ёндашувлар замон талаби асосидаги илмий таҳлилдан ўтказиб, уларни тарихий кетма-кетликда умумлаштириш ушбу мавзунинг ўта долзарблигини таъкидлайди.

Мустақиллик йилларида Самарқанд Давлат университети археологлари томонидан ўрганилаётган Зарафшон водийсининг Сазагонсой минтақасида неолит ва энеолит ҳамда бронза даврига оид қатор янги объектлардан топилган ашёвий далиллар ва ёдгорликларнинг стратиграфияси Зарафшон водийсининг ибтидоий давр тарихини ёритишда умумий тарихий тавсифлардан аниқ стратиграфик кузатувлар асосидаги объектив қарашлар ва археологик таҳлиллардан ўтказишни талаб этади.

Д. Джуракулова

Из истории археологического изучения памятников эпохи камня и бронзы Зарафшанской долины

Статья посвящена вопросам историко-географического расположения Зарафшанской долины и ее последовательного освоения человеком. Обобщены вековой вклад ученых по исследованию памятников первобытной культуры региона, начиная с эпохи среднего палеолита и эпохи палеометалла. Дается новая интерпретация сложных, многогранных и своеобразных историко-культурных процессов, происходивших на протяжении длительных исторических периодов. Установлено, что данный регион освоен человеком с древнейших времен, а его культура является автохтонной и прошла в своем развитии ряд последовательных этапов.

D. Djurakulova

Zerafshan valley and from archeological researches of stone and bronze epoch

This abstract is dedicated to historical – geographical location of Zerafshan valley and it's further settlement by human. The abstract includes long year researches of the first monuments of the culture of the valley, beginning from the epoch of the middle paleolit to epoch of paleometal's. Author interprets historical-cultural processes, which were held during the long historical periods and makes a conclusion that, this valley was settled by human from ancient times and it's culture is avtohtonian and past many steps during development process.

С. Шодмонова

ТУРКИСТОННИНГ ИЛК РАСМИЙ МАТБУОТИ ТАРИХИДАН («Туркестанские ведомости» газетаси мисолида)

Даврий матбуот тарихий манбаларнинг бир тури бўлиб, муҳим тарихий воқеа ва ходисалар тўғрисида маълумотлар беради. Даврий матбуотнинг ҳар бир нусхасида кўпгина маълумотлар жамланган, унда расмий буйруқ ва фармойишлар, статистик, этнографик маълумотлар, турли мавзуларда хабарлар чоп этиб борилган. Хусусан, XIX асрнинг охири XX аср бошларида Туркистонда чоп этилган даврий матбуот саҳифаларидаги маълумотлар Туркистон тарихини ўрганишда муҳим манбалардан ҳисобланади, чунки уларда тадқиқотчи ўша давр замондошлари ва воқеа гувоҳларининг хилма-хил қарашлари ҳамда фикрлари билан бевосита таниша олади. Бундан ташқари, берилган маълумотлар матбуотда бериб борилган, материаллар муайян мақсадда танланиб, систематик равишда чоп этилган, шунингдек, улар анча яхши сақланган ҳолда бизгача етиб келганлиги ҳам тадқиқотчиларга улардан унумли фойдаланиш имкониятини беради. Айниқса, бу даврга келиб газета халққа ахборотни тез ва самарали етказувчи асосий восита эканлигини жаҳон тажрибаси исботлаган эди. Маълум бир ижтимоий-сиёсий гуруҳлар газетадан халққа ўз фикр-мулоҳазаларини етказиш ва шу орқали ўз тарафдорларини кўпайтириш мақсадида фойдаланганлар.

Туркистонни босиб олган Россия империяси ҳам ўз ҳукмронлигини мустаҳкамлаш учун бир восита сифатида ўлкада матбуот ташкил этиш-

га киришган эди. Матбуотнинг ижтимоий-сиёсий аҳамиятини англаган Россия империяси ҳукумати бу борада маълум тажрибага эга эди. Туркистонда 1870 йилдан бошлаб чоп этилган тўнғич газета «Туркестанские ведомости» газетаси расмий ва даврий нашр бўлиб, ўлкадаги ҳукумат манфаатлари асосида ташкил қилинган эди. Бу газета ўлкани ҳар томонлама ўрганиш ҳамда рус аҳолисини Туркистон ҳаёти билан таништириш, уларга маданий, иқтисодий, ижтимоий хабарлар бериш мақсадида ташкил этилган эди.

«Туркестанские ведомости» газетасининг олдида куйидаги аниқ вазифалар кўйилган эди: газета ҳукумат қарор ва буйруқларини эълон қилиши, Туркистонни ҳар томонлама ўрганиши, бунинг учун эса кўпроқ жиддий илмий мақолаларни чоп этиши керак эди. Газетада беллетристлик мақолалар, повесть, романлар босилмаслиги, бундан ташқари, газетадан шахсий тортишув минбари сифатида фойдаланиш ман қилинган эди¹.

Газета муҳаррирларининг кўпчилиги касби, маълумоти жихатидан ҳарбий бўлиб, хизмат юзасидан Туркистон ўлкаси ҳаётини кенг ўрганишган. Масалан, газетага 1870-1892 йилларда муҳаррирлик қилган Н. А. Маев пиёда зобити, 1892-1899 йилларда газетанинг таҳрири билан шуғулланган А. П. Романович денгиз зобити бўлган.

Шу билан бирга XX асрнинг бошларига келиб, ҳарбийлардан ташқари бошқа мутахассислар ҳам муҳаррир этиб тайинлана бошлаган эди. Газетага 1901-1907 йилларда муҳаррирлик қилган Н. Г. Маллицкий Петербургдаги тарих-филология институтини тугатган эди.

Газетанинг 1870 йилда 17 та сони, 1871 йилдан ҳафтасига 1 марта, 1903 йилнинг охиридан ҳафтасига 3 марта, 1907 йилнинг мартдан июлигача 4 марта, 1907 йил июлидан ҳар куни чиқиб турган эди.

Газета 1881 йилнинг охиригача Туркистон генерал-губернаторлигига қарашли босмахонада, 1881 йилнинг охиридан 1900 йилгача хусусий босмахоналарда (С. И. Лахтин, ака-ука Каменский, О. А. Порцев босмахоналарида), 1900-1917 йилгача яна Туркистон генерал-губернаторлиги канцеляриясига қарашли босмахонада чоп этилган эди.

«Туркестанские ведомости» газетаси хабарлари мазмун жихатидан расмий ва норасмий қисмларга бўлинган. Расмий қисмда Туркистон генерал-губернаторларнинг буйруқ ва фармойишлари босилиб чиққан. Газетанинг норасмий қисмида ўлка тарихига, географиясига, маданий ҳаётига оид мақола ва хабарлар, статистик маълумотлар берилиб борилган. Шунингдек, газетада «ички ахборот», «маҳаллий ахборот», «халқаро ахборот», «фельетон» бўлимлари ташкил этилган эди.

«Туркестанские ведомости» газетаси саҳифаларида чоп этилган мақолалар муаллифларига тўхталиб шуни қайд этиш лозимки, газе-

¹ ЎзР МДА, И. 1-фонд, 8-рўйхат, 385а-иш, 1-варак.

та Туркистон генерал-губернаторлигининг расмий органи бўлса-да, унинг саҳифаларида Н. А. Северцев, А. П. Федченко, И. В. Мушкетов, В. Ф. Ошанин, В. В. Бартольд, Н. А. Маев, А. Д. Гребенкин, А. П. Хорошхин, Н. С. Ликошин, Г. А. Арандаренко каби тадқиқотчиларнинг маълумотларга бой, қизиқарли мақолалари доимий равишда чоп этилган ҳамда ушбу мақолаларнинг баъзилари кейинчалик алоҳида китоб ҳолида босиб чиқарилган². Мақолалар Туркистон ҳаётининг турли жабҳаларига оид бўлиб, Туркистон ўлкасидан мустамлака сифатида унумлироқ фойдаланиш мақсадларида ёзилган. Газетада чиқаётган мақола ҳамда маълумотларнинг асосий муаллифлари ҳарбийлар эди. Газетада чиққан кўплаб мақолаларнинг муаллифи бўлган редактор Н. А. Маев штабс-капитан эди (1892 йилда муҳаррирликдан кетганда генерал лавозимида эди). Туркистон халқларининг этнографиясига оид кўплаб мақолалар муаллифи А. П. Хорошхин эса подполковник эди, бундай мисолларни кўплаб келтириш мумкин. Газетада Туркистон ўлкасининг карта ва планлари ҳам мунтазам равишда бериб борилган эди.

Мазмун жиҳатдан газета саҳифалари жуда серқирра маълумотларга бой бўлиб, ўлканинг табиати (тоғ тизмалари ва уларнинг геологик таркиби, ўсимлик ва ҳайвонот дунёси), кўчманчи ва ўтроқ аҳолининг этнографик хусусиятлари, археологияга оид қидирув ишлари, халқ оғзаки ижоди, маҳаллий аҳолининг савдо-сотик ва ишлаб чиқариш фаолияти, метеорологик кузатувлар, ўлгага кўчиб келган русий забон аҳолининг ҳаёти ва турмуш тарзига оид қизиқарли материаллар эълон қилинган эди.

Масалан, газета саҳифаларида унинг муҳаррири Н. А. Маев ўз йўл хотираларини ёзиб боради, уларда халқнинг урф-одати, яшаш тарзи, маданияти, жойлар табиати ва тарихи тўғрисида қизиқарли маълумотлар мавжуд³. 1874 йилда Бухоро хонлигидаги Шаҳрисабз, Қарши ва Бухорога қилган экспедиция натижаларини ҳам мақола тарзида газетада бериб борган эди⁴.

Ўз тадқиқотларида Туркистон ўлкаси воҳалари, йўллари ва тоғлари табиати ҳамда ҳаётини ўрганган Г. А. Арандаренко ҳам газетада ўз

² Маев Н. А. Туркестанская выставка 1886 г. Ташкент, 1886; Е го ж с. Туркестанская выставка предметов сельского хозяйства и промышленности в Ташкенте 1890 г. Ташкент, 1890 и др. Арандаренко Г. А. Досуги в Туркестане. СПб., 1889; Хорошхин А. П. Сборник статей, касающихся Туркестанского края. Ташкент, 1874 и др.

³ От Ташкента до Верного. 1871. № 27; От Самары до Ташкента. 1872. № 3-7; Верхнее течение Амударьи. 1880. № 12, 17, 21.

⁴ Краккие сведения о результатах гиссарской экспедиции. 1875. № 28; Географический очерк Гиссарского края и Кулябского бекства. 1877. № 7; Город Карши. 1878. № 24, 25; Долина Сурхана. 1878. № 36; Степные пути от Карши к Амударье. 1880. № 38, 40.

мақолаларини эълон қилиб борган⁵. Шуни айтиб ўтиш керакки, у узок вақт Зарафшон воҳасида яшаган ва аҳоли турмуш тарзи билан бевосита танишган. У Магиан, Фароб ва Қиштут волостларини бошқарган, аввал Жиззах кейин Самарқанд уезди бошлиғи лавозимида ишлаган Г. А. Арандаренконинг «Туркестанские ведомости» газетасида эълон қилинган мақолалари алоҳида китоб ҳолида чоп этилган⁶.

«Туркестанские ведомости» газетаси ишида фаол иштирок этганлардан яна бири А. П. Хорошхин бўлган. Маҳаллий тилни яхши билган А. П. Хорошхин борган жойларининг топографияси ва этнографияси билан қизикқан. «Туркестанские ведомости» газетаси ташкил этилгунга қадар у тадқиқоти натижалари сифатида мақолаларини «Русский Инвалид» ва «Военный сборник»да эълон қилиб турган эди. Унинг фақат «Туркестанские ведомости» газетасида эълон қилинган мақолалари асосида «Туркистон ўлкасига тааллуқли мақолалар тўплами» номли китоб чиқарилган⁷.

Зарафшон воҳаси этнографиясига оид кўплаб қимматли маълумотларни Россия империяси армиясининг зобити, кейинчалик Каттақўрғон бўлимининг бошлиғи этиб тайинланган А. Д. Гребенкин мақолаларидан олиш мумкин. Ўша жойда яшаган тожиклар, ўзбеклар, лўлилар ва бошқа халқларнинг урф-одатлари ҳамда яшаш тарзи билан яқиндан таниш бўлган муаллифнинг тадқиқот натижалари газета саҳифаларида мақола сифатида эълон қилган⁸.

«Туркестанские ведомости» газетаси фаолиятида рус шарқшунос олимлари ҳам фаол иштирок этишади. Шундай олимлардан бири форс ва маҳаллий тилларни яхши билган А. Л. Кун бўлиб, унинг ушбу газета саҳифаларида тарих ва маданиятга оид қатор мақолалари чоп этилган эди⁹.

⁵ Ирригация Туркестанского уезда. 1874. № 26; О метеорологических познаниях у туземцев. 1877. № 22; О кредите у туземцев. 1877. № 44, 45; Х а л и ф а Х а с а н . Биографический очерк. 1877. № 10; Малонизвестные города Зеравшанского округа. 1878. № 13; Народный суд у туземцев. 1879. № 17-20, 28; Между туземцами степного уезда. 1880. № 2, 5; Роль населения в довольствии войск. 1885. № 5, 6; Зеравшанские заметки. Лесной вопрос. 1886. № 1.

⁶ А р а н д а р е н к о Г. А. Досуги в Туркестане. СПб., 1889. – 666 с.

⁷ Х о р о ш х и н А. П. Сборник статей, касающихся Туркестанского края.

⁸ Таджики. 1871. № 15, 17-21; Узбеки. 1871. № 36, 39, 40, 41, 42; Ремесленная деятельность таджиков Зеравшанского округа. 1871. № 31; Родословная мангытской династии. 1871. № 14; Этнографический очерк Зеравшанского округа. 1871. № 44; О гончарном промысле в Зеравшанском округе. 1874. № 8, 9.

⁹ Коран Османа. 1870. № 1; Описание печатей Хивинских ханов. 1873. № 40; Научные работы во время Хивинского похода. 1873. № 50; Город Хазар-Асп. 1874. № 2; От Газавата до Ташхауза. От Ташхауза до Ильяли. 1874. № 3; От Ильяли до Куны Ургенча. 1874. № 6; От Кунграда до Чимбая. 1874. № 9; От Гурлена до Шавата. 1874. № 12; От Ургенча до Ханков. 1874. № 14.

Туркистон ўлкаси қадимий ёдгорликлари, халқнинг ҳаёти ва урф-одатларини катта қизиқиш билан ўрганган яна бир шарқшунос олим Н. Н. Пантусов газета ишида ўз мақолалари билан фаол иштирок этди¹⁰. Н. Н. Пантусов ўз мақолаларига тўлиқ исмини ёзмасдан П ҳарфи қўяр эди.

Фарғона вилояти Наманган уездида рафиқаси билан бирга маҳаллий аҳоли орасида истиқомат қилган артиллерия зобити В. П. Наливкин маҳаллий аҳолининг турмуш тарзи, урф-одатлари, хўжалик ҳаёти ҳақида қимматли маълумотлар тўплаган эди ва бу маълумотлар асосида «Туркестанские ведомости» газетаси саҳифаларида мақолалар чоп этган эди¹¹.

Н. П. Остроумовнинг Туркистон ўлкасида таълим соҳасига оид мақолалари¹² шунингдек, ислом дини ҳамда Қуръони карим тўғрисидаги бир қанча мақолалари¹³ ҳам тадқиқотчиларга муҳим маълумотлар беради. Бундан ташқари, бу муаллиф «сарт» атамаси тўғрисида газетанинг бир неча сонларида мақола чоп этиб¹⁴, бу унда билдирилган фикрлар каттиқ баҳс-мунозараларга сабаб бўлган эди.

«Туркестанские ведомости» газетаси ишида ўз илмий мақолалари билан иштирок этган шарқшунос олим В. В. Бартольднинг Туркистон ўлкаси тарихи ва археологияси ҳақида тўплаган қимматли маълумотлари асосида тайёрланган мақолалари газета саҳифаларидан жой олган¹⁵. Бундан ташқари, В. В. Бартольднинг Туркистон археология ҳаваскорлари тўғрагида сўзлаган нутқлари мунтазам равишда газетада босиб борил-

¹⁰ Саманидский диргем 284 г. гиджры. 1873. № 7; К сведению нумизматов. 1873, № 43; Следы христианства в Туркестане. 1873. № 44; О податях и повинностях, существовавших в бывшем Кокандском ханстве, в последнее время Худоярхана. 1876. № 16; Сборы и пошлины в бывшем Кокандском ханстве. 1876. № 17; Теварихи-Шахрухие. 1876. № 30.

¹¹ Очерки земледелия в Наманганском уезде. 1880. № 11, 13, 15, 18, 19, 20, 21, 24; Вопросы туземного земледелия. 1880. № 33, 34; Заметки о лесном хозяйстве в Фергане. 1883. № 16, 17, 18; Школа у туземцев Средней Азии. 1889. № 32.

¹² Исторический очерк народного образования в городах и укреплениях бывшей Сырдарьинской линии и Туркестанской области с 1860 по 1867 год. 1881. № 30.

¹³ Что такое Коран? 1883. № 1, 2, 3, 4; Язык Корана. 1883. № 7; Уважение Мухаммеда к Корану и употребление его. 1883. № 8; Учение Корана. 1883. № 10; История текста Корана. 1900. № 46, 47, 49, 51, 53, 55, 57, 60, 62, 66, 70; Мир ислама, его прошлое и современное положение. 1912. № 75, 80, 85, 87, 91, 92, 94, 95, 97, 98, 101, 105, 116, 118, 120, 126, 133.

¹⁴ Значение названия «сарт». 1884. № 28, 29-31.

¹⁵ К вопросу об археологических исследованиях в Туркестане. 1894. № 5, 6, 7; Туркестанский край в XIII веке (По рассказу китайского путешественника). 1894. № 43, 44; Еще о слове «сарт». 1895. № 30; Ещё о христианстве в Средней Азии. 1896. № 36; По поводу проекта С. Ф. Ольденбурга. 1902. № 33; Джу-и-арзиз. 1904. № 45; К вопросу об изучении местных языков. 1906. № 63; К проекту восточного института. 1906. № 165.

ган ҳамда газетанинг «библиография» рукнида янги чоп этилаётган китоблар тўғрисидаги мулоҳазалари ва тақризлари бериб борилган.

Газетанинг норасмий бўлимида Туркистон ўлкасининг ижтимоий, маданий ҳаётига оид қимматли мақолалардан ташқари, Туркистон иқтисодий ҳаёти, унинг ҳайвонот ва ўсимлик дунёси, географиясига оид мақолалар ҳам эълон қилиб борилди. Бу мақолалар муаллифлари мутахассис олимлар бўлиб, улар тадқиқотлари натижасида табиий фанларга бир қанча янгиликлар олиб киришга муваффақ бўлдилар. Шундай олимлардан бири, 1868-1871 йилларда Туркистон табиатини тадқиқ қилган А. П. Федченко бўлиб, у Зарафшон воҳаси, Искандаркўл, Қўқон хонлиги, Олой тоғлари, Қизилқум ва Тошкент атрофларини ўрганиш натижасида ёзган мақолаларини «Туркестанские ведомости» газетаси саҳифаларида эълон қилиб борди¹⁶.

Шунингдек, ушбу газета саҳифаларида Туркистон қишлоқ хўжалиги муаммоларига оид материаллар ҳам мунтазам бериб борилган эди, айниқса, пахтачилик ва пиллачилик ҳақидаги маълумотлар доимий равишда чоп этилган эди. Бундан ташқари, тажриба участкаси – пахта майдони мудури бўлган А. И. Вилькинсинг ҳар йили бўладиган пахтакорлар съездида сўзлаган нутқлари ҳамда мақолалари мунтазам равишда эълон қилиб борилган¹⁷. Қишлоқ хўжалигига янги иқтисодий муносабатларнинг кириб келиши ҳамда бу соҳада янгича техниканинг ишлатила бошлаши, ўтказилган тажрибалар ва уларнинг натижалари ҳақида маълумотлар тез-тез учраб туради.

Газета саҳифаларида В. Ф. Ошанин томонидан ўлка географиясига оид қизиқарли мақолалар чоп этиб борилган¹⁸.

Маълумки, чор маъмуриятини ўлканинг қазилма бойликлари қизиқтирган ва бу борада кенг изланиш ишлари олиб борилган. Шунинг учун ҳам газетада турли конлар ҳақида маълумотлар бериб борилган¹⁹.

¹⁶ Заметки о верхнем Зеравшане. 1870. № 11; Заметки о флоре и фауне Зеравшанской долины. 1871. № 1; Заметки о степи Кызылкум. 1871. № 22; Заметки о паразитах человека, водящихся в Туркестанском крае. 1872. № 1, 2; Из Косана о путешествии по Кокандскому ханству. 1981. № 23, 26, 27; Карис. Подземный арык близ Пянджикента. 1870. № 15.

¹⁷ Опыты посева в Ташкенте китайского суходольного риса. 1891. № 48, 50; Предложение экономичных телеграфных линий из живых деревьев для Туркестанского края. 1889. № 13; Гренажная станция и опытная хлопковая плантация за 1885-1887 гг. 1887. № 42, 43; На съезде хлопководов. 1888. № 10; Съезд хлопководов. 1889. № 16, 17, 18; Несколько слов о гренажных станциях. 1889. № 12.

¹⁸ Зоогеографические задачи в Туркестане. 1880. № 6, 7.

¹⁹ Золотопромышленность в Туркестанском крае. 1871. № 23, 24; Нефтяные источники Ферганской области. 1882. № 33; О золотопромышленности в Семиречье. 1891. № 33; И в а н о в Д. По поводу возобновления каменноугольной промышленности в Туркестанском крае. 1882. № 22.

Бундан ташқари, газетада ҳуқуқий масалаларга алоҳида эътибор берилган ҳамда қозилик суди ва унинг фаолияти, никоҳ масалалари, адвокатлик иши тўғрисида қатор мақолалар бериб борилган, мақолалар муаллифлари Туркистонда хизмат қилаётган ҳуқуқий органлар амалдорлари бўлган. Шунингдек, баҳс ва мунозараларга сабаб бўлган мавзулар юзасидан мутахассисларнинг фикрлари бериб борилган²⁰.

Газетада таълим тизимида оид масалалар кенг ёритиб борилган. Уларда мадраса ва мактаблар, рус-тузем мактаблари, ҳунар мактаблари, янги усулдаги мактаблар фаолияти батафсил ёритилган²¹.

Газета саҳифаларида аҳолига тиббий ёрдам кўрсатиш масалаларига ҳам эътибор берилган. Масалан, шифохоналар фаолияти, уларнинг хисоботлари ҳамда врачлар кузатувлари, ўлканинг санитар ҳолати, эпидемик касалликлар ва уларнинг олдини олиш чоралари, дорихоналар фаолияти каби масалаларга оид мақолалар шулар жумласидан бўлиб, ўша даврдаги тиббиёт хизмати даражасини ўрганишда катта аҳамиятга эга²².

Бундан ташқари, газета турли илмий марказлар фаолияти натижаларини ҳам бериб борган. Масалан, метеорологик кузатувлар жадвали, Тошкент кимё лабораториясида қилинган таҳлиллар ҳақида Н. Б. Тейх-

²⁰ М и х а й л о в М. На суде казнев // Туркестанские ведомости. 1881. № 17; Ф е д о р о в с к и й М. По поводу статьи «На суде казнев»; А р а н д а р е н к о Г. О народном суде у туземцев // Туркестанские ведомости. 1879. № 17, 18, 19, 20, 28, 29.

²¹ О школьном образовании у магометан Средней Азии. 1875. № 30; 1876. № 47, 48; Р о с т и с л а в о в М. О настоящем положении мусульманских школ в Зеравшанском округе. 1876. № 31; Учебное дело в Туркестанском крае. 1880. № 34, 36; С м и р н о в Н. Педагогические злобы дня. 1881. № 42; Н е д е р и ц а Е. Учебное дело в Туркестанском крае. 1887. № 40, 41; 1888. № 2, 17; Н а л и в к и н В. Школа у туземцев Средней Азии. 1889. № 32; В а с и л ь е в Н. К вопросу о школьном образовании у современных мусульман. 1890. № 6, 7, 8.

²² Положение об амбулаторной лечебнице для туземных женщин и детей в г. Самарканде. 1885. № 37; Положение об амбулаторной лечебнице для туземных женщин и детей в Ходженте. 1886. № 13; П о с л а в с к а я А. Отчет о деятельности лечебницы для туземных женщин и детей за 1885 год. 1886. № 16; Отчет о деятельности лечебниц для туземных женщин и детей в г. Самарканде за 1885 год. 1886. № 16; Отчет о врачебной деятельности Ходжентской амбулаторной лечебницы для туземных женщин и детей (за 29.IX.86 по 1.I.88). 1888. № 44; Извлечение из отчета амбулаторной лечебницы для туземных женщин и детей в г. Андижане за 1888 год. 1889. № 46, 47, 48; Извлечение из отчета амбулаторной лечебницы для туземных женщин и детей в г. Коканде за 1888 год. 1889. № 50, 51; 1890. № 1; Извлечение из отчета Маргеланской амбулаторной лечебницы для туземных женщин и детей за 1891. 1893. № 9, 82, 86, 90. П а л и е н к о . О подготовке повитух из туземок. 1893. № 76; М а н д е л ь ш т а м А. М. По поводу проекта доктора Палиенко. 1893. № 84, 85.

нинг хабарларини кўриш мумкин. Турли илмий жамиятлар, хусусан, археология хаваскорлари тўгараги, табиий билимлар хаваскорлари тўгараги, богдорчилик жамияти ва бошқа жамиятларнинг ҳисоботлари, Туркистонда ва Россиянинг бошқа жойларида ўтказилган кўргазмалар ҳамда уларда Туркистоннинг иштироки, театр ҳаётига оид ва мусиқий оламга доир хабарлар алоҳида эътиборга молик.

Газетанинг молиявий аҳволига тўхталиб, шуни қайд этиш жоизки, унинг нашри билан боғлиқ харажатлар йилдан-йилга ўсиб борган эди.

«Туркестанские ведомости» газетасини чиқариш учун 12.000 рубл ажратилган эди (шундан 2500 рубл муҳаррир ва 1500 рубл муҳаррир ўринбосари учун иш ҳақи белгиланган эди)²³. 1886 йилдан бошлаб «Туркестанские ведомости» ва «Туркистон вилоятининг газети»ни чиқариш учун давлат томонидан йилига 7600 рубл ажратила бошлади. Нашрдан келадиган фойдалар эса давлат хазинасига тушиб, газета ўз билганича бу маблағларни ишлата олмас эди. «Туркестанские ведомости» газетаси 1893 йилгача ўртача ҳисобда йилига 50 та сони, 225 нусхада, бир варақдан чиқиб турди²⁴. 1893 йилдан эса газета Туркистон генерал-губернатори буйруғига кўра, ҳафтада 2 марта, йилига ўртача ҳисобда 100 та сони чиқа бошлади ва унга ажратилган 5690 рубл етарли бўлмай қолди. Газетага обуна йилдан-йилга ошиб борган ва сўнгги йилда 930 нусхага етган. Газета нашри билан боғлиқ сарф-харажатлар кўпайиб борган сари унда норасмий маълумотлар бериб бориш имкони камая бошлади.

Ғақатгина газета муҳаррирлари, айниқса Н. А. Маев ва А. П. Романович саъй-ҳаракатлари туфайли газетанинг норасмий бўлими сақлаб қолинди. Газета муҳаррирлари Н. А. Маев ва А. П. Романович ёзган мақолалари учун оладиган қалам ҳақларини ҳам газета ишига сарфланганлар. Ҳатто, газета таҳририяти улар яшаётган уйларда жойлашиб, фаолият юритган, бу эса ўз навбатида маълум қийинчиликлар туғдирган эди²⁵. Улар Туркистон генерал-губернатори ҳамда ҳарбий министрға бир неча бор газетанинг молиявий аҳволини яхшилаш тўғрисида сўраб мурожаат қилдилар²⁶. Лекин маъмурият буни эътиборга олмади. Бутун Туркистонда чиқадиган ягона газета Россияда чиқадиган губерния ведомостлари ҳуқуқларига ҳам эга эмас эди. Газетадан тушадиган даромад эса тўғридан-тўғри давлат хазинасига ўтказилиб юборилар эди.

²³ ЎзР МДА, И. 1-фонд, 8-рўйхат, 385-иш, 1-варақ.

²⁴ Ўша жойда.

²⁵ ЎзР МДА, И. 1-фонд, 3-рўйхат, 261-иш, 24-варақ орқаси.

²⁶ Ўша жойда, И. 1-фонд, 3-рўйхат, 261-иш, 11-15, 22-25, 34-варақлар, 34-варақ орқаси, 35-35-варақ орқаси.

Бундай қийин молиявий аҳволга карамасдан, газетанинг таҳририяти уни кенгайтиришга ҳаракат қилди. 1898 йилнинг ярмидан бошлаб «Туркестанские ведомости» газетаси бир ярим варақ ҳажмда чиқа бошлади, 1899 йилга келиб 1050 нусхада чиқа бошлади²⁷. Бу эса ортикча сарф-харажат қилишга олиб келди, қисман бу харажат генерал-губернаторлик махфий жамғармасидан копланди. Лекин ортикча харажатларнинг асосий қисми йилдан-йилга қарз ҳисобига ўтиб борди, 1899 йилнинг охирига келиб газета чиқаришдан кўрилган зарар 6864 рубл 23 коп. бўлди, 1900 йилда эса бу зарар 7414 рублга етди²⁸.

Чунки, газетага обунадан ва эълонларни чоп этишдан тушадиган даромадлар таҳририятга тушмасдан давлат хазинасига кетар эди. Ваҳоланки, газета таҳририятининг даромади йил сайин ўсиб борган. Масалан, 1891 йилда даромад 1683 рубл бўлган бўлса, 1899 йилда 8000 рублга етган эди.

1899 йилда газета таҳририятининг ҳисобига кўра, газета чиқаришга кетадиган харажат 8000 рубл бўлишини ҳисоблаб чиққан, яъни келадиган даромад кетадиган харажатни тўлиқ қоплар эди, аммо чор маъмурияти таҳририятга бундай имкониятдан фойдаланишга рухсат бермас эди. Газетанинг молиявий аҳволини бундай тарзда давом эттириш мумкин бўлмаганлигидан Туркистон генерал-губернатори 1899 йилнинг ноябридан бошлаб, бир неча маротаба расмий илтимос билан чиқиб, газета таҳририяти кўраётган даромадларни газета нашр қилинадиган генерал-губернаторлик нашриётида қолдиришни сўрайди²⁹.

1901 йил 4 январда «Туркестанские ведомости» газетасини чоп этишдан кўрилган даромадлар генерал-губернаторлик нашриётида қолдиришга рухсат берилади, ниҳоят газета молиявий томондан губерния ведомостларига тенглаштирилди. Лекин «Туркестанские ведомости» газетаси бир вилоятга эмас, балки бутун бир ўлкага хизмат қилаётгани ҳисобга олинса, унинг аввалгидек мураккаб молиявий аҳволда қолганлигини кўриш мумкин.

Чунончи, Туркистон генерал-губернаторлиги идораси қошидаги нашриёт оддийгина жихозланган бўлиб, бор кучини ишга солса-да, фақат хафтасига ўртача ҳажмдаги 6 бетлик газетанинг 2 та сонини чиқара олар эди холос. Газетани 8 бетлик қилиб чиқаришдан воз кечилди, чунки бунинг учун хусусий нашриётлардан шрифт (босма ҳарф) ижарага олиб туришга тўғри келар эди.

²⁷ Ўша жойда, И. 1-фонд, 8-рўйхат, 385а-иш, 2-варақ орқаси.

²⁸ Ўша жойда, И. 1-фонд, 8-рўйхат, 1609-иш, 26-варақ орқаси.

²⁹ Ўша жойда, И. 1-фонд, 27-рўйхат. 1609-иш, 27-варақ.

Хулоса қилиб таъкидлаш жоизки, «Туркестанские ведомости» газетаси молиявий қийинчиликларга қарамасдан ўз олдиға қўйган мақсадига эриша олди, айниқса газетанинг норасмий бўлимида эълон қилинган жиддий, ҳатто, илмий мақолалар Туркистоннинг ижтимоий-иқтисодий, сиёсий ва маданий ҳаётини ўрганишда муҳим манба бўлиб хизмат қилади. Бу Туркистондаги дастлабки газета ўлкани тадқиқ этган олимлар ва тадқиқотчилар, мутахассислар учун минбар бўлиб хизмат қилди. Газета, айниқса дастлабки 37 йилида шиддат билан фаолият юритди. 1907 йилгача, Н. Г. Маллицкий муҳаррирлик қилган давргача газета ўз вазифаларига содиқ қолиб, жиддий мақолалар чоп этган эди. Бу шубҳасиз, Н. Г. Маллицкийнинг шахси билан ҳамда унинг олимлар орасидаги обрў-эътибори билан боғлиқдир. Шунинг учун у муҳаррирлик қилган даврда газета саҳифаларида йирик олимларнинг мақолалари босиб борилди.

1907, 1908 ва 1909 йилларнинг биринчи ярим йиллигида газета фаолиятида сусткашлик (жимжитлик) юз берди. 1907 йилдан «Туркестанские ведомости» газетаси хусусий газеталарнинг рақобатини енгиш учун ҳар куни чиқа бошлади ва бу ҳолат унинг сифатига жиддий путур etkazди. Агар «Туркестанские ведомости» газетасининг 4 бетлик сонини босиш учун 67 рубл 66 коп. сарфланса, «Ташкентский курьер» газетаси 4 бетлик сонини чиқаришга 150 рубл сарфлар эди³⁰. Бу вақтда газетада фақат Туркистон генерал-губернаторининг ҳамда Сирдарё вилояти губернаторининг буйруқ ва фармойишлари, расмий эълонлар, телеграмма ҳамда хабарлар босилиб турилди, Туркистон ҳаётига оид мақолалар камдан-кам чиқадиган бўлди.

1909 йилнинг иккинчи ярмидан бошлаб, газетанинг ташқи кўриниши ва ички моҳияти ҳам бироз ўзгарди, газета формати (ҳажми) катталаштирилди, шрифт эса янгиланди. Лекин, таҳририят газета фаолиятини аввалги даражага чиқаришга муваффақ бўла олмади. Бунинг сабаби Туркистонда бу даврга келиб, хусусий газеталар сони кўпайишида ҳамда газетанинг энг яхши ходимлари бошқа газеталарга ўтиб кетишида эди. Газета таҳририяти ходимларининг бошқа газеталарга ўтиши фақат молиявий аҳвол билан боғлиқ бўлмай, хусусий газеталарда улар ўзларига қизиқарли бўлган муаммоларни кўтариб чиқиш имконияти кўпроқ бўлганидан ҳам келиб чиқар эди. Газета таҳририяти иложи борича газетанинг фаолиятини яхшилашга ҳаракат қилди. 1911 йилнинг 16 апрели

³⁰ Кудинава О. М. Некоторые вопросы развития русской официальной печати в провинции и «Туркестанские ведомости» // Вопросы журналистики. Сборник научных трудов ТашГУ. № 511. Ташкент, 1976. С. 132.

лидан 1 августигача газетанинг кечки сонлари чиқиши йўлга қўйилди, лекин обуначилар камлиги ва нашр учун маблағ етишмаганлиги туфайли унинг фаолияти тўхтатиб қўйилди. Шунга қарамасдан газета фаолиятининг охири вақтларгача унинг саҳифаларида Туркистон хаётининг турли жабҳаларига оид қизиқарли маълумотлар топиш мумкин ва бу мутахассислар учун тадқиқотларнинг манбавий асосларини кенгайтириш имконини беради.

С. Шодмонова

**Из истории официальной печати Туркестана
(на примере газеты «Туркестанские ведомости»)**

В статье прослеживается история возникновения первой газеты в Туркестане. На основе материалов периодической печати и архивных данных рассматривается история газеты «Туркестанские ведомости», анализируются финансовое состояние и деятельность первой газеты Туркестана.

S. Shodmonowa

**From the History of Official Press of Turkestan
(Based on History of «Turkestanskiye Vedomosti» newspaper)**

In this article are considered issues related to the history of establishment of first newspaper in Turkestan. Based on materials of Periodical Press and archive data is observed the history of «Turkestanskiye Vedomosti» newspaper. In addition to this based on same data is analyzed the financial condition and activities of first newspaper of Turkestan.

Этнология масалалари

Г. Зунунова

ОТРАЖЕНИЕ СИМВОЛИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ УЗБЕКОВ (на материалах махалля Ташкента)

Одна из важнейших задач этнографической науки – изучение традиционной духовной культуры народов мира во всем многообразии ее проявлений. На протяжении советского периода в Узбекистане религиозные верования и мифология считались пережитком «темного прошлого» и всегда трактовались односторонне. Лозунг «самоценности» узбекской культуры, ее уникальности как бы не распространялся на все, связанное с куклами, обрядами и другими проявлениями народного менталитета. В силу этого слой собственно этнической культуры истончался, и вакуум заполнялся инновациями, безразличными к ценностям и идеалам народа. Дискредитация старой культуры привела к отлучению узбекского народа от большей части своей исконной культуры. В 1990-е годы, сообразно росту этнического самосознания, обозначился обратный процесс: обращение узбекского народа к константам собственного мироощущения.

Как известно, этнический облик духовной культуры ее носителей складывается из различных компонентов – своего рода этнических показателей, признаков и определителей. В качестве отличительных этнических маркеров выступают религия и мифология. Их влияние распространяется не только на интеллектуальный аспект человеческого сознания, но и на эмоциональный и находит выражение в совокупности действий – обрядах и обычаях, определенных формах быта и традициях. Вера в сверхъестественное и потусторонний мир составляет стержень любой религии. «Не пытаюсь уже давно объяснить материальный мир – подчеркивает С. А. Токарев, – религия ... претендует на общее осмысление жизни ... и в первую очередь – на решение вопроса: откуда зло в мире и как с ним надо бороться»¹. Человечество на протяжении всей истории своего развития всегда пыталось защитить себя от «злого» и «чужого». Именно с этим обстоятельством связано большинство всевозможных мифов и играющих в них основную роль символов.

¹ Токарев С. А. Избранное. М., 1970.

Мостом, «ведущим ко всем величайшим достижениям человеческого духа», называл символ К. Г. Юнг. М. Элиаде указывал на первостепенную роль символа в мышлении как для архаического, так и для любого традиционного общества. А. Ф. Лосев считал, что символ «утверждает человека в вечности»². Загадочные, а порой вполне «понятные» и «естественные» символы встречаются нам повсюду. Но особенно широко символизм представлен в религиозных традициях и прослеживается с глубокой древности до наших дней.

Исследованию восприятия предметного мира религиозно-мифологическим сознанием членами традиционной общины, символического мышления, символов посвящены работы Л. Леви-Брюля, К. Леви-Стросса, Ю. Лотмана, Э. Б. Тайлора, Дж. Фрэзера, В. Тэрнера и др.³ Обычай и обряды, связанные с домом, одеждой, пищей, их знаковая, символическая роль явились объектом исследования Д. К. Зеленина, А. К. Байбурина, П. Г. Богатырева, Б. Х. Бгажнокова и др.⁴ К сожалению, научная литература Узбекистана располагает недостаточными сведениями о символических значениях предметов культуры в ритуальной жизни узбеков в теоретическом плане, хотя в работах отечественных ученых К. Ш. Шаниязова, М. А. Бикжановой, а также российских О. А. Сухаревой, Н. П. Лобачевой и др.⁵ можно почерпнуть богатый материал, связанный с символами и их значимостью.

Наша цель – на конкретных примерах рассмотреть способы бытия символа в образе жилища, одежды и пищи, роль символов-кодов в универсальной гармонизации взаимоотношений человека и мира, проследить механизм восприятия символа узбеками традиционной общины.

² Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1995.

³ Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1980; Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1985; Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000; Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М., 1989; Фрэнк Дж. Золотая ветвь. М., 1980; Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983.

⁴ Зеленин Д. К. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М., 1937; Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1978; Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971; Бгажноков Б. Х. Культ пищи и пищевой аниматизм // ЭО. 2001. № 2; Егуже. Культура эмпагии // ЭО. 2003. № 1.

⁵ Шаниязов К. Ш. К этнической истории узбеков. Ташкент, 1974; Бикжанова М. А. Мурсак – старинная верхняя одежда узбечек г. Ташкента // Памяти А. С. Андреева. Сборник статей. Сталинабад, 1960. С. 50; Сухарева О. А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (вторая половина XIX – XX вв.). М., 1982; Лобачева Н. П. К истории паранджи // ЭО. 1996. № 6.

Символы содержат в себе множество значений, позволяющих установить контакт между человеком и потусторонним миром, гармонизировать взаимоотношения с космосом. Рассмотрим этнографический материал с этой точки зрения.

Примером отражения религиозных верований, проецируемых на предмет или действия с ним, являются символы охранного характера, так называемые обереги. Оберегом у ташкентских узбеков зафиксированы трава исрик, красный перец. Обереги вывешивались на ворота или на двери домов от «сглаза». В махалле рассказали такую легенду: «Однажды злой завистливый человек пришел в дом и попросил напиться воды. Затем незнакомец ушел, а дом разрушился. Про этого человека стали говорить, что у него плохой глаз, так как он может сглазить то, что увидел. С тех пор, – считают информаторы, – и берет начало обычай подвешивать на дом оберег от плохого глаза»⁶. В этой легенде прослеживается идея защиты своего жилища от всего «плохого», «злого».

По мнению местного населения, своеобразной защитной энергией обладает рубашечка – сорокодневка («чилла-куйлак») для новорожденного, которая является оберегом. «Чилла куйлак» шили из светлой ткани, оставшейся от стариков. Верили, что ребенок доживет до их лет. С помощью старой одежды начинается довольно длительный процесс включения новорожденного в мир культуры, его «очеловечивание». «Категория старого в традиционной культуре отчетливо связывается со «своим», обжитым, освоенным. Старые поношенные вещи воплощали идею преемственности, передачи благ и ценностей от одного поколения к другому»⁷. (Здесь можно говорить о своеобразной мифологеме старости, о которой упоминает П. Л. Топорков⁸. Находясь на пути между жизнью и смертью, старая вещь подобна умирающему, который ещё находится среди живых, но уже видит мертвых и разговаривает с ними). Новая же одежда, как и все новое, в значительной степени принадлежала сфере «чужого», неосвоенного и таила в себе опасность, требовала своего окультуривания. По этой причине пропуская одежду, первый раз через голову, произносили охранительную формулу: «Бисмилло...».

Одежда рассматривалась религиозно-мифологическим сознанием как знаково-трансформационный комплекс. Это та «граница», одевая/

⁶ Полевые записи. Рахимов Вахоб. 1919 г. р. Махалля Янги Шахар, 1999.

⁷ Б а й б у р и н А. К. Этнические аспекты изучения стереотипных форм поведения и традиционная культура // СЭ. 1985. № 2. С. 36-46.

⁸ Т о п о р к о в А. Л. Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989, С. 97.

пересекая которую становилось возможным перемещение из одного измерения в другое. В то же время в народных представлениях одежда, непосредственно прилегающая к телу человека, является неотторжимой частью его носителя, отождествляется с ним, уподобляется ему, что отразилось в ряде поверий.

Узбечки Ташкента верили, что подшивание платья молодых женщин и малых детей до рождения следующего ребенка может привести к прекращению деторождения⁹. У узбеков Хорезма, например, «...когда на ребенка надевали первую рубашечку, подол её ни в коем случае не подшивали с тем, чтобы ребенок долго жил»¹⁰. У народов Памира невесте шьют пять-шесть платьев, подол которых не подшивается для того, чтобы она имела детей и удача не отвернулась от неё¹¹. Здесь прослеживается символическая причастность подола к животворящей силе женщины, к стихии плодородия. У узбеков и сейчас на покойника надевают саван с незашитыми боковыми сторонами¹².

Согласно верованиям узбеков, душа умершего могла навещать родных, превратившись в птицу или какое – либо животное, но могла и перевоплотиться -- войти в новорожденного. В прошлом в это верили многие народы мира. Так, африканские бальборра считали, что душа умершего родственника вселяется в первого новорожденного, появившегося на свет в этой семье¹³, а индейцы такулли полагали, что лекарь может непосредственно перенести душу умирающего обратно в семью и передать её первому родившемуся там ребенку¹⁴. У узбеков в Хорезме не так давно существовала «ловля душ», когда во время похорон очень старого и многодетного человека женщины, не имеющие детей, старались избавиться от этого недостатка, для чего старались перебежать дорогу похоронной процессии – «словить душу»¹⁵. Бездетная женщина-узбечка похищала рубашку многодетной, чтобы перенять детородные способности.

⁹ Бикжанова М. А. Одежда узбечек Ташкента XIX – начала XX века // Одежда народов Средней Азии и Казахстана. М., 1979. С. 134.

¹⁰ Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969., С. 92.

¹¹ Равнодоникс Т. Д. Очерки по истории одежды населения Северо-Западного Кавказа. Л., 1990. С. 40.

¹² Бабаев Н., Бабаева Л. Саван // Костюм народов Средней Азии. М., 1979. С. 129.

¹³ Игаревская Б. И. Старые и новые религии тропической Африки. М., 1964. С. 136.

¹⁴ Тейлор Э. Первобытная культура. М., 1939. С. 302.

¹⁵ Снесарев Г. П. Указ. соч. С. 126.

Защитной функцией обладал и белый цвет, который по традиции воспринимался как антитеза черному, тьме, злу, по-своему приближаясь к значению света, огня, средства, очищающего от скверны. Поэтому невеста во время свадебного обряда надевала белую нижнюю рубаху или платье, как бы символизируя смерть старого бытия и рождение нового. Надевая красное платье или платье с абровым узором, возможно, воспроизводящим змееногую и змеерукую богиню Ехидну¹⁶, она как бы воплощала свое возрождение в новом качестве и наделялась способностью приумножать человеческий род.

Обычай покрывания новобрачной шарфом или покрывалом в своем истоке имел значение оберега от козней злых духов и злых людей. Особым символом защиты женщины от вредоносных сил внешнего мира являлась паранджа. Многие исследователи связывают ее ношение с затворничеством женщин. Паранджа как бы сигнализировала о том, что женщина находится в пределах «своего» женского пространства, предназначенного ей традицией. Другими словами, женское покрывало выступало некоторым образом имитацией дома¹⁷. По представлениям членов традиционной общины, оно как бы заменяло стены дома, служа зоной ее безопасности. В этом прослеживается грань представлений, согласно которым паранджа и дом, с точки зрения охранительных функций, заменяли друг друга. Таким образом, из этого можно сделать вывод, что женское затворничество на Востоке лучше всего демонстрирует связь ислама с наследием вытесненных им религий.

Защищающие свойства одежды в целом усиливались и с помощью орнамента. При этом важно подчеркнуть, что в одежде магическим охранительным узором покрывались в первую очередь «отверстия», через которые всевозможные зловредные духи могли проникнуть к человеку: ворот, подол, рукава. В прошлом орнамент вышивался золотыми и серебряными нитями. Одежда и дополнительные обереги-украшения – все это должно было охранять человека за пределами его «крепости» – дома, во внешнем мире с присущим ему рассредоточенным в нем злым началом. «Охранявшая» человека одежда служила своего рода последней (а точнее первой) границей между ним, его телом и миром вокруг него.

Функциями границы обладали и значимые элементы жилища (те из них, которые обеспечивают статус дома, «делают жилище жилищем»). Такого рода функция присуща двери, порогу и т. д. Особенность символики дверей объясняется, видимо, тем, что содержание, приписываемое

¹⁶ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1988. С. 655.

¹⁷ Суворова А. А. Женщина и ислам // Индийская жена: Исследования, эссе. М., 1996.

им как граничным объектам, осложняется специфическим назначением: обеспечить проницаемость границ¹⁸. Такое противоречивое сочетание признаков обеспечило им статус особо опасных точек связи с внешним миром и соответственно их семантическую напряженность. Поэтому у ташкентских узбеков немалое значение придается замкам-запорам, которые призваны регламентировать связь с внешним миром.

Всем действиям у входа/выхода приписывается высокая степень семиотичности. Характерным способом маркирования начала (входа) и конца (выхода) является остановка перед порогом дома. В начале века в махалле Ташкента еще сохранялись дома с невысокой калиткой, когда входящий вынужден был делать поклон, что означало «ас-саляму-алейкум» (здравствуйте). Остановка перед домом часто сопровождалась молитвой¹⁹. Женщины, пришедшие в дом, бросали черную паранджу у порога, так как черный цвет символизировал несчастье, а в дом шли с пожеланиями добра. Покойника выносили в окно или в отверстие в стене, ибо считалось, что если его вынесли в дверь, то дух покойника возвратится вслед за живыми родственниками. Таких примеров в литературе много. Б. А. Литвинский связывает этот обычай с зороастризмом.

Если в обыденной жизни многие предписания имеют факультативный характер, то в обрядовой ситуации они становятся обязательными. Вход и выход приобретают особый смысл. В свадебной обрядности ташкентских узбеков порог накрывают белой тканью, когда невеста его переступает. Белый цвет символизирует счастье, светлую и чистую жизнь. Значимость порога подтверждается и тем, что после выноса покойника за порог ворот льют воду, чтобы несчастье не повторилось. Здесь семиотической нагрузкой наделяется вода, символизирующая реку, которая в представлениях ташкентских узбеков маркирует границу земного и потустороннего миров. В Ферганской долине за порог бросают кусок глины. Семиотической нагрузкой в начале XX в. в Ташкенте наделялась балка в доме. Если умирал человек, то по обычаю меняли одну из балок дома.

Дверь «встречает» каждого входящего в дом, т. е. «контролирует» вход и выход. Пересечение этой границы как в ту, так и в другую стороны было сопряжено с соблюдением ряда правил мифопоэтического плана, которые вошли как составная часть в узбекский этикет, в культуру общения.

¹⁸ Б а й б у р и н А. К. Жилище в обрядах и представлениях славян. Л., 1978.

¹⁹ Ш и ш о в А. «Сарты». Этнография // Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области. Ташкент, 1901. Т. IX.

Мифологизация границ проявляется и в ритуальных действиях, сопровождающих рождение ребенка (отпирание всех замков в доме, развязывание узлов), что, видимо, объясняется генитальной символикой.

Защитой обладает и пищевой символизм. Этноносители узбекской культуры наделяют хлеб свойствами оберега. Путник всегда берет с собой в дорогу лепешку, у изголовья младенца также кладут хлеб, который должен защитить от злых духов. Хлеб в мифологическом контексте осмыслялся как символ жизни. В первую очередь с ним связывались представления о достатке, семейном счастье, коллективной доле. Хлеб представляет собой концентрированное выражение своего домашнего, и шире – «своего» человеческого. Это тот необходимый минимум культуры, её олицетворение, с которым человек чувствовал себя в безопасности, находясь за пределами дома.

Из особого отношения к пище проистекают различного рода запреты, ограничения, правила. В традиционной узбекской культуре, как и во многих других, хлеб нельзя выбрасывать, наступать или садиться на него, так как ему приписывается статус «святости». По словам информаторов, если такое случится, то Аллах может прогневаться на человека и спустить на него какую-либо кару.

По мнению информаторов, пища как бы наделяется способностью сочувственного отношения к людям, к душам умерших, когда она забирает все плохое – грехи, болезни и т. д. Способность пищи брать болезнь на себя можно наблюдать и в обряде «киначи». В традиционной культуре причиной большинства болезней считается «плохой глаз» (куз тегди). Киначи, в основном, это женщины, снимающие «сглаз», вернее лечачие, и в том числе при помощи хлеба.

В ритуале общественного жертвоприношения пища представляет собой то жизненное начало, вокруг которого временно объединяются люди и боги. С её помощью снимается жёсткость бинарных противопоставлений. Пищевые приношения – своего рода тип сделки между человеком и божеством, когда жертва предлагается взамен тех или иных благ. Пища объединяет участников обряда, причём в круг общающихся обязательно включаются и божество, и духи предков и т. п., которые будто принимали участие в ритуальной трапезе. Являясь одним из образов мира, кулинарный символ в равной степени необходим как людям, так и мифологическим силам. Через приобщение к «мироподобной» пище каждый участник (и реальный, и воображаемый) получал свою часть ценностей этого мира, свою долю жизненной силы. Части, предназначенные богам, освящали, бросали в муку, закапывали в землю, оставляли у воды, подвешивали на дерево. Наделяя пищу важными антропо-

морфными свойствами, человек включает ее в число наиболее активных персонажей сложного действия, конечная цель которого – преодоление страха и тревоги, достижение внутреннего согласия и гармонии с миром и с самим собой²⁰. Примечательно, что в молитвах-обращениях к внешним силам перед ритуальной трапезой у Аллаха просят разрешения приступить к еде и благословить пищу, как бы приглашая его к столу («дастархану»).

Эти немногочисленные примеры раскрывают значение символов в качестве оберегов, показывают, как члены традиционной общины стараются защитить себя и свое жилое пространство от влияния негативных сил. Анализ символов материальной культуры свидетельствует о том, что в результате взаимодействия доисламской и исламской традиций в культуре узбеков сложилась своеобразная манера символотворчества, которая является средством гармонизации отношений «человек-мир». Несмотря на то, что идеи ислама и доисламских верований противостоят друг другу, мусульманский мир вобрал в себя множество символов и знаков, которые сегодня воспринимаются как часть исламской веры.

Как известно, «символотворчество» в той или иной мере присуще всем народам мира, что, на наш взгляд, связано со схожестью практически во многом верований самых разных народов.

В мировоззрении древнего человека важное место занимали первобытные религиозные верования, поглощенные на определенном этапе развития общественного сознания монотеистическими религиями.

Для первобытных религиозных верований характерны анимистические воззрения, представления о человеке как о «вместилище» незримых духа, души, способных перевоплощаться (реинкарнация). Человек воспринимается неотъемлемой частью природы. Неодушевленные предметы материального мира наделяются душой. Одушевление природы отражено в сложных пантеонах духов в верованиях любого народа, символических представлениях. В сознании древних людей человек, неодушевленные предметы и природа выступают в неразрывной взаимосвязи и развиваются по одним и тем же законам. Как нам представляется, именно поэтому в народных верованиях мир духов, природы и людей столь схож. Принципы взаимодействия человека и природы составляют содержание шаманизма и магии. Этим можно объяснить удивительное сходство домонотеистических верований различных народов мира, отголоски которых мы находим в религиозных традициях мировых религий, в том числе и в исламе.

²⁰ Бгажноков Б. Х. Культ пищи и пищевой аниматизм; Егуже. Культура эмпатии.

Все это подтверждает преэминентность теорий о первобытных религиях и проливает свет на механизм восприятия символов мифологическим сознанием человека.

Г. Зунунова

**Ўзбекларнинг диний-мифологик дунёқарашида
символик тасаввурларнинг акс этиши
(Тошкент шаҳри маҳаллалари материаллари асосида)**

Мақолада Тошкент шаҳри маҳаллаларида ўзбекларнинг символик тасаввурлари таҳлил этилган. Маълумки, анъанавий жамоа аъзоларининг турмуш тарзида символ-туморлар алоҳида ўрин тутди. Мақолада ушбу символларнинг уй-жойлар, кийим-кечаклар ва таомлар билан боғлиқлиги ҳамда уларнинг инсон ва жамиятнинг ўзаро муносабатлари, унинг ўзбекларнинг анъанавий жамоавий ҳаётида қарор топиши масалалари аниқ мисоллар билан ёритилган.

G. Zununova

**The reflection of the symbolic presentations in
religious-mythological consciousness of Uzbeks
(on material of the Tashkent's makhallas)**

In article is given analysis of the symbolic presentations of Uzbeks in of the Tashkent's makhallas. It is noted that members of the traditional commune always surrounded themselves by defensive symbols. In article on concrete example are considered symbols in image dwellings, clothes and foods, and their role in harmonization of the relations between person and world, also in the article is tracked the mechanism of the symbol perception by Uzbek traditional commune.

Тарихчи кутубхонасига

А. Дониёров, О. Бўриев

ЎЗБЕК ХАЛҚИ ҚАДИМИЙ ЭЪТИҚОД ВА МАРОСИМЛАРИНИНГ ТАҲЛИЛИ

(А. Аширов «Ўзбек халқининг қадимий эътиқод ва маросимлари». Тошкент: Алишер Навоий номидаги Ўзбекистон Миллий Давлат кутубхонаси, 2007. 275 б)

Ўзбекистонни миллий мустақилликка эришиши жамият ҳаётининг бошқа соҳаларида бўлгани сингари ижтимоий-гуманитар соҳасида ҳам кенг имкониятларни пайдо қилди. Тарихан қисқа, лекин асрларга татигулик ўтган давр ичида мамлакатимиз олимлари томонидан ўзбек халқи ва унинг давлатчилиги тарихига оид қатор эътиборга сазовор тадқиқотлар бажарилди. Ўз навбатида бу даврда этнолог олимларимиз янги тарихий тафаккур асосида самарали фаолият юритишлари натижаси тарзида этнос назарияси, этниклик, этногенез ва этник тарих, этнослараро муносабатлар таҳлилига оид қатор янги қарашлар ва назариялар шаклланди. Анъанавий ва замонавий этнослараро жараёнлар, ўзбек халқи этномаданияти, оилавий ва жамоавий турмуш тарзи ва маросимларини теран тадқиқ этиш борасида ҳам сезиларли ютуқлар қўлга киритилди. Шунингдек, ўзбек халқининг анъанавий турмуш тарзи билан чамбарчас боғлиқ бўлган қадимий диний эътиқод ва маросимларни этнографик материаллар асосида холисона ўрганиш ҳам долзарб илмий муаммо сифатида эътироф этилди. Бир сўз билан айтганда, истиқлол йилларида ўзбек халқи этнологиясида олдиндан белгилаб берилган бир андозадаги мафкуравий қолипсиз холисона илмий тадқиқотлар олиб бориш, фикрлар ва қарашлар ранг-баранглиги (плюрализм) асосида фаолият юритиш учун кенг йўл очилди.

Дунё халқлари каби ўзбек халқи маданий меросининг илк сарчашмалари қадимий эътиқодлар ва маросимлар билан чамбарчас боғлиқ. Шу боисдан ҳам Ўзбекистон ҳудудини умумбашарий цивилизациялар ва диний қадриятлар бешикларидан бири сифатида тан олинганлиги ҳам бежиз эмас.

Ўз навбатида шунини ҳам таъкидлаш керакки, жаҳон халқлари этнологиясида қадимги диний эътиқодлар тарихи мавзуси бўйича анчагина илмий изланишлар олиб борилган бўлса-да, аммо ўзбек халқи этнологиясида бу долзарб мавзу бўйича (XX асрнинг иккинчи ярмидаги – Г. П. Сне-

сарев, В. Н. Басилов ва бошқа айрим этнографларнинг тадқиқотларини ҳисобга олмаганда) замонавий руҳда ва тарихий-этнографик йўналишда кенг қамровли монографик тадқиқотлар ҳанузгача яратилмаган эди.

Қатор илмий тадқиқотлар, мақола ва рисолалар муаллифи истеъдодли ёш этнолог олим А. А. Ашировнинг яқинда нашрдан чиққан «**Ўзбек халқининг қадимий эътиқод ва маросимлари**» номли монографияси бу йўналишдаги теран тадқиқотлардан бири ҳисобланиб, бу соҳадаги мавжуд бўшлиқни тўлдиришга хизмат қилади.

Монография ўзбек халқининг қадимий диний эътиқод ва маросимлари тахлилига бағишланган бўлиб, унда Ўрта Осиё худудида исломгача бўлган қадимий диний эътиқодлар тарихий тараққиёти, эволюцияси ва анъанавий жамиятдаги излари борасида қатор янги қарашлар ва мулоҳазалар баён этилган.

Китобда илк маротаба ўзбек халқи турмуш тарзи билан чамбарчас боғлиқ бўлган оилавий маросимлар, хўжалик анъаналари, моддий маданиятда исломий ва исломгача бўлган диний эътиқодлар симбиози кўплаб тарихий-этнографик манбалар асосида муфассал ёритилган.

Ушбу монографик тадқиқот муқаддима, тўрт боб ва хулосадан иборат бўлиб, мавзуга доир 700 га яқин асарлар ва илмий тадқиқотларни қамраб олган, фойдаланилган манбалар ва адабиётлар рўйхати, асарда кўп бора ишлатилган тарихий-этнографик ва диний терминлар кўрсаткичи, инглиз ва рус тилларида асарнинг қисқача мазмунини акс эттирувчи резюме ҳамда тадқиқ қилинган минтақа – Фарғона водийси ўзбеклари анъанавий турмуш тарзи билан боғлиқ маросимларни акс эттирувчи рангли ва оқ-қора фотосуратлар илова тарзида берилган.

Асарнинг муқаддима қисмида ўрганилган мавзунинг долзарблиги, мақсад ва вазифалари ҳамда тадқиқотнинг энг муҳим манбавий асосларига атрофлича шарҳ берилган.

«Қадимги диний эътиқодлар ва динлар» деб номланган биринчи бобда тотемизм ва тотемистик маросимлар тарихи, эволюцияси, шомонлик эътиқоди ва унинг локал хусусиятлари ҳамда зардуштийлик дини билан боғлиқ удум ва маросимлар илмий таҳлил қилинган.

«Анъанавий оила турмуш маросимларда қадимий диний эътиқодлар» деб аталган иккинчи бобда ўзбек халқининг фарзанд туғилиши ва бола тарбияси билан боғлиқ маросим ва урф-одатларида қадимий диний эътиқодлар излари, никоҳ тўйи маросимларида афсунгарликлар ва қадимий эътиқодлар симбиози, мотам маросимларида архаик диний эътиқодларнинг излари этнографик материаллар асосида муфассал баён этилган.

Монографиянинг учинчи боби «Ўзбеклар хўжалик анъаналарида диний эътиқодий қарашлар симбиози» деб номланган. Ушбу бобда анъанавий деҳқончилик машғулотида аграр культлар ва қадимги диний эътиқодлар симбиози, чорвачилик билан боғлиқ маросимларда қадимий диний эътиқодлар излари кенг акс эттирилган.

«Ўзбек халқи моддий маданиятида қадимий диний тасаввурлар ва эътиқодий қарашларнинг архаик излари» деб номланган тўртинчи бобда эса тураржойлар билан боғлиқ урф-одатларда қадимий диний эътиқодлар, анъанавий миллий кийимларда қадимий диний тасаввурлар, афсунгарликлар ва маросим таомлари ҳамда уларнинг моҳиятига тўлақонли шарҳ берилган. Қолаверса, ушбу туркумга кирувчи кўплаб урф-одат ва маросимларнинг генезисига оид мулоҳазалар илмий истеъмолга олиб кирилган.

Китобнинг хотима қисмида эса юқоридаги ҳар тўрттала боблардан келиб чиққан мухтасар тарздаги якуний фикр-мулоҳазалар ва таклифлар ўзининг ёрқин ифодасини топган.

Тақриз қилинаётган монографияга муаллифнинг 1996-2006 йилларда Фарғона водийсининг Наманган, Фарғона, Андижон (Ўзбекистон), Ўш, Жалолобод, Боткент (Қирғизистон), Суғд (собик Ленинобод Тожикистон) вилоятларининг йирик қишлоқларида тўплаган дала этнографик материаллари, қадимий эътиқодлар ва дин тарихига бағишланган ёзма манбалар, кўплаб тарихий-этнографик адабиётлар, музей экспонатлари муҳим манбавий асос бўлиб хизмат қилганлиги диққатга сазовордир.

Шуни алоҳида таъкидлаш керакки, муаллифнинг кўп йиллар давомида ушбу йўналишда олиб борган илмий изланишлари натижаси тарзида нашр этилган ушбу монографияда ўзбек халқи анъанавий турмуш тарзи билан боғлиқ ўтказиладиган турфа хил урф-одат ва маросимларининг генезисига аниқликлар киритилганлиги ниҳоятда аҳамиятга моликдир.

Китобда ҳозирги даврда жамиятимиз барқарорлиги учун ниҳоятда муҳим аҳамиятга эга бўлган диний бағрикенглик (толерантлик) ни халқимизга хос бўлган азалий фазилат эканлиги аниқ тарихий-этнографик маълумотлар орқали асослаб берилган. Бир сўз билан айтганда ранг-баранг тарихий-этнографик маълумотларга бой ушбу монография кизиқарли ва равон тилда ёзилганлиги билан китобхон эътиборини ўзига жалб этади. Монографияда кўплаб янги мулоҳазалар ва қарашлар билдирилганини эътироф этган ҳолда ушбу китоб юзасидан айрим таклифларни ҳам билдириб ўтиш ўринлидир. Жумладан, бизнинг фикримизча,

китобда қадимий диний эътиқодлар ва материалларга оид энг муҳим атамаларнинг изоҳли луғати ҳамда қисқартма сўзлар рўйхати илова тарзида берилса мақсадга мувофиқ бўлар эди.

Хулоса қилиб шуни таъкидлаш жоизки, т.ф.н. А. Ашировнинг ўзбек халқи анъанавий турмуш тарзидаги қадимий диний эътиқод изларини тарихий-этнологик нуқтаи назардан тадқиқ этишга бағишланган ҳамда этнолог, диншунос ва тарихчи мутахассисларга, шунингдек, ўзбеклар этномаданий мероси билан қизиқувчи кенг китобхонларга мўлжалланган ушбу монографиясига халқимиз этник тарихи, ижтимоий-иқтисодий ҳаёти ва этномаданиятини ўрганишда муҳим манбалардан бири сифатида баҳо бериш мумкин. Умуман олганда, ушбу монографияни мустақиллик даврида ўзбек ва жаҳон этнологиясида эришилган тажрибалар ва сўнгги ютуқлар асосида яратилган тадқиқотлар сирасига киритса арзийди. Шунингдек, мазкур тадқиқот ўзбек халқи этнологиясига янги боб сифатида қўшилиши ва ҳозирги мустақиллик даврида миллий ўзликни англашга, халқимиз маънавий дунёсини янада бойитишга хизмат қилиши ҳам шакл-шубҳасиздир.

Н. Абдурахимова

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ С. АГЗАМХОДЖАЕВА
«ИСТОРИЯ ТУРКЕСТАНСКОЙ АВТОНОМИИ
(Туркистон Мухторияти)» / АН Республики Узбекистан,
Ин-т истории. – Ташкент. Издательско-полиграфическое
объединение «Тошкент Ислом университети». 2006. 268 с.**

Обретение Узбекистаном независимости благотворно сказалось на развитии гуманитарных наук, в частности, исторической, став мощным побудительным толчком к разработке актуальнейших тем, касающихся истории национально-освободительного движения в регионе. Среди них и проблема истории национального возрождения, выразившегося в стремлении народов Туркестана обрести национальную государственность, свободу и самостоятельность. Как известно, на протяжении многих лет история Туркестанской Автономии, вошедшей в историю под названием Туркистон Мухторияти, относилась к кругу не разрабатывае-

мых проблем или в лучшем случае получала извращенную оценку, отвечающую постулатам коммунистической идеологии.

Анализируя монографию профессора С. С. Агзамходжаева, мы можем сказать, что написано крупное по научной значимости и достоверности исследование, в котором рассмотрены формирование и развитие идеологии национально-освободительного движения, идеи автономии Туркестана, общественно-политические перемены в Туркестане после февральской революции и октябрьского переворота 1917 г., создание Туркистон Мухторияти как национально-демократической республики в Туркестане, навязывание большевистской модели государственного строительства в бывших окраинах Российской империи и др.

Послефевральские события рассматриваются с учетом специфики их проявлений в европейской и мусульманской среде населения. Такая постановка вопроса предпринимается впервые и здесь правомерно приоритетное место занимает рассмотрение роли национальной интеллигенции, выдвинувшей свою собственную модель развития и национально-государственного строительства. Формирование же этой модели показано в динамике на широком историческом фоне, начиная от просветительского этапа джадидизма до образования Краймуссовета – организатора и координатора всетуркестанского национального движения. Здесь получили характеристику основные политические организации и движения «Шурои Исломия», «Шурои Уламо», «Турон», «Иттифок ал-муслимин», «Партия туркестанских федералистов» и т. д. Таким образом, в работе представлена история создания общественных движений и национальных партий. Довольно детальную характеристику получили интересы в политической борьбе как местного населения, так и европейской общины.

Монография носит необычайно познавательный характер. Она содержит исчерпывающие сведения о том, почему и из-за каких внутренних противоречий потерпели поражение национальные демократы, как большевики захватили власть, хотя их было меньшинство, что собой представляла Туркистон Мухторияти и ее модель национально-государственного строительства.

Говоря о советской модели автономии, автор исследования прослеживает эволюцию этого понятия у большевиков, указывая, что она строилась не сразу, не было готовых рецептов, их не мог дать и марксизм, приходилось учитывать обстановку и настроение населения окраин России, нужно было напряженно поработать большевистским теоретикам, чтобы определить, что устраивает великодержавную политику

властей, а что можно бросить бывшим колониям в качестве моральной подпитки.

Монография написана живым и образным языком. Она знакомит с яркими личностями, творившими в тот период историю страны, такими как Махмудходжа Бехбуди, Мунаввар Кори, Убайдулла Ходжаев, Абдулла Авлони, Абдурауф Фитрат, и с теми, кто оставил негативный след в истории Туркестана – Колесовым, Тоболиным, Кобозевым.

Источниковая база исследования зиждется как на материалах национальной печати (ранее не изучавшейся, зачастую игнорировавшейся, хотя именно она содержит всю альтернативность мнений), так и на материалах официального характера, издаваемых Временным правительством. Поэтому сомневаться в объективности автора не приходится.

Работа отличается обоснованными теоретическими заключениями и выводами по всем поднимаемым вопросам. Это глубокое исследование, основанное на совершенно новом методологическом подходе.

Говоря об упущениях монографии, я могу отметить то, чем я не удовлетворена. Мой читательский интерес был не до конца погашен рассказом непосредственно о самой республике – Туркистон Мухторияти. Она существовала, конечно, недолго, но все же хотелось больше узнать о её внутренней жизни, о членах правительства, их взаимоотношениях и пр. Возможно, этот пробел работы определяется недостатком документального материала.

Очень важный вопрос, на мой взгляд, – это взаимоотношения туркестанских и бухарских джадидов. Он затрагивается в книге в связи с неучастием Абдурауфа Фитрата в туркестанских событиях, но лишь частично.

В целом ознакомление с монографией позволило мне сделать выводы о том, что научное исследование проведено на позициях предельной объективности и историчности. Впервые история Туркестанской Автономии (Туркистон Мухторияти) рассмотрена в полном объеме правдивости и научности. Это большой вклад в изучение отечественной истории Узбекистана и истории общественно-политической мысли в Центральноазиатском регионе. Поднят огромный пласт материалов национальной печати, ранее никогда не изучавшейся в таком объеме и в таком ракурсе. Считаю чрезвычайно полезным и своевременным выход в свет данной монографии.

Книга рассчитана на историков, юристов, политологов, преподавателей и студентов высших учебных заведений, а также всех интересующихся проблемами общественного и государственного строительства.

А. Хакимов

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ В. ЛУНЕВОЙ
«ЮВЕЛИРНОЕ ИСКУССТВО СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ
(I в. до н. э. – IV в. н. э.)»**

Вышедшая в свет в 2005 г. монография В. Луневой «Ювелирное искусство Северной Бактрии (I в. до н. э. – IV в. н. э.)» посвящена бактрийским ювелирным мастерским кушанского времени. В ней использованы ювелирные изделия, входящие в состав археологических комплексов, обнаруженных Узбекистанской искусствоведческой и Тохаристанской экспедициями на Дальверзинтспа, Ялангтуштепа, Кампыртепа, Айртама, расположенных в пределах современной Сурхандарьинской области.

Монография представляет собой аналитический труд, основанный на фундаментальной источниковедческой базе, в которой впервые в отечественной и мировой науке комплексно исследовано и изучено ювелирное искусство кушанского времени.

Особо отметим, что эта монография в отличие от всех предыдущих исследований по ювелирному искусству данного периода, где основной акцент делался на выявление искусствоведческой и исторической культурной значимости ювелирных украшений, раскрывает особенности создания их, что, как правило, оставалось за рамками исследователей. За основу своего исследования В. Лунева поставила изучение, в первую очередь, сырьевой базы изготовления ювелирных украшений из различных материалов, а также технико-технологической, что дало возможность более объективно выявить особенности местной бактрийской школы ювелирного искусства и элементы иноземного влияния в ней.

Работа состоит из введения, пяти разделов, заключения. Существенный вклад вложен в приложение, которое включает иллюстративный материал и таблицы к рисункам и спектограммам.

Важно отметить, что из выводов В. Луневой, полученных в результате комплексного исследования ювелирных изделий Северной Бактрии, наиболее значимым представляется заключение о существовании не только художественных, но и технологических особенностей «бактрийской» школы ювелирного искусства. Основанием для этого научного вывода послужили результаты исследований химических составов изделий и особенностей их создания. Следующий немаловажный вывод – доста-

точно высокий уровень развития бактрийских ювелирных мастерских, о чем свидетельствует разнообразие материалов и технических приемов мастеров ювелиров.

Автор отмечает и своеобразие бактрийской ювелирной школы, которое определилось, прежде всего, ее способностью органично перерабатывать влияние и взаимодействие других культур – Греции, Индии, скифо-сакских племен. Синтез местных традиций и привнесенных новых приемов, образов, форм и явился залогом высокой художественной культуры Бактрии.

В результате влияния иноземных художественных культур, органично слившихся с местными традициями, в Бактрии сформировался стилевой синтез, отличающий ювелирное искусство как значительное явление в художественной культуре Средней Азии.

Монография раскрывает научные проблемы кушанского ювелирного искусства в новом свете, дает ключ к разгадке многих его аспектов и импульс новому открытию в искусствоведении, истории художественных ремесел древнего Узбекистана.

Следует особо подчеркнуть, что в искусствоведческой науке до сих пор не было подобного обобщающего исследования, всесторонне охватывающего все аспекты ювелирного искусства Северной Бактрии.

Монография может быть рекомендована специалистам в области декоративно-прикладного искусства и музееведения. Отдельные ее разделы могут быть использованы в преподавании соответствующих курсов в высших учебных заведениях Центральной Азии. Результаты исследования смогут оказать помощь археологам и искусствоведам при обработке археологического материала, лечь в основу обобщающих очерков по истории ювелирного искусства Центральной Азии.

Все это характеризует научное значение монографии В. В. Луневой «Ювелирное искусство Северной Бактрии (I в. до н. э. – IV в. н. э.)» как важный вклад в изучение истории искусства Узбекистана.

Илмий ҳаёт

ТАРИХ ФАНЛАРИ БЎЙИЧА ИЛМИЙ ТАДҚИҚОТЛАРНИ МУВОФИҚЛАШТИРУВЧИ РЕСПУБЛИКА КЕНГАШИНИНГ ФАОЛИЯТИ ТЎҒРИСИДА

Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси Тарих институти ҳузуридаги тарих фанлари бўйича илмий тадқиқотларни Мувофиқлаштирувчи Республика кенгашининг 2007 йилда тасдиқлаш учун тақдим қилинган 100 дан ортиқ номзодлик ва докторлик мавзулари кўриб чиқилди.

Мазкур кенгашда муҳокама этилган тадқиқот муаллифлари республикаимизнинг кўплаб илмий ва ўқув муассасалари ходимлари ҳисобланади. Кенгашда қадимги даврдан бугунги кунгача бўлган давр бўйича ўз даврининг мутахассис олимлари, археологлар, этнологлар, тарихшунослар, манбашунослар, архившунослар иштирок этди.

Ушбу мавзулар кенгаш аъзолари томонидан энг аввало, бугунги кунда тарих фани олдида турган долзарб вазифалар ва Ўзбекистон Республикаси Вазирлар Маҳкамаси ҳузуридаги Олий Аттестация Комиссияси томонидан номзодлик ва докторлик диссертацияларига қўйилган талаблардан келиб чиққан ҳолда муҳокама қилинди. Муҳокама жараёнида кўпчилик мавзуларда тарихий тадқиқот объекти, даврий чегараси, илмий таҳлилий жиҳатдан ёндашувлар бўйича илмий раҳбар ва илмий маслаҳатчиларнинг етарли даражада эътибор бермаётганлиги кўрсатилди. Кенгаш аъзолари томонидан ушбу мавзуларни муҳокама қилиш жараёнида нафақат уларни тасдиқлаш, балки тадқиқотчиларга илмий, услубий жиҳатдан тўғри таклиф ва тавсиялар берилди. Кенгаш қарори билан қуйидаги докторлик ва номзодлик диссертацияларининг мавзулари тасдиқланди.

2006 йил 26 июндаги 1-сонли йиғилиш қарори билан тасдиқланган номзодлик диссертацияси мавзулари:

1. **Д. Болтабоев.** XII асрда Мовароуннаҳр ва Дашти Қипчоқ ўрта-сидаги ўзаро муносабатлар. Темурийлар тарихи Давлат музейи ходими.
2. **С. Эватов.** «Ансоб ус-салотин ва таворих ул-хавоқин» Кўқон хонлиги тарихини ўрганишда муҳим манба. Фарғона Давлат университети ўқитувчиси.
3. **М. Раҳмонқулова.** Ўрта Осиё китобат санъатида муқовасозлик тарихи (ўрта асрлар қўлёзма китоблари асосида). Темурийлар тарихи Давлат музейи ходими.

4. **Т. Худойқулов.** Қўқон хонлигининг XIX асрдаги ижтимоий-иқтисодий, сиёсий ва маданий ҳаёти. Тошкент Давлат техника университети ўқитувчиси.

5. **Г. Исабоева.** XIX асрда Қўқон хонлигида маданий ҳаёт. Тошкент Давлат техника университети ўқитувчиси.

6. **Л. Холназарова.** XIX аср – XX аср бошларида Бухоро амирлигида китобат ва кутубхоначилик тарихидан. Тошкент Давлат техника университети ўқитувчиси.

7. **М. Матёкубова.** XIX асрнинг иккинчи ярми – XX асрнинг бошларида Хива хонлигида китобат ва кутубхона тарихи. Урганч Давлат университети ўқитувчиси.

8. **Н. Кадилов.** История внедрения советских образовательных учреждений в Туркестанском крае (1867-1917 гг.). Мирзо Улуғбек номидаги Ўзбекистон Миллий университети ўқитувчиси.

9. **М. Зикруллаев.** «Шўрои уламо» жамиятининг ижтимоий-сиёсий ва диний-маърифий фаолияти. Тошкент Ислом университети ўқитувчиси.

10. **Ф. Раджабова.** Абдулқодир Мухитдиновнинг сиёсий ва илмий фаолияти. Самарқанд Давлат университети ўқитувчиси.

11. **О. Комилов.** XX асрнинг 20-йилларида Ўзбекистон миллий маорифидаги ўзгаришлар. Андижон Давлат университети ўқитувчиси.

12. **Б. Тожибоев.** Самарқанд вилоятида совет режимига қарши қуролли ҳаракат (1918-1924 йй.). Андижон Давлат университети ўқитувчиси.

13. **Ш. Давлатова.** Ўзбекистонда бошқарув структурасининг шаклланиши ва тараққиётида миллий масаланинг ўрни (XX аср 20-йиллари). Термиз Давлат университети ўқитувчиси.

14. **А. Шермаматов.** Хоразм Халқ Совет Республикасидаги маданий жараёнлар (1920-1924 йй.). Қарши Давлат университети тадқиқотчиси.

15. **Т. Мамажонов.** Совет ҳокимиятининг Фарғона водийси кишлоқ хўжалигида хусусий мулкчиликни чеклаш сиёсати ва унинг оқибатлари (1917-1929 йй.). Андижон вилояти Олтинқўл иқтисодиёт коллежи ўқитувчиси.

16. **А. Салмонов.** Ўзбекистонда мусулмон диний муассаса ва ташкилотлар фаолияти тарихи (1917-1950 йй.). Фарғона Давлат университети ўқитувчиси.

17. **Д. Кадилова.** История создания крымско-татарской диаспоры в Узбекистане. Андижон Давлат университети ўқитувчиси.

18. **Г. Алимова.** Ўзбекистонда урбанизация жараёнларининг хусусиятлари. Мирзо Улуғбек номидаги Ўзбекистон Миллий университети ўқитувчиси.

19. **З. Усарова.** Советская политика в области театрального искусства Узбекистана (1970-1990 гг.). Мирзо Улуғбек номидаги Ўзбекистон Миллий университети аспиранти.
20. **Р. Каюмова.** История комплектования ЦГА. Андижон Давлат Тиллар педагогика институти ўқитувчиси.
21. **И. Қўзиқулов.** Ўрта Осиёни чоризм томонидан истило қилинишининг этномаданий жараёнларга таъсири (Фарғона водийси материаллари асосида). Наманган Давлат университети ўқитувчиси.
22. **З. Расулова.** Брачно-семейные отношения узбеков города Ташкента: этнологический анализ (конец XX – начало XXI в.). ЎЗР ФА Тарих институти аспиранти.
23. **Ш. Нуруллаева.** Хоразм воҳаси ўзбеклари анъанавий кийимларининг этнохудудий хусусиятлари: анъанавийлик ва замонавийлик (XX аср). Хоразм Маъмун академияси ходими.
24. **Б. Самадов.** Ўзбеклар турмуш тарзида жинсий ва ёш гуруҳларининг роли (XX асрнинг 2-ярми) (Сирдарё вилояти материаллари мисолида). ЎЗР ФА Тарих институти аспиранти.
25. **Р. Отахонов.** Фарғона водийси қорақалпоқларида анъанавий ва замонавий этноинтеграцион жараёнлар. Андижон муҳандислик-иқтисодиёт институти ўқитувчиси.
26. **Н. Нарзиев.** Ўзбекларда мулоқот маданияти: анъанавий этикетнинг трансформацияси (Бухоро вилояти мисолида). Тошкент шаҳар педагог ходимларни қайта тайёрлаш ва малакасини ошириш институти ўқитувчиси.
27. **У. Алибеков.** Ўзбек халқининг этноэкологик маданияти (Сирдарё ва Жиззах вилоятлари мисолида). Гулистон Давлат университети ўқитувчиси.
28. **Ж. Эштемиров.** Қарши шахрининг XX аср тарихи. Қарши муҳандислик-иқтисодиёт институти ўқитувчиси.
29. **М. Шарипов.** Миллий маънавий қадриятлар тикланиши ва тарихий жараён. Низомий номидаги Тошкент Давлат педагогика университети ўқитувчиси.
30. **Н. Шукурова.** Ўзбекистоннинг МДХ мамлакатлари билан маданий алоқалари (1991-2005 йй.) (Россия Федерацияси, Украина ва Белоруссия давлатлари мисолида). Гулистон Давлат университети ўқитувчиси.
31. **Қ. Матҳолиқов.** Ўзбекистон Республикаси ва Европанинг франкофон давлатлари ўртасидаги маданий алоқалар тарихи (Франция, Швейцария ва Бельгия мисолида (1991-2005 йй.)). Мирзо Улуғбек номидаги Ўзбекистон Миллий университети аспиранти.

32. **Ф. Ўсаров.** Ўзбекистон Республикаси ва Жануби-шарқий Осиё мамлакатлари ўртасидаги иқтисодий ва маданий соҳалардаги ҳамкорлиги (Малайзия давлати мисолида 1991-2005 йй.). Тошкент вилояти Давлат педагогика институти ўқитувчиси.

33. **М. Ваҳобов.** Ўзбекистоннинг жаҳон ҳамжамияти билан умумий ўрта таълим тизимидаги ҳамкорлиги (1991-2005 йй.). Мирзо Улугбек номидаги Ўзбекистон Миллий университети ўқитувчиси.

34. **Т. Пономарёва.** Процесс интеграции в Центральной Азии: опыт, проблемы, перспективы. Низомий номидаги Тошкент Давлат педагогика университети ўқитувчиси.

35. **М. Эшмуродов.** Хоразм ёзма манбаларида ўзбек давлатчилиги масалалари. Урганч Давлат университети ўқитувчиси.

36. **Т. Хамраева.** Создание статистической службы в Туркестане и её деятельность (конец XIX – начало XX века) (на примере Ферганской области). Андижон Давлат университети ўқитувчиси.

37. **А. Мирзаев.** Фарғона водийсида пахтачилик тарихига оид архив хужжатларининг манбавий таҳлили (XIX аср охири – XX аср). Андижон Давлат университети ўқитувчиси.

38. **Ғ. Боқиев.** Музейлар ва уларнинг Ўзбекистон тарихини ўрганишдаги аҳамияти. Кўқон Давлат педагогика институти ўқитувчиси.

39. **С. Мухамедова.** XX аср бошларида Бухородаги миллий тараккийпарварлар ҳаракати ва тарих фани: Мусо Саиджоновнинг икки миссияси. ЎзР ФА Тарих институти аспиранти.

40. **З. Назарова.** Ал-Ислоҳ журнали – Туркистоннинг ижтимоий-сиёсий тарихини ўрганишдаги манба. Тошкент Ислоҳ университети ўқитувчиси.

41. **Х. Жамолдинов.** Ўзбекистон ва Қозоғистон Республикаларининг ижтимоий-иқтисодий ва маданий алоқалари (1970-2006 йй.). Низомий номидаги Тошкент Давлат педагогика университети ўқитувчиси.

42. **Ш. Боймуродов.** Жанубий Ўзбекистонда ўрта махсус таълимнинг ривожланиши (1991-2005 йй.). Қарши Давлат университети ўқитувчиси.

43. **Д. Раҳимбоева.** Ўзбекистонда дипломатия хизматининг шаклланиши ва ривожланиши тарихи (1944-2001 йй.) (Ташқи ишлар вазирлиги мисолида). Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университети ўқитувчиси.

44. **М. Шарипов.** Мустақил Ўзбекистонда тарихий, миллий, маданий мерос, анъаналарнинг тикланиши ва маънавий-маърифий юксалиш жараёнлари (1991-2005 йй.). Низомий номидаги Тошкент Давлат педагогика институти аспиранти.

45. **Е. Смесо́ва.** Русские духовно-культурные учреждения в Туркестане во второй половине XIX – начале XX века. Андижон Давлат университети ўқитувчиси.

46. **Ч. Қурбонов.** История таможенного дела в Средней Азии (конец XIX – начало XX в.). ЎзР ФА Тарих институти аспиранти.

47. **А. Шарипов.** Межконфессиональные отношения в Республике Узбекистан в период независимости. Жиззах Олий ҳарбий авиация билим юрти ҳарбий хизматчиси.

48. **Г. Нормуродова.** XIX аср иккинчи ярми ва XX аср бошларида Самарқандда ижтимоий табақалар ҳолати. Самарқанд Давлат университети ўқитувчиси.

Докторлик диссертацияси мавзулари:

1. **Б. Расулов.** Ўзбекистонда коллективлаштириш жараёнидаги сиёсий қатағонлар ва сургун қилинган деҳқонлар аҳволи (1929-1959 йй.). Андижон Давлат университети докторанти.

2. **Н. Жўраева.** Ўзбекистон хотин-қизларининг маданий-маърифий жараёнларида тутган ўрни ва роли (XX аср). Ўзбекистон Давлат Жаҳон тиллари университети ўқитувчиси.

3. **Г. Реука.** Опыт и проблемы научно-технической деятельности научно-вузовских и промышленных организаций Узбекистана в 1971-1991 гг. Тошкент Давлат техника университети ўқитувчиси.

4. **М. Исакова.** Становление и развитие архивного дела в Узбекистане в конце XIX – начале XXI века. ЎзР ФА Тарих институти кичик илмий ходими.

5. **Р. Юсупов.** Ўзбекистоннинг демографик тарихи (1945-1991 йй.). Самарқанд Давлат университети ўқитувчиси.

Мувофиқлаштирувчи Республика кенгашининг 2007 йил 12 мартдаги йиғилишида тасдиқланган номзодлик диссертацияси мавзулари:

1. **Ў. Абдуллаев.** Ўрта Осиёда қадимги бошқарув ва илк давлатчилик тарихининг XX аср тарихшунослиги. Ал-Хоразмий номидаги Урганч Давлат университети ўқитувчиси.

2. **Г. Ҳайитбоева.** Хива хонлигининг козоқ жузлари билан сиёсий, иқтисодий ва этномаданий муносабатлари (XVI – XVIII асрлар). Тошкент Давлат техника университети ўқитувчиси.

3. **А. Эркўзиев.** Ўрта Осиё ва Ғарбий Европа ўртасидаги иқтисодий алоқалар (XVI – XIX асрнинг биринчи ярми). Наманган Давлат университети ўқитувчиси.

4. **Б. Махмудов.** Қорахонийлар давлатчилиқ тизимининг хусусиятлари. Мирзо Улуғбек номидаги Ўзбекистон Миллий университети ўқитувчиси.

5. **Д. Атаджанова.** История изучения ремесла Бухарского ханства (историографический анализ литературы XX в. и ремесленных уставов-обрядников «Рисоля»). ЎЗР ФА Тарих институти тадқиқотчиси.

6. **М. Хатамова.** Турк хоқонлигида шаҳарсозлик маданияти (VI асрнинг 2-ярми – VIII асрнинг 1-ярми). Низомий номидаги Тошкент Давлат педагогика университети аспиранти.

7. **М. Шамсиев.** Тошкентнинг XVIII – XIX асрнинг биринчи ярмида сиёсий, иқтисодий жиҳатдан туганган ўрни. ЎЗР ФА Тарих институти кичик илмий ходими.

8. **У. Собиров.** Зарафшон воҳаси тарихининг «Туркистон тўплами»да акс этиши: манбавий таҳлил. Бухоро Давлат университети ўқитувчиси.

9. **Н. Мирзаева.** XIX аср охири – XX аср бошларида Мирзақўл воҳасидаги рус қишлоқлари ва уларнинг ижтимоий-иқтисодий аҳволи. Гулистон Давлат университети ўқитувчиси.

10. **Д. Ийманова.** Ўзбекистонда совет тузумининг кадрлар сиёсати ва унинг оқибатлари (1945-1991 йй.). Мирзо Улуғбек номидаги Ўзбекистон Миллий университети аспиранти.

11. **Ж. Ҳасанов.** Ҳ. М. Абдуллаевнинг Ўзбекистон фани ривожигаги ўрни ва илмий мероси. Андижон Давлат университети аспиранти.

12. **И. Садриддинов.** Убайдуллахўжа Асадуллахўжаевнинг ижтимоий ва сиёсий қарашлари. Низомий номидаги Тошкент Давлат педагогика университети ўқитувчиси.

13. **Б. Сафаров.** Туркистоннинг XX аср бошларидаги сиёсий, ижтимоий ҳаётида эсерлар фаолияти. Тошкент ирригация ва мелиорация институти ўқитувчиси.

14. **Д. Камолов.** Туркистон АССР суд тизими тарихи (1917-1924 йй.). ЎЗР ФА Тарих институти тадқиқотчиси.

15. **О. Пирназаров.** Ўзбекистон Республикаси ва Япония мамлакатлари ўртасидаги ўзаро иқтисодий ва маданий соҳалардаги ҳамкорлик (1991-2005 йй.). Низомий номидаги Тошкент Давлат педагогика университети ўқитувчиси.

16. **М. Расулова.** История возникновения и развития национальных культурных центров Узбекистана в период 1990-2005 гг. Тошкент Давлат авиация институти ўқитувчиси.

17. **Н. Расулова.** Ўзбекистон Республикасида сиёсий партияларнинг вужудга келиши ва ривожланиши: муаммолар ва ечимлар (1991-2008 йй.). Низомий номидаги Тошкент Давлат педагогика университети аспиранти.

18. **Т. Ҳотамов.** Ўзбекистон умумтаълим мактаблари таълим ислохотлари тизимида: ечими, муаммолар ва истикболи (1991-2007 йй.). Тошкент Давлат иқтисодий университети ўқитувчиси.

19. **М. Козьмина.** Межнациональные браки среди корейцев и немцев города Ташкента во второй половине XX века: сравнительный анализ. Тошкент Давлат Шарқшунослик институти ўқитувчиси.

20. **Р. Саггаров.** Городской шаманизм: архаическое наследие и современные тенденции развития (на примере города Ташкента). Мирзо Улугбек номидаги Ўзбекистон Миллий университети ўқитувчиси.

21. **М. Каримова.** XX аср ўзбек аёллари турмуш тарзида ислом дини: анъанавийлик ва модернизацион жараёнлар (Фарғона вилояти мисолида). ЎзР ФА Тарих институти аспиранти.

22. **О. Бахтиёрзода.** Научное наследие и роль академика И. Х. Хамрабаева в развитии геологии в Узбекистане. Мирзо Улугбек номидаги Ўзбекистон Миллий университети аспиранти.

Докторлик диссертацияси мавзулари:

1. **У. Рашидов.** XX аср биринчи чорагида Бухородаги сиёсий ҳаракатлар ва курашлар. Бухоро Давлат университети ўқитувчиси.

2. **Х. Юнусова.** XX асрнинг 80-йилларида Ўзбекистонда ижтимоий-иқтисодий жараёнлар ва маънавий ҳаёт. Мирзо Улугбек номидаги Ўзбекистон Миллий университети ўқитувчиси.

*С. Тиллабоев
Мувофиқлаштирувчи кенгаш котиби*

Муаллифлар хақида маълумот

А. Сагдуллаев – ЎзР Президенти хузуридаги ДЖҚА, Ўзбекистоннинг янги тарихи маркази директори, т.ф.д., профессор.

Ў. Абдуллаев – УрДУ «Тарих» кафедраси ўқитувчиси.

А. Асқаров – Низомий номидаги ТДПУ «Ўзбекистон тарихи» кафедраси мудири, ЎзР ФА академиги.

С. Баратов – ЎзР ФА Археология институти катта илмий ходими, т.ф.н.

Б. Матбобоев – ЎзР ФА Археология институти етакчи илмий ходими, т.ф.н.

З. Машрабов – ЎзР ФА Археология институти тадқиқотчиси.

Р. Абдуллаев – ЎзР ФА Тарих институти етакчи илмий ходими, т.ф.д.

Н. Маҳкамова – ТАТУ «Ўзбекистон тарихи» кафедраси мудири, т.ф.н.

Н. Норжигитова – ЎзР ФА Тарих институти катта илмий ходими, т.ф.н.

Д. Жўрақулова – СамДУ ўқитувчиси.

С. Шодмонова – ЎзР ФА Тарих институти докторанти.

Г. Зунунова – ЎзР ФА Тарих институти бўлим бошлиғи, т.ф.н.

А. Дониёров – ТДШИ профессори, т.ф.д.

О. Бўриев – Қарши Давлат университети «Жаҳон тарихи ва археология» кафедраси мудири, т.ф.н., доцент.

Н. Абдурахимова – ЎзМУ «Манбашунослик ва махсус тарих фанлари» кафедраси профессори, т.ф.д.

А. Ҳакимов – ЎзР Бадий академияси Санъатшунослик институти етакчи илмий ходими, академик.

С. Гиллабоев – ЎзР ФА Тарих институти илмий котиби, т.ф.н.

На первой странице обложки журнала «O'zbekiston tarixi» за 2007 год помещены изображения трех символических сфер мироздания в историческом развитии.

Во всех номерах журнала в верхней сфере представлен резной ганчевый декор интерьера дворца кокандских ханов XVIII в.; в средней сфере – гравированное изображение сцен битвы и охоты на костяных пластинах из погребального кургана I в. н. э. у с. Орлат Самаркандской области.

Изображение в центре меняется для каждого номера в соответствии с направленностью его содержания.

№ 1 – изображение воробья на ветвях на керамическом блюде XV в. из Самарканда.

№ 2 – орнамент с арабской надписью на керамическом блюде X в. из Ташкента.

№ 3 – серебряная монета царя Сафшафана середины VIII в. н. э. из Хорезма.

№ 4 – изображение зороастрийского персонажа Гопатшаха – крылатого быко-человека на крышке глиняного сосуда из храма с городища Калалы-Гыр 2 IV – II вв. до н. э. в Хорезме.

